

государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение
«Магнитогорский педагогический колледж»

О.В. Долгополов

Особенности французского языка

(теория французского языкознания)

Учебно-практическое пособие для учащихся
общеобразовательных организаций, изучающих французский язык
как второй иностранный

2-е издание, переработанное и дополненное

Магнитогорск 2022

Рецензенты:

Doctorat de Nouveau Regime de Paris IV (Paris Sorbonne)

A. WAGNER

доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Н.Н. КИРИЛЛОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков
Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова

Л.И. АНТРОПОВА

Долгополов Олег Викторович

Особенности французского языка (теория французского языкознания):
учебно-практическое пособие для учащихся общеобразовательных органи-
заций, изучающих французский язык как второй иностранный / О.В. Долгопо-
лов. – 2-е изд., перераб. и доп., 2022. – 195 с.

Предлагаемое вниманию читателей пособие стремится научить их понимать сам язык, во всём сложном многообразии его конкретных категорий и конкретных форм. От языкового материала к его сравнению, осмыслению и обобщению – таков путь, предлагаемый в данном пособии. Автор сознаёт, насколько сложна эта задача. Всё же по мере сил и возможностей, на протяжении всей книги, делается попытка осветить сущность и взаимодействие основных функций языка. Автор убеждён, что такого рода пособие не должно быть догматичным. Поэтому последовательно проводя принципы научной концепции лингвистической школы акад. РАН Виноградова В.В. и Шведовой Н.Ю. «Структурно-функциональное описание языка в аспекте взаимодействия грамматического и лексического строя, грамматической и лексической семантики, законов текста», автор указывает и на другие точки зрения и концепции, существующие в современной науке. Этому служат многочисленные библиографические указания и ссылки на русском и иностранных языках, которые содержатся в тексте пособия.

Учебно-методическое пособие предназначено для учащихся 8-9 классов общеобразовательных организаций и может быть использовано как для работы в классе, так и для самостоятельной подготовки работ в области проектной деятельности и выступлений на научно-практических конференциях.

ISBN 978-5-9925-0276-3 (русск.)

ISBN 2-07-059431-9 (франц.)

© Долгополов О.В., 2022

Содержание

Пояснительная записка. Цели и задачи обучения второму иностранному языку (5)

ЧАСТЬ I. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ ВО ФРАНЦИИ (16)

Модуль 1. Общая характеристика французского языка. Уровневая структура языка (16)

§ 1.1 Современный литературный французский язык как многостилевое, развивающееся средство общения (17). § 1.2 Теории уровневого строения языка А. Маргине и Э. Бенвениста (20). § 1.3 Границы единиц разных уровней (22). § 1.4 Французский язык как средство международного общения (24). § 1.5 Французско-русские языковые связи (27). § 1.6 Преподавание французского языка (31). *Литература к модулю (33)*

Модуль 2. История французского литературного языка: социолингвистический аспект (34)

§ 2.1 Периодизация истории французского языка (по В.Г. Гаку) (34). § 2.2 Эпоха становления феодальных отношений во Франкском королевстве. Период протофранцузского языка (36). § 2.3 Эпоха укрепления и расцвета феодализма во Франции. Период становления старофранцузского языка и рождения французской литературы (41). § 2.4 Эпоха становления национального французского языка и государства. Период ранненовофранцузского языка (46). § 2.5 Период новофранцузского языка. Формирование норм современного французского языка (50). *Литература к модулю (54)*

Модуль 3. Языковая политика и вопросы культуры речи во Франции (56)

§ 3.1 Языковая политика французских королей и правительств (56). § 3.2 Движение в защиту местных форм речи в сфере публичного общения. Закон Дексона (60). § 3.3 Эволюция понятия нормы литературного языка во Франции в разные исторические эпохи (63). § 3.4 Проблемы языковой нормы (). § 3.5 «Защита» кодифицированного языка от элементов разговорной речи (). § 3.6 Меры по регулированию языка (). *Литература к модулю ()*

ЧАСТЬ II. ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ (73)

Модуль 4. Звуковой строй современного французского языка. Толкование фонемы (74)

§ 4.1 Общая характеристика звукового строя современного французского языка (75). § 4.2 Система гласных фонем современного французского языка (78). § 4.3 Система согласных фонем современного французского языка (80).

§ 4.4 Транскрипция и словари (82). § 4.5 Проблема [ə] muet (83). § 4.6 Чередование [ə] беглого с нулём звука (85). § 4.7 Беглое [ə] в поэзии (89). § 4.8 Слово в речевом потоке. Ритмические группы, сцепление и связывание (92). § 4.9 Liaison в поэзии (95). § 4.10 Специфика омонимии в современном французском языке (97). *Литература к модулю* (100)

Модуль 5. Грамматический строй современного французского языка. Особенности морфологии (101)

§ 5.1 Особенности аналитизма французского языка (101). § 5.2 Письменная и устная формы речи. Понятие языковой нормы (104). § 5.3 Морфологическая нерегулярность (107). § 5.4 Книжная и разговорная речь (108). § 5.5 Проблема частей речи во французском языке (110). § 5.6 Грамматические категории во французском языке (112). § 5.7 Общие признаки детерминативов как части речи. Особенности артикля во французском языке (115). § 5.8 Синтаксические функции и морфологические категории французского глагола (119). § 5.9 Глаголы être и avoir (120). § 5.10 Употребление грамматических времён во французском языке (122). *Литература к модулю* (133)

Модуль 6. Грамматический строй современного французского языка. Особенности синтаксиса (134)

§ 6.1 Введение в синтаксис. Основные единицы синтаксиса (134). § 6.2 Сочетание слов и словосочетание (135). § 6.3 Предложение и его функции. Предикативность как грамматическое выражение предикации (137). § 6.4 Средства выделения членов предложения (139). § 6.5 Проблема референтности предложения (141). § 6.6 Порядок слов в современном французском языке (143). § 6.7 Природа сложного предложения и его частей (147). § 6.8 Семантические особенности сложного предложения (148). § 6.9 Сверхфразовое единство и текст (149). § 6.10 Взаимодействие синтаксиса и лексики (153). *Литература к модулю* (156)

Модуль 7. Лексика современного французского языка (158)

§ 7.1 Лексика французского языка. Способы обогащения лексического состава языка (158). § 7.2 Словообразовательные средства современного французского языка (160). § 7.3 Переосмысление значений слов и формирование словосочетаний различной степени устойчивости (162). § 7.4 Заимствование французским языком слов из других языков (166). § 7.5 Заимствования из французского языка в другие языки (169). § 7.6 Проблема мотивированности слова (171). § 7.7 Объём значения слова (173). § 7.8 Семантические группы слов. Теория семантических полей И. Трира (177). § 7.9 Особенности словообразования в современном французском языке (180). *Литература к модулю* (184)

Список рекомендуемой литературы (185)

Пояснительная записка

Цели обучения второму иностранному языку

Желающий узнать тайны прежде всего должен уметь их хранить. Что должно храниться под печатью, пусть останется запечатанным, освящённого не давай псам и не мечи бисера перед свиньями. Соблюдай эти законы, и твои духовные очи отверзятся для восприятия тайн, и Божественный голос откроет твоей душе всё, чего она пожелает... Живи для себя и для науки. Не ищи расположения толпы. Не трать времени даром, но употребляй его на общую пользу. Приложи к делу твои качества, блюди своё призвание – да не отклонятся уста твои от Истины. Слушай добрых советников. Избегай отсрочивать дела. Приучай себя к обдуманности и твёрдости во всех твоих поступках и словах...

Генрих Корнелий Агриппа. Духовная Мудрость Древних¹

Современная методика преподавания иностранных языков развивается в рамках лично-ориентированной образовательной парадигмы. В соответствии с её положениями, целью образовательного процесса является развитие личности человека как высшей духовной ценности. Эта общая цель уточняется в отношении разных образовательных областей в нормативных и программных документах, начиная с Государственного образовательного стандарта общего образования. В области языкового образования цели определяются в терминах формирования коммуникативной компетенции.

Понятие «коммуникативная компетенция» появилось в 70-х годах XX века в США в работах социолингвистов. Значительный вклад в его разработку и пропаганду внёс Делл Хаймс (Dell H. Hymes), работы которого посвящены исследованию природной многофункциональности языка. Он одним из первых обратил внимание на то, что речевая деятельность, как предмет обучения, значительно шире умений грамматически корректно построить высказывание. Делл Хаймс включил в понятие «компетенция» наряду с лингвистическими умениями другие, необходимые для речепорождения и понимания речи когнитив-

¹ *Агриппа Г.К.* Духовная Мудрость Древних, или Магия Арбателя: книга магических гримуаров / Генрих Корнелий Агриппа; пер. с франц. А.В. Трояновского. – Нижний Новгород: Издатель А.Г. Москвичёв, 2013. – С. 21-22.

ные, психологические и социокультурные умения.

Коммуникативная компетенция – это сложный комплекс знаний, умений и навыков, который позволяет субъекту общения получать и добывать информацию, учиться, действовать и взаимодействовать с другими субъектами в определённой культурной среде². В современной методике при определении целей обучения используются понятия «знания», «способности», «умения», «навыки», «владение» и т.д. Термин «коммуникативная компетенция» выражает общую цель обучения языку, определяющую основное содержание образовательного процесса.

Основными компонентами коммуникативной компетенции человека являются:

Языковая (лингвистическая) компетенция – знание и владение аспектами языка, умение использовать фонетическую, лексическую, грамматическую системы языка.

Речевая (дискурсивная) компетенция – умение порождать и варьировать коммуникативно-приемлемую речь и корректно интерпретировать содержание речи на иностранном языке; знание и владение типами дискурса, типами текстов, умение их использовать в зависимости от ситуации коммуникации; умения выбрать форму общения и лингвистические средства исходя из ситуации.

Социокультурная компетенция – понимание социокультурного контекста, в рамках которого развивается социальная общность, говорящая на языке, и в рамках которого обучаемый должен уметь применить свою лингвистическую и дискурсивную компетенции: знание и владение социальными правилами и нормами взаимодействия между индивидуумами и учреждениями, знание истории и культуры общества.

Компенсаторная или стратегическая компетенция – способность использовать речевые и неречевые стратегии для того, чтобы восполнить недостаточные знания или умения в области лингвистического кода.

Данные способности человека образуют **коммуникативную сферу компетенции**. Помимо неё существует познаватель-

² Определение А.В. Щетиловой.

ная или когнитивная сфера в рамках которой выделяются:

Тематическая (референциальная) компетенция – знания об объектах мира, их отношениях.

Когнитивная компетенция – умения познавать, учиться.

Взаимодействие компонентов коммуникативной компетенции человека представлено в схеме 1. Четыре основных элемента компетенции – представлены частично пересекающимися областями, расположенными внутри познавательной сферы сознания человека.

Схема 1

Коммуникативная компетенция человека

Для эффективного участия в процессе коммуникации как на родном, так и на иностранном языке необходимы все составляющие компетенции. Однако в иноязычной компетенции составляющие могут различаться по уровню развития и «практической востребованности». Следовательно, значимость компонентов и их отношения могут быть по-разному представлены при обучении иностранным языкам. Их развитие и соотношение в конкретных условиях обучения определяют с помощью понятий **уровень обученности** и **частичная компетенция**.

Под уровнем обученности подразумевается степень владения иностранным языком с точки зрения эффективности процесса реального общения³. В отечественных программах принято выделять четыре уровня обученности: элементарный, базовый, повышенный и высокий. В новом Государственном стандарте общего образования цели обучения определяются в европейской традиции.

Согласно европейским методическим документам, существуют шесть уровней владения иностранным языком (схема 2).

Каждому уровню соответствует определённая степень развития навыков и умений. В зависимости от задач учебного за-

³ Определение И.Л. Бим.

ведения и условий обучения варьируются требования к формированию уровня владения иностранным языком. При этом в рамках каждого уровня желательно равномерное развитие составляющих коммуникативной компетенции.

Схема 2

Уровни владения иностранным языком

А (элементарные)	A ₁	Выживания
	A ₂	Допороговый
В	B ₁	Пороговый
	B ₂	Пороговый продвинутый
С	C ₁	Высокий
	C ₂	Совершенное владение

Уровневый подход применяется для постановки цели обучения вторым иностранным языкам. Школьный курс должен обеспечить учащимся формирование как минимум элементарной коммуникативной компетенции (допороговый уровень). В зависимости от условий обучения возможно формирование более высокого уровня. В некоторых условиях (введение второго иностранного языка в старших классах (9-10) или факультативно, при небольшом количестве часов) возникает проблема недостатка времени для формирования даже элементарной, но полноценной компетенции. Постановка целей обучения в таких условиях совершается с опорой на понятие «частичная компетенция»⁴.

Частичная компетенция владения иностранным языком предполагает выбор в каждом конкретном образовательном случае вариантов речевой деятельности, стратегий, задач. Целью обучения не первому иностранному языку могут быть элементы коммуникативной компетенции, реально востребованные конкретными учащимися или более доступные им. Частичная компетенция во втором языке не является ущербной или неполноценной. Она частична в общем плане, но может быть достаточна для особой области или специфической цели. Частичная компетенция противопоставляется

⁴ Термин встречается с 1996 года в материалах заседаний комиссий по языковому образованию Совета Европы.

ограниченной, которая связана с ограниченными способностями не лингвистического, но речевого плана и затрагивает все языки субъекта, включая родной язык. Неравномерность развития составляющих коммуникативной компетенции во втором языке компенсируется возможностью включения в неё предшествующего опыта, а также комплементарностью функционирования её элементов: овладение частью служит развитию всей коммуникативной компетенции.

Комплементарность (способность к взаимодополнению) является одной из основных характеристик **многоязычной (мультилингвальной) компетенции**. Под **интеркультурной и многоязычной компетенцией** понимается компетенция в языковом общении и культурном взаимодействии, которой обладает субъект общения и взаимодействия, владеющий несколькими языками в разной степени и имеющий разный опыт в области нескольких культур⁵.

Многоязычная компетенция характеризуется неравномерным развитием её составляющих. Она состоит из частичных компетенций, способных к взаимодействию и развитию как прогрессивному, так и регрессивному в течение всей жизни человека. Это единая динамическая структура, внутри которой возможны комбинации и чередования умений и навыков. Комбинаторный характер многоязычной компетенции позволяет компенсировать недостаточное развитие некоторых её сторон. Она использует и развивает уже существующие компетенции, которые становятся объектом переноса.

При обучении иностранному языку существует возможность опоры: 1) на соположенные компетенции в данном языке, 2) на коррелирующие компетенции в других известных человеку языках. Цели обучения второму иностранному языку следует ставить с учётом этих взаимодействий.

Развитие **языковой (лингвистической) компетенции** происходит в ходе решения конкретных задач обучения фонетике, лексике, грамматике нового языка. Набор лингвистических знаний и умений во втором иностранном языке объективно не

⁵ Coste D., Moore D., Zarate G. Compétence plurilingue et pluriculturelle // Apprentissage des langues dans le cadre européen.

может быть иным, чем в первом иностранном языке. Поэтому для определения обязательного минимума лингвистических средств можно использовать программы, созданные для первого иностранного языка и содержащие уровневое распределение языкового материала. Например, московские программы для школ первой и второй моделей языкового образования (элементарный уровень)⁶. Этот обязательный минимум может быть преvзойдён при наличии достаточного количества часов и прочих благоприятных факторов. Развитие лингвистической компетенции во втором иностранном языке должно осуществляться с опорой на металингвистические представления учащегося (сопоставительный подход), что обеспечит интенсивность процесса обучения.

Речевая (дискурсивная) компетенция во втором иностранном языке предполагает развитие умений и навыков в видах речевой деятельности. Она формируется под большим влиянием аналогичных компетенций в родном и первом иностранном языках. Это влияние может иметь позитивный и негативный характер. Последствия интерференции можно предотвратить, используя аутентичные материалы, приобщающие ученика к закономерностям построения аутентичного дискурса. Полезным приёмом формирования дискурсивных умений во втором иностранном языке является текстовый подход – построение речевых высказываний по моделям не изолированных предложений, но текстов. Следует использовать значительные возможности положительного переноса синтаксических и дискурсивных умений из родного и первого иностранного языков, а также комплементарность функционирования дискурсивной компетенции. Достижение тех или иных уровневых характеристик дискурсивной компетенции (умений и навыков в четырёх видах речевой деятельности) во многом зависит от сформированности лингвистических знаний и умений. Формирование лингвистической и дискурсивной компетенции должно достигаться параллельно.

⁶ *Программа по иностранным языкам*. Вторая модель обучения (для 1-11 классов общеобразовательной школы). – М., 2000. А также: *Программа по иностранным языкам*. Первая модель (для 5-9 классов). – М., 1999.

Формирование *социокультурной компетенции* сопряжено с трудностями в выделении культурного содержания обучения иностранному языку: оно «растворено» в лингвистическом, дискурсивном и прочем содержании обучения. Цели, связанные с формированием социокультурной компетенции во втором иностранном языке, следует ставить, прежде всего, в терминах воспитательной ценности культурного аспекта. Пути реализации социокультурного аспекта являются: использование коммуникативного подхода, аутентичных материалов и любых других компонентов содержания, культурно маркированных.

При обучении второму иностранному языку в конкретной ситуации обучения (возраст, часы) требуется уточнить «весомость» социокультурного аспекта. При этом следует избегать как игнорирования культурного содержания, так и стереотипизации культуры страны, её изучения как мёртвого «памятника», неверной оценки личного культурного опыта учащихся, их способности освоить определённое культурное содержание. Требуется также учитывать возможности оптимизации формирования социокультурной компетенции (зоны общего опыта, возможности переноса).

Формирование *компенсаторной или стратегической компетенции* предполагает развитие способности и готовности преодолевать дефицит своих иноязычных знаний, навыков и умений. Это когнитивная способность, позволяющая решать конкретные проблемы общения. Она тесно связана как с лингвистической компетенцией индивида (умение найти синоним, переструктурировать высказывание), так и с его когнитивными умениями (контекстуальная догадка, например). Формирование стратегической компетенции играет важную роль в обучении второму иностранному языку.

Коммуникативный подход в обучении, обширные возможности для быстрого прогресса в развитии речевой деятельности на новом языке создают реальные предпосылки для коммуникации в классе уже с первых уроков. Эффективность коммуникации, особенно при недостаточном знании лингвистических средств, определяется способностью ученика использовать все свои коммуникативные ресурсы, вербально и не вербально реагировать в «трудные» моменты. Формирование этой способно-

сти следует выдвигать в качестве цели, однако она не предусматривает специальных групп упражнений, если обучение осуществляется в русле коммуникативно-когнитивного подхода. Для развития этой стороны коммуникативной компетенции достаточно обеспечить в классе атмосферу общения.

Когнитивная компетенция обучающегося иностранному языку предполагает овладение учащимся приёмами учения, позволяющими ему адекватно, оперативно и оптимально решать учебные задачи, вплоть до общего планирования обучения и самоконтроля. Формирование когнитивной компетенции – задача важная в любом образовательном процессе, так как она имеет целью развитие автономии обучаемого, одну из приоритетных задач современной педагогики. При обучении второму иностранному языку, особенно при небольшом количестве аудиторных часов, цель научить ученика учиться приобретает аксиоматическое звучание.

Многие из учебных умений могут быть перенесены в область нового языка из предшествующего учебного опыта. Это такие умения, как умение работать с учебником, рабочей тетрадью, книгой для чтения, словарём, энциклопедией; владение технологией выполнения наиболее распространённых видов упражнений, тестов; умение самостоятельно осуществлять поиск и подбор дополнительных материалов по теме, проблеме; умение выработать свою собственную стратегию для усвоения лексики (словарная тетрадь, тематический словарь, лексическая картотека, словообразовательные схемы) и т.д.

Для последовательного формирования автономии обучающегося важно приучать его использовать учебные умения эффективно, развивать комплексные умения (организовать своё обучение). Таким образом, одной из целей обучения второму иностранному языку является обучение когнитивным и метакогнитивным стратегиям, их совершенствование, придание им осознанного характера. Путь формирования когнитивной компетенции учащегося – использование особых технологий обучения, которые заставляют учеников осознавать своё речевое поведение, отдавать отчёт в том, какие учебные стратегии они применяют, в их успешности для решения конкретной задачи.

Когнитивная компетенция человека, наряду с *общей референциальной компетенцией*, является фундаментом для развития и функционирования всех элементов коммуникативной компетенции (см. схему 1). Она обеспечивает формирование лингвистической компетенции (овладение языковыми средствами), дискурсивной компетенции (планирование речевого поведения, реализация коммуникативного намерения), социокультурной компетенции (понимание национальной самобытности на всех уровнях), стратегической компетенции (компенсаторные стратегии). Это исключительная посредническая сфера, важность которой требует учитывать особенности познавательной деятельности ученика и опираться на них. Прочие области коммуникативной компетенции демонстрируют высокую степень взаимозависимости. Эта сложная конфигурация выстраивается, развивается и функционирует в единстве, в целостности. Поэтому объективно *при постановке целей обучения иностранному языку следует учитывать все составляющие коммуникативной компетенции*. Однако «участие», «доля» каждой компетенции может меняться в зависимости от ступени обучения, возраста и интересов учащихся и некоторых других факторов.

В общих чертах можно обозначить их «удельный вес» в течение более или менее продолжительных периодов обучения. Например, при обучении второму языку с продолжительностью в 5 лет (7-11 класс) при 3 часах в неделю на обучение отведено около 120 ежегодных аудиторных часов. В первый год обучения учащиеся-подростки заинтересованы в наиболее быстром лингвистическом прогрессе. Лингвистическая составляющая компетенции развивается более интенсивно, дискурсивная и компенсаторная имеют примерно одинаковое значение, развитие социокультурной компетенции является сопутствующей целью, реализуемой, в основном, через аутентичные материалы.

Во второй год обучения лингвистическая и дискурсивная составляющие по-прежнему несколько доминируют над культурным элементом. Когнитивная компетенция (совершенствование познавательных стратегий) занимает очень важное место в обучении в течение первых двух лет. Третий и четвёртый год приносят равное внимание лингвистической, речевой и куль-

турной составляющим. Цели развития когнитивных стратегий ставятся уже только в отношении новых учебных задач (например, проектная работа, работа в Интернете и пр.). Последний, пятый год обучения, является единственным, в котором лингвистическая составляющая может не доминировать. Развитие речевой и культурной компетенции занимает ведущее место.

В других ситуациях обучения второму языку существует вероятность изменения целей в ходе обучения, их иная иерархизация. В рамках любого сценария обучения, даже при небольшом количестве часов, предпочтительно на каждом этапе обучения развивать разные элементы коммуникативной компетенции. Слишком сильные перекосы в сторону той или иной составляющей компетенции нарушают принципиальные положения коммуникативного подхода и отрицательно сказываются на мотивации учащихся. *Если учащиеся чувствуют, что новый язык не обогащает их социально или культурно, они теряют интерес.* Аналогичная ситуация складывается, если внимание педагога сосредоточено на лингвистическом коде в ущерб коммуникации.

Среди факторов, определяющих приоритеты в постановке целей обучения, одним из основных остаётся количество часов, отводимых учебным планом на предмет «Второй иностранный язык». Цели следует ставить так, чтобы вытекающая из них совокупность практических задач была реально достижимой.

В разнообразных педагогических ситуациях, в которых изучается второй иностранный язык в школах, учащиеся могут достичь разных уровней владения вторым иностранным языком – от элементарного до углублённого. Овладение базовым или допороговым уровнем можно реализовать не менее чем за 12 недельных часов (по 3 часа в неделю в течение четырёх лет) обучения второму языку. Увеличение времени или другие благоприятные факторы должны привести к углублению компетенции или каких-либо её составляющих.

При ограниченных временных условиях для овладения вторым иностранным языком работа по **целеполаганию** становится особенно ответственной. Надо так подходить к постановке целей и к обучению вообще, чтобы максимально извлекать выгоду из содержания других дисциплин, из самостоятельной ра-

боты школьников, из других возможностей оптимизации образовательного процесса.

Схема 3

Образовательная, развивающая и воспитательная сферы для формирования иноязычной коммуникативной компетенции

Лингвистическая компетенция	⇒	Сумма лингвистических знаний
	⇒	Понимание системы языка, осознание её особенностей
	⇒	Аффективное отношение к языку
Дискурсивная компетенция	⇒	Умения коммуникации
	⇒	Совершенствование речевых навыков
	⇒	Отношение к дискурсивным привычкам иного социума
Социокультурная компетенция	⇒	Знания о стране и культуре
	⇒	Социализация личности, социальный опыт
	⇒	Воспитание нравственных и мировоззренческих качеств
Когнитивная компетенция	⇒	Учебные умения
	⇒	Развитие интеллектуальных способностей, способности к самообразованию
	⇒	Стремление к самосовершенствованию
Компенсаторная компетенция	⇒	Компенсаторные умения
	⇒	Развитие стратегий общения
	⇒	Воспитание уверенности в себе, самостоятельности, стремления к общению
Тематическая компетенция	⇒	Фоновые знания
	⇒	Эрудиция
	⇒	Воспитание любознательности

Процесс развития коммуникативной компетенции многосторонний, он реализуется в трёх сферах: обучения, развития и воспитания. Задачи обучения конкретизируются в терминах знаний, умений и навыков, служащих для общения на языке, решения коммуникативных задач. Развивающая сфера подчёркивает важность когнитивных факторов в обучении, обращает внимание на пути освоения знания. Воспитательная сфера формирует личность, систему аффективных отношений. Развитие каждой составляющей коммуникативной компетенции как цели образовательного процесса происходит во всех трёх сферах, как показано на схеме 3.

Часть 1

Общие сведения о французском языке. Языковая ситуация во Франции

Модуль 1

Общая характеристика современного французского языка. Уровневая структура языка

§ 1.1 Современный литературный французский язык как многостилевое, развивающееся средство общения

Современное состояние языка понимается как такое, которое сложилось к концу двадцатого столетия. Однако большая устойчивость грамматического строя, исторически закрепившаяся стабильность всех его основных категорий и очевидная постепенность его изменений позволяют привлекать для описания материалы не только второй половины XX века, но и предшествующих десятилетий, а также материалы классической литературы XIX века, – во всех тех случаях, когда они отражают явления, сохранившиеся и сейчас как живые, современные.

Краткая русская грамматика⁷

В генетическом отношении французский язык (le Français) входит в группу **романских** языков, связанных общностью происхождения от древнего латинского языка (lingua Latina), распространившегося в результате римских завоеваний на территории Южной Европы.

Для большинства жителей современной Франции (около 55,061 млн человек) французский язык является **национальным** языком. Он единственный и обязательный для всех граждан страны язык. Число собственно французов или двуязычных жителей, свободно владеющих французским языком, достигает приблизительно 53 млн человек.

Сопоставляя французский язык с другими языками, некоторые лингвисты пытались дать его общую характеристику, отметить характерные черты этого языка, проявляющиеся на всех

⁷ *Краткая русская грамматика*: научное, справочное и нормативное пособие / Российская Академия наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова; коллектив авторов, под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. – 2-е изд., стереотип. – М., 2002. – С. 5.

уровнях: в лексике, фонетике, грамматике⁸. Французскому языку всегда приписывались и приписываются такие особенности, как *ясность и абстрактность средств выражения*. Кроме того, относительно сильная зависимость французского слова от контекста приводит к активному образованию и широкому употреблению во французском языке устойчивых словесных комплексов, клише.

За триста с лишним лет существования нормализованного литературного языка в нём накопилось немало таких автоматизированных оборотов, знание которых значительно облегчает владение языком и ведение разговора. По мнению некоторых лингвистов, ясность, абстрактность, стандартизированность языка делают из него удобное средство коммуникации. Но при этом отмечаются и существенные недостатки: те же самые абстрактность и стандартизированность средств выражения ограничивают возможности выражения оттенков мыслей, эмоций, приводят к статичности выражения.

Язык выполняет две основные функции: *коммуникативную* (служит средством передачи информации) и *экспрессивную* (служит средством выражения оттенков эмоций, мыслей и чувств). Из особенностей французского языка напрашивается вывод, что он больше приспособлен для выполнения коммуникативной функции, чем экспрессивной; больше ориентирован на собеседника, чем на говорящего.

Однако эти суждения односторонни. Абстрактный характер французского языка относителен. Также и ясность не является специфической принадлежностью французского языка. Известный лингвист Андре Мартине (*André Martinet*, 1908-1999) указывал, что с точки зрения самой структуры языка слова о ясности французского языка не имеют смысла: в этом языке каламбуров немало поводов для смешения и путаницы. Что верно,

⁸ Балли Шарль. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ред. и предисл. Р.А. Будагова. – М., 1955, с. 372 и сл.; Wartbourg W. von. Evolution et structure de la langue française. – Berne. – 5e éd., 1958, pp. 264-269; Galichet G. La physiologie de la langue française / G. Galichet. – Paris, 1958, pp. 123-132; Sauvageot A. Les procédés expressifs du français contemporain / A. Sauvageot. – Paris, 1957, p. 215 et suiv.; Duron J. Langue française, langue humaine / J. Duron. – Paris, 1963.

так это то, что в течение многих десятилетий французские философы и учёные стремились, обращаясь к широкой публике, сделать свою мысль ясной⁹, и это создало определённую традицию в современном французском литературном языке.

Что касается выразительности, то она вполне достижима во французском языке, но при соответствующих усилиях. Вот что писал по этому поводу русский советский писатель Илья Эренбург (1891-1967): «Французский язык при росте не богател, но беднел, он как бы высыхал, не теряя при этом своей силы. Цветистость младенческого Средневековья он променял на высокую точность. Он стал не только прекрасным языком для научных работ, но также идеально литературным языком. Писать на нём и очень просто, и очень трудно. Гладкость речи даётся чуть ли не с колыбели, но мастер поражает нас легчайшими оттенками, осторожным подбором слов, неуловимостью интонаций. Фразу нельзя разломать, нельзя расставить слова как вздумается, нельзя придумать десятков новых словообразований... Бедность возможностей повышает роль писателя»¹⁰.

Эти слова были написаны полстолетия тому назад. С тех пор в нормах французского литературного языка произошли большие изменения: чаще стало использоваться расчленение предложений, отображающее живую разговорную речь и позволяющее расставить слова «как вздумается», писатели возрождают опыт Франсуа Рабле и свободно придумывают новые слова, когда этого требуют литературные задачи, не только в художественных произведениях, но и в публичном общении употребляются слова со сниженной стилистической окраской.

⁹ *Martinet A. La prononciation du français contemporain / A. Martinet. – Paris, 1945, p. 61.* Андре Мартине – французский лингвист, один из теоретиков структурализма. Автор работ «Принцип экономии в фонетических изменениях» (1960), «Принципы общего языкознания» (переведена на 13 языков), «Общий синтаксис» и многих других. Первый президент Европейского лингвистического общества в 1966-1967 годах.

¹⁰ *Эренбург И. Затянувшаяся развязка / Илья Эренбург. – М., 1934., с. 222.* Илья Эренбург – русский писатель, публицист, чутко реагировавший на вызовы времени, представивший философскую панораму жизни Европы и России 1910-20-х годов. Открыл многие, ранее замалчиваемые факты и события из истории отечественной и европейской культуры и общественной жизни XX века.

Современный французский язык – многостилевое, активно развивающееся средство общения и выражения мыслей и чувств. Но, как и всякий другой язык, он становится эффективным лишь при условии хорошего владения им.

§ 1.2 Теории уровневого строения языка Андре Мартине и Эмиля Бенвениста

Всякий язык представляет собой структуру, состоящую из определённых уровней, причём из элементов низших уровней строятся элементы (единицы) высших уровней. Во французском языкознании известны две теории уровневого строения языка: теория Андре Мартине и теория Эмиля Бенвениста.

Андре Мартине разработал **теорию двойного членения языка**. В качестве исходной единицы при этом берётся предложение (высказывание). В предложении *Ils travaillent régulièrement* можно выделить пять значимых элементов: *ils*, *travaill-*, *-ent*, *régulière-*, *-ment*. Они вычленяются на основании субституции (замещения): если данный элемент может встречаться в других контекстах с тем же значением, и, наоборот, в данном контексте замещаться другим элементом, то, значит, это отдельный значимый элемент. Например, сравнение *régulièrement* с *lentement* и с *régulière* свидетельствует о том, что *régulière-* и *-ment* имеют собственное значение (*-ment* показывает, что данное слово – наречие).

В результате первого членения образуются значимые единицы, обладающие определённой звуковой формой и определённым значением. Их называют **морфемами** (А. Мартине обозначал их термином *монема*). Пример показывает, что имеются три вида морфем с точки зрения выражаемого содержания:

1) *лексическая корневая морфема* (лексема), способная самостоятельно выражать определённый смысл: *ils*, *travail(l)-*, *régulier (ère)*;

2) *грамматическая морфема*, выражающая дополнительные грамматические значения: *-ent* (3-е лицо мн. числа);

3) словообразовательная морфема, которая служит для об-

разования новых слов: *-ment*.

При втором членении морфемы делятся на фонемы, типированные звуки, которые не имеют собственного значения, но служат для различения звуковых форм морфем. Например, в слове *ils* [il] *они* звук [i] сам по себе ничего не обозначает, но если мы заменим его, то получим другое слово: *elle* [ɛl] *она*; *houle* [ul] *волнение на море*; *halle* [al] *рынок*. Благодаря двойному членению из ограниченного числа фонем (во французском языке их 35) можно получить несколько десятков тысяч морфем (слов и их форм), а из последних – образовать неограниченное количество предложений для выражения бесконечного разнообразия мыслей.

Основные единицы языка: **фонема – слово** (с его лексической, словообразовательными и грамматическими морфемами) –

предложение. Выше предложения находится **текст**, состоящий обычно из цепи предложений (сверхфразовое единство). С другой стороны, языковой анализ не останавливается на уровне фонем. Сами фонемы различаются на основании присущих им дифференциальных (различительных) признаков, которые Эмиль Бенвенист (см. фото) называл *меризмами*. Различительные признаки выявляются при противопоставлении языковых единиц, причём не только у фонем, но также и у значимых единиц: лексем и грамматических морфем. Различительные признаки в сфере значения называются семантическими компонентами или семами.

Слова *gue* [ry], *roue* [ru], (*il*) *rit* [ri] различаются гласными звуками [y, u, i], которые в свою очередь различаются и между собой. Произнося звуки [y] и [u], мы обнаруживаем, что они отличаются друг от друга только положением языка: при [y] язык идёт вперед, при [u] оттягивается назад. Этот признак гласных называют *рядом*. Сравнивая [y] и [i], мы замечаем, что они различаются только положением губ: при произнесении [y] губы вытягиваются вперед (это называется *огублением* или *лабиализацией*), при [i] оттягиваются назад. Таким образом, при помощи

двух различительных признаков можно описать свойства этих трёх гласных:

[y] – звук переднего ряда, лабиализованный;

[i] – звук переднего ряда, нелабиализованный;

[u] – звук заднего ряда, лабиализованный.

А может ли быть звук заднего ряда нелабиализованный? Да, он будет похож на глубокое [ы], однако, во французском языке такого звука нет.

Аналогичным образом устанавливается различие значений слов и грамматических форм. Например, значения русских глаголов *приходить*, *уходить*, *приезжать*, *уезжать* различаются по двум различительным признакам (семам): направлениям движения (*при-* / *у-*) и способам передвижения (*ходить* / *ехать*). За исключением случаев абсолютной синонимии, противопоставление форм свидетельствует о различии значений, и одна из задач лингвистической науки состоит в выявлении семантических компонентов форм.

§ 1.3 Границы единиц разных уровней

Единицы разных уровней не всегда выделяются чётко, во французском языке эта задача оказывается нередко особенно сложной, и много теоретических исследований в области словообразования и грамматики посвящено поискам критериев, с помощью которых можно отграничить один тип единицы от другого. Например, в области словообразования между одним простым словом и сочетанием двух простых слов находится целый ряд структур, постепенно переходящих друг в друга; простое слово – производное слово – сложное слово – словосочетание.

Часто весьма непросто провести между ними разграничительные линии. Сравнивая пары слов: *grand* – *grandeur* *величие* и *profond* – *profondeur* *глубина*, мы ясно видим, что вторые слова в каждой паре – производные, в которых *-eur* – суффикс, выражающий отвлечённое качество. В слове *splendeur* *-eur* имеет то же значение, но основа *splend-* отдельно не существует: она выделяется лишь при сравнении слов: *splendeur* *великолепие*, *splendide* *великолепный*, *resplendissant* *блистательный*. Это свя-

занная основа.

В слове *saveur* *вкус* основа никак не соотносится с *savoir* *знать*, хотя исторически они восходят к одному и тому же корню, так что в отношении этого слова в системе современного французского языка можно колебаться: считать ли его простым или производным. Глагол *maintenir* *поддерживать* является сложным, но в отношении *malmener* *помыть* возникает вопрос, поскольку *mal-* рассматривается или как отдельная основа, или как префикс. Для таких случаев некоторые лингвисты предлагают термин «полуаффикс». Слова с полуаффиксами занимают промежуточное положение между производными и сложными. Слово *arc-en-ciel* *радуга* традиционно считается сложным, но образования типа, *romme de terre* *картофель* или *chemin de fer* *железная дорога* рассматривают либо как сложные слова, либо как словосочетания. Для обозначения таких переходных случаев некоторые авторы предлагают специальные обозначения: *лексия* (Бернар Потье), *синтема* (Андре Мартине). Между тем этот вопрос имеет не только теоретическое значение: во французских словарях принято выносить в особую статью отдельное слово – простое или сложное.

С меньшими трудностями сталкиваются исследователи и в грамматическом плане: *Parlez!* представляет собой одно слово в определённой грамматической форме, *Appelez Pierre!* – два слова и два члена предложения. Но между этими крайними точками располагаются промежуточные образования: аналитическая грамматическая форма слова: (il) *est venu* *он пришёл*, сложный член предложения (il) *est malade* *он болен*, фразеологический член предложения (il) *a pris la fuite* *он сбежал*.

В отношении многих явлений возникает проблема классификации: является ли, например, (il) *se met a chanter* *он начинает петь* аналитической формой глагольного вида или сложным членом предложения (сказуемым), является ли (il) *a remporté la victoire* *он выиграл победу* (= il *a vaincu* *он победил*) одним членом предложения – сложным сказуемым или двумя (сказуемое с дополнением). Приведенные примеры показывают, насколько сложно во французском языке определить границы слова и его грамматической формы. Далее рассмотрим специфику различных аспектов этого языка, особенности его звуково-

го строя, морфологии, синтаксиса, словаря.

§ 1.4 Французский язык как средство международного общения

Мировое значение языка определяется не только числом лиц, для которых он является родным, но, пожалуй, ещё в большей степени – числом лиц иных национальностей, прибегающих к нему как к средству публичного общения (в сфере производства, науки, в международных связях).

Французский язык уже в средневековой Европе приобрёл функции языка международного общения. Это объяснялось выдающейся ролью, которую Франция играла среди других феодальных государств. В те времена Франция была крупнейшим государством Европы: четверть населения Европы (не считая России) жила во Франции (даже в эпоху Наполеона она занимала первое место в Европе по численности населения). Имеются сведения о том, что уже в XIII веке французский язык выступал как важное средство международного общения – после латинского языка.

В связи с усилением политической роли Франции в XVII веке французский язык широко распространяется в Европе. В XVII-XVIII веках он становится *международным языком аристократии и учёного мира*. Многие выдающиеся учёные и философы за пределами Франции писали свои сочинения по-французски – голландский физик Христиан Гюйгенс, немецкий философ Готфрид Вильгельм Лейбниц, итальянский комедиограф Карло Гольдони. В своём трактате «Опыт о нынешнем мире в Европе» (1689) английский политический деятель Уильям Пенн (William Penn; 1644-718) предлагал принять французский язык в качестве **единого языка** для всей просвещённой Европы.

В 1783 году Берлинская академия объявила конкурс на тему об универсальности (то есть всеобщем характере) французского языка. Первой премией было отмечено сочинение Антуана Ривароля (*Antoine Rivarol*; 1753-1801) «Discours sur l'universalité de la langue française», где он употребляет знаменитую фразу: «C'est qui n'est pas clair n'est pas français». Надо от-

метить, что свою функцию средства международного общения французский язык смог выполнять ценой некоторого обеднения своей структуры. По всей Европе – от Лондона до Петербурга – говорили на одном и том же французском языке. Это был язык, скованный жёсткой нормой, со сравнительно ограниченным словарем, без разнообразия стилевых регистров.

В 1714 году при заключении Раштаттского мира *французский язык впервые используется в дипломатии* (до этого все договоры составлялись на латинском языке). Эту свою функцию он сохранял в течение 200 лет. Даже когда Франция терпела поражения, дипломатические договоры составлялись на французском языке. Французский язык был рабочим языком Венского конгресса 1815 года. В Пруссии французский язык использовался в министерстве иностранных дел до 1862 года, а в царской России до 1917 года.

Первым договором, составленным не только на французском языке (но ещё и на английском языке), был Портсмутский мирный договор 1905 года, завершивший русско-японскую войну. Версальский договор также был составлен на этих двух языках, и с этих пор французский язык перестал функционировать как единственный язык международной дипломатии. Его международная роль снизилась вследствие расширения влияния английского языка. Многие страны, где французский язык традиционно занимал первое место среди иностранных европейских языков, перешли на английский язык. К ним относятся страны Ближнего Востока: Египет, Сирия, Турция, Иран. Французский язык также утратил свои позиции в странах Восточной Европы, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки.

Однако значительным стимулом для поднятия престижа французского языка послужил распад французской колониальной империи, на развалинах которой возникло около 20 государств, принявших французский язык в качестве официального государственного языка или пользующихся им в качестве средства международного общения. В настоящее время международное значение французского языка определяется ролью не только самой Франции, но в значительной степени тем, что это официальный язык целого ряда стран за пределами Европы.

Наряду с английским, русским, испанским *французский*

язык принадлежит к четырем ведущим международным языкам современного мира, причём по количеству организаций и конференций, где он используется, он занимает второе место после английского. Французский язык – официальный и рабочий язык ООН, ЮНЕСКО и почти всех относящихся к ним организаций. Около 35 делегаций в ООН систематически используют французский язык.

Французский язык – официальный язык многих общественных организаций, спортивных и научных, самых разнообразных правительственных и неправительственных международных организаций. В справочнике «Международные неправительственные организации и учреждения» (М., 1982) описано более 200 организаций, из которых английский язык представлен в качестве официального в 206 (в 7 он отсутствует), французский – в 170. Для сравнения отметим, что немецкий фигурирует в 73 организациях, испанский в 64, причём в 7 организациях представлен только французский язык. Среди организаций, пользующихся французским языком, имеются такие авторитетные ассоциации, как Всемирный Совет Мира, Всемирная федерация профсоюзов, Всемирная федерация демократической молодёжи, Международная демократическая федерация женщин, Международный союз студентов, Международная организация борцов Сопротивления, а также многие научные и специализированные организации, в которых принимает участие и Россия: Международный комитет Красного Креста, Международная организация университетов, Международная организация философских наук, Международный комитет исторических наук, Международный совет охраны природы и природных ресурсов, Организация солидарности народов Азии и Африки, Межпарламентский союз и многие другие.

Значение французского языка в современном мире определяется двумя факторами:

1) уровнем культуры и науки стран, пользующихся французским языком, в первую очередь самой Франции. Французская литература до наших дней остаётся одной из самых читаемых литератур мира. Французский народ внёс огромный вклад в общечеловеческую культуру. 10% всех книг в мире переводится с французского языка. В наше время французский язык – не

«салонный язык», но средство приобщения к техническому прогрессу. Достижения Франции значительны во многих отраслях науки и промышленности, в математике и медицине, в строительной, автомобильной, авиационной промышленности, во многих современных отраслях деятельности. Ознакомление с ними представляет большой интерес для людей многих специальностей, в том числе и технических;

2) его ролью как средства международного общения. В наши дни французский язык позволяет общаться, с широкими массами людей не только из Европы, но из Африки и Америки.

§ 1.5 Французско-русские языковые связи¹¹

Французские слова начали появляться в русском языке в XVIII веке; в то время переводилось множество книг по самым разным отраслям знаний; особенно с французского языка. Воспроизводя термины, переводчики либо приспособляли французское слово (*факция, виктория*), либо старались его калькировать, то есть по его образцу создать своё слово. Так, слово *натуралисты* было переведено как *естествословы* и т.п.

Многие заимствования и опыты калькирования XVIII века не привились в русском языке. Только в начале XIX века создаётся фонд заимствованных слов, главным образом французских, прочно вошедших в русский язык. В дальнейшем заимствования опирались уже на определённую традицию. За период 1830-1860 годов было заимствовано 2 000 слов, из которых большинство сохранилось в языке. Очевидно расширение круга заимствований. В то время русское общество активно развивалось, знакомилось с наукой, техникой, идеями Западной Европы.

Французский язык имел глубокие традиции в русском дворянском обществе, его знали все образованные люди. Заимствования из него сообщали терминологии интернациональный характер, так как французские слова походили на английские, латинские, иногда и немецкие. При ассимиляции заимствований

¹¹ В данном параграфе использованы материалы из книги: *Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90-е годы XIX века / Ю.С. Сорокин. – М., 1963.*

им нередко придавалась именно латинизированная форма вопреки французскому произношению. Так, слово *molécule* вначале было усвоено в форме *молекуль*, затем приняло форму *молекула*. Слова *plagiat*, *citer*, *pincette*, *applaudissements*, *figurer* были усвоены в форме *плагиат*, *цитировать*, *пинцет*, *аплодисменты*, *фигурировать*, а не **пляжиат*, **ситировать* и т.п. Разумеется, некоторые слова сохраняют транскрипцию французского произношения, и по их особенностям мы можем сразу опознать их французское происхождение. К таким особенностям относятся согласный *ж* (*режим*, *престиж*, *сюжет*, *жест*), звукосочетание *ya* (*репертуар*, *резервуар*), суффикс *-анс* (вместо *-анция*, *-енция*: *диссонанс*, *декаданс*), написание *ю* в позиции, нетипичной для собственно русских слов (*бюро*, *нюанс*, *парашют*, *жюри*, *меню*), ударение на конце слова (*пальто́*, *резюме́*, *клише́*, *кашине́*, *такси́*, *кино́*) и др.

Заемствованные французские слова относились к разным тематическим группам. Нередко заимствуются прилагательные, так как значение их специфично и часто не совпадает в языках. Поэтому среди русских галлицизмов много прилагательных, относящихся к сфере оценки: *эффектный*, *деликатный*, *галантный*, *элегантный*, *помпезный*, *тривиальный*, *наивный* и т.п. Некоторые принимают негативную характеристику (отрицательную коннотацию): *жантильный*, *шикарный*, *импозантный*.

Из других групп отметим: а) бытовые слова (вспомним А.С. Пушкина: *Но панталоны, фрак, жилет, всех этих слов на русском нет*): *пальто*, *кашине*, *портъера*, *мебель*, *драпри*, *флак-кон*, *колье*, *вестибюль*, *мансарда*, *люстра* и т.п.; б) термины искусства: *беллетристика*, *лирика*, *тип*, *фельетон*; *балет*, *режиссёр*, *спектакль*, *амплуа*, *роль*, *ансамбль* и т.п.; в) военное дело: *атака*, *десант*, *батальон*, *авангард*, *сержант* и др.; г) экономика и коммерция: *коммерсант*, *рантье*, *коммивояжер*, *аферист*; *лимит*, *котировать* и пр.; д) политика, социальная жизнь; эта рубрика особенно обширна: *режим*, *ассоциация*, *конкуренция*, *дебаты*, *индустрия*, *пресса*, *реакция*, *цивилизация*, *социальный*, *коммунизм*, *социализм*, *агитация*; *пролетариат*, *прогресс*, *традиция* и многие другие; е) наука и техника; Франция внесла большой вклад в развитие автомобилестроения и авиации; в этих отраслях мы обнаруживаем ряд заимствований из француз-

ского языка: *автомобиль, гараж, такси, шоссе, жиклер, педаль, фара, карбюратор, капот; авиация, аэроплан, фюзеляж, шасси, элерон, авиатор*; добавим и *метрополитен*.

К простым заимствованиям присоединяются кальки. В русском языке XIX века нередко калькировались французские устойчивые словесные комплексы: *иметь честь, спасти лицо* и другие употребительные выражения, по сути, они представляют собой – перевод с французского языка. К ним относятся также *задняя мысль – arriere-pensée, пробный шар – ballon d'essai, железная дорога – chemin de fer, гвоздь сезона – clou de saison, газетная утка – canard, сливки общества – crème de la société* и многие другие. В XX веке, особенно в последние десятилетия, заимствования из французского языка стали менее частыми. Мы обнаруживаем, напротив, увеличение движения в обратную сторону: из русского во французский.

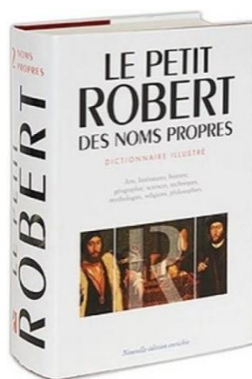
До революции из русского языка во французский заимствовались слова, отражавшие особенности социального строя России той эпохи (*tsar, moujik, boyard, ukase*), обозначающие отдельные предметы быта (*samovar, astrakan, balalaika, knout*) либо реалии русской природы (*steppe, tchernoziom, taiga, tundra, belouga, sterlet, mammoth*). После Октябрьской революции во французский язык перешли слова, обозначающие советские реалии: *soviet, kolkhoze, komsomol*.

Но этим влияние русского языка не ограничивалось. Некоторые французские слова изменили форму для передачи значений, подсказанных русским языком: *intelligentsia* (или *tzia*), датированное 1920 годом, вместо *intelligence*, для выражения значения 'интеллигенция' (наряду с *les intellectuels*); *combinat* (1949 год) в значении 'комбинат' вместо *франц. complexe*, слово *collectif* стало обозначать 'коллектив' (наряду с *collectivité*), *agrochimie, plénum*; отмечаются кальки: *autocritique* 'самокритика'; *bureau politique, cadres du parti, journal mural*. Исследователи полагают, что и *maisons de la culture*, которые французский министр культуры А. Мальро организовал во Франции в 60-х годах, представляют собой кальки русского «дом культуры»¹².

¹² Blochwitz W., Runkevitz W. Neologismen der französischen Gegenwartssprache / W. Blochwitz, W. Runkevitz. – Berlin, 1971. – S. 307.

Запуск Советским Союзом первого искусственного спутника в 1957 году вызвал новый приток заимствований из русского языка во французский. Вначале было заимствовано слово *sputnik*, которое обросло словами и словосочетаниями: *supersputnik*, *sputnik lourd*, *biologique*, *habité* и др.; появился ряд калек с русского языка: *pilote-cosmonaute*, *vaisseau cosmique*, *cosmodrome* и др. Под влиянием русского языка изменилось употребление самого слова *cosmos*, оно стало обозначать ‘внеземное пространство’, наряду со словом *espace*.

Словарь «Малый Робер» [1978, с. 399] прямо приписывает это значение влиянию русского языка. Обозначение космонавта словом *cosmonaute* наряду с *astronaute*, более старым термином, восходящим к 1930 году, также является результатом влияния русского языка. Вначале французская пресса советских космонавтов обозначала термином *cosmonaute*, американских – *astronaute*, затем она стала применять слово *cosmonaute* и по отношению к американцам¹³.

При анализе заимствований выявляются следующие закономерности соотношения формы и содержания: а) новое слово заимствуется с новым содержанием (вещью, понятием); б) для выражения нового содержания используются старые существующие в языке формы (происходит изменение в значении своего слова, калькирование); в) слово заимствуется без заимствования содержания (ср. *виктория* и *победа*). Вследствие этого оно становится синонимом существующего слова; в таком случае возможны три исхода: 1) заимствованное слово не укореняется в языке; 2) слово вытесняет своё родное слово, которое выпадает из словаря; 3) между ними происходит дифференциация по стилю или по смыслу.

За пятнадцать веков своего существования французский язык проделал большой путь развития. Глубокие изменения

¹³ Guilbert L. Le vocabulaire de l’astronautique / L. Gilbert. – Paris, 1965, p. 245.

произошли прежде всего в самой структуре языка: современный французский язык значительно отличается от галло-романской речи, а что касается его родства с латинским языком, то оно устанавливается лишь с помощью научного анализа. Огромная эволюция осуществилась и в функционировании языка: бесписьменная разговорная речь Северной Галлии превратилась в тщательно обработанный литературный язык. Географическая история французского языка сопровождалась то расширением, то сужением зоны его использования, но и сейчас он является одним из языков мирового значения. В его структуре, особенно в лексике, оставили существенный след многообразные исторические взаимоотношения Франции с другими народами. Но, несмотря на раннюю и жесткую нормализацию своей литературной нормы, французский язык сохранил стилевое и региональное разнообразие, жизнеспособность, динамизм¹⁴. Его дальнейшее развитие непосредственно связано с развитием этнических и социальных структур, в которых он используется.

§ 1.6 Преподавание французского языка

Французский язык занимает видное место в школьном и университетском преподавании в разных странах. Предполагают, что общее число преподавателей французского языка в мире достигает 250 000¹⁵.

Из организаций, занимающихся преподаванием французского языка во Франции и за рубежом, наиболее значительной является Alliance française (создана в 1883 году), в 1 250 отделениях которой, разбросанных по многим странам мира, занимается до 300 000 слушателей. Парижская школа этой организации принимает ежегодно 7-10 тыс. учащихся. В Париже существует Институт преподавателей французского языка за рубежом, организующий занятия для зарубежных преподавателей. При ряде университетов организуются стажировки для зарубежных преподавателей французского языка.

¹⁴ Достаточно отметить, что каждый год французский язык обогащается 10 000 новых терминов: France-Informations. – 1984. – № 122, p. 37.

¹⁵ Deniau X. La francophonie / X. Deniau. – Paris, 1983, p. 44.

В послевоенное время были разработаны новые методы преподавания французского языка как иностранного. Ввиду того, что положение Франции как мировой державы оказалось колеблемым, французские руководящие круги предприняли меры, чтобы использовать престиж французской культуры и французского языка для удержания народов колоний, добившихся впоследствии независимости, в политической сфере Франции.

Однако стало ясно, что преподавание французского языка в его классической форме, принятыми во французской школе методами на основании изучения писателей XVII-XIX веков было бы неэффективным и практически нецелесообразным в малоподготовленной аудитории. Поэтому возник вопрос о рациональном отборе лексического и грамматического материала для преподавания, о введении новых методов обучения, основанных прежде всего на устном употреблении языка в типовых жизненных ситуациях (минуя, таким образом, сложности французской орфографии). В 1951 году был создан CREDIF – Центр по изучению и распространению французского языка (*Centre de recherche et d'étude pour la diffusion du français*), находящийся с 1964 года при Высшей нормальной школе в Сен-Клу. В нём был разработан аудиовизуальный метод преподавания языка в сжатые сроки как орудия общения и для малоподготовленной аудитории¹⁶. Впоследствии методика КРЕДИФа претерпела ряд модификаций и дополнений, но проведённая им работа по статистическому анализу разговорной речи и разработке методики преподавания языка в ситуации сохраняет научно-педагогическую значимость. Организацией помощи преподавателям французского языка за рубежом и разработкой соответствующих методик занимается также BELC (*Bureau pour l'enseignement de la langue et de la civilisation françaises à l'étranger*) и другие¹⁷. В помощь преподавателям французского языка за рубежом издаётся ряд журналов, из которых наиболее

¹⁶ *Gougenheim G. et autres. L'élaboration du français fondamental / G. Gougenheim et autres. – Paris, 1964, pp. 9-11.*

¹⁷ *Une langue: Le français aujourd'hui dans le monde. – Paris, 1976, p. 236 et suiv.*

известным является «Le français dans le monde», выходящий в свет с 1961 года.

Литература к модулю

Основная

Богородицкий В.А. Введение в изучение современных романских и германских языков: учебно-практическое пособие по сравнительному языкознанию / В.А. Богородицкий; под общ. ред. Н.С. Чемоданова; ред. романской части В.И. Марьясина. – 2-е изд. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 2003. – С. 3-10.

Будагов Р.А. Введение в науку о языке: учебное пособие для вузов / Р.А. Будагов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1965. – С. 395-440.

Реформатский А.А. Введение в языковедение: учебник для вузов / А.А. Реформатский; под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 386-455.

Дополнительная

Кларк С. Наблюдая за французами. Скрытые правила поведения / Стефан Кларк; пер. с англ. Ю.С. Евтушенкова. – М.: РИПОЛ классик, 2008.

Носик Б. Прогулки по Парижу: в 2-х книгах. Книга I: Левый берег и острова. Книга II: Правый берег / Борис Носик. – М.: Текст, 2017.

Стайн Г. Париж Франция. Личные воспоминания / Гертруда Стайн; пер. с англ. Т. Казавчинской. – М.: Текст, 2018.

Модуль 2

История французского литературного языка: социолингвистический аспект

§ 2.1 Периодизация истории французского языка (по В.Г. Гаку)

Романские языки в пространстве представляют собой непрерывный континуум: один диалект (и даже язык) постепенно переходит в другой, так что при выделении и классификации языков и диалектов приходится проводить порой условные границы, исходя не только из собственно языковых явлений, но и учитывая социальные факторы (границы между государствами).

Если бы машина времени позволила нам пробыть 2 000 лет на территории Франции, мы не заметили бы, как народная латынь превратилась в старофранцузский язык, а старофранцузский – в современный французский. Однако сравнивая тексты на латинском и современном французском языках, мы видим, что это несомненно разные языки.

И так же как и при географическом членении в пространстве, при периодизации – членении временного континуума – учёные вынуждены устанавливать условные рубежи, принимая во внимание не только внутриязыковые изменения, но и внешние по отношению к языку факторы: этапы истории французского народа и формирования национального французского государства¹⁸. В истории французского языка обычно выделяют 6 или 7 периодов.

1. Период романизации и народной латыни на территории Галлии (I век до н.э. – V век н.э., особенно III-V века) – время первых свидетельств новых процессов в народной латыни. Формальным рубежом считают 476 год – год падения Римской империи.

¹⁸ Некоторые историки французского языка, в частности А. Доза, дают его периодизацию соответственно смене династий французских королей.

2. Галло-романский период (V-VIII, или IX века) – период Франкского королевства. Формально его рубежом считают начало правления Карла Великого (768), либо чаще распад империи Карла Великого и выделение французского государства (843), а иногда и воцарение династии Капетингов (987). Эти два периода представляют собой *эпоху протофранцузского языка*, время вызревания и предыстории французского языка. Самого слова «французский язык» тогда не существовало. В период Римской империи язык назывался *латинским*, в галло-романский период речь народа называли *романской речью* (*sermo romanus*), в отличие от латыни.

3. Период старофранцузского языка (IX-XIII века). Формальной границей этого периода считают начало царствования Филиппа IV Красивого (1285) или династии Валуа (1328), а иногда и начало Столетней войны (1337).

4. Период среднефранцузского языка (XIV-XV века) – эпоха перехода от старофранцузского к новому языку.

5. Период становления национального французского государства и национального языка (XVI век). Положение этого периода в истории французского языка весьма специфично. Некоторые учёные, в частности П. Гиро и А. Доза, совмещают его со среднефранцузским, однако, большинство выделяют его в отдельно, как *период ранненовофранцузского языка*.

6. Период новофранцузского языка (XVII-XX века) подразделяется, в свою очередь, на *классический* период (с XVII-XVIII века – до Великой французской революции) и *современный* период. Во французском языке слова «современный» имеет два синонима *moderne* и *contemporain*. *Le français moderne* в широком плане охватывает весь новофранцузский период (с XVII века). В более узком значении он противопоставляется классическому периоду и обозначает язык XIX-XX веков. Слово *contemporain* означает ‘современный автору’, и поэтому рамки *le français contemporain* меняются. Для А. Доза, издавшего свою малую «Историю французского языка» в 1944 году, *le français contemporain* начинался в 1914 году, в книге М. Коэна, вышедшей в 1973 году, он начинается в 1939 году, теперь есть тенденция называть так французский язык второй половины XX – начала XXI века.

Приведённая периодизация истории французского языка условна. Несомненно различие старофранцузского языка (IX-XIII веков) и современного французского языка (XVI-XVII веков). Старофранцузский язык сильно отличался от современного. Это был язык с иной фонетической системой, с большими признаками синтетизма (в нём было даже склонение существительных и прилагательных), с грамматической структурой, значительно отличавшейся от современной. Французский лингвист П. Гиро образно сказал, что современный французский язык – не «брат» современного итальянского или испанского языка, а их «племянник»¹⁹.

§ 2.2 Эпоха становления феодальных отношений во Франкском королевстве. Период протофранцузского языка

В 125-118 годах до н.э. римляне завоевали Галлию, сначала южную её часть, которая стала называться *Provincia romana* (современное Provence *Прованс*), а затем в 58-51 годах до н.э. остальную часть страны, где проживало, в основном, кельтское население (галлы). После завоевания Галлии установилось двуязычие (*диглоссия*): в быту галлы продолжали пользоваться кельтскими наречиями, но в общении с римлянами они должны были употреблять латынь.

Постепенно двуязычие сменилось одноязычием, и последние островки галльской речи сохранились в Альпах до V века н.э., а по мнению некоторых учёных, даже до X века. Усвоение латинского языка вместе с административной организацией, введённой римлянами, способствовало консолидации населения Галлии.

Однако побеждённый кельтский язык – *субстрат* – не исчез бесследно. В современном французском языке насчитывают до 300 слов, восходящих к кельтским наречиям. Это прежде всего слова, обозначающие местные реалии, явления топографии, растения, не имевшие такого распространения в Италии: *bouleau*

¹⁹ *Guiraud P. Le moyen français / P. Guiraud. – Paris, 1966, p. 11.*

‘берёза’, grèmu ‘песчаный берег’, lande ‘песчанная равнина’ и др. Древние галлы не носили тог, как римляне, они надевали рубазу и штаны. Поэтому слова chemise (camisia), braies – галльского происхождения. Римляне пользовались двухколёсными колесницами, галлы – телегами, и галльское слово, обозначающее телегу, перешло в латинский язык в форме carrus, которое дало char, charrette и большую семью слов в разных языках: *автокар, карьер, карета, карикатура, шарж* и другие, которые происходят от одного галльского корня. Римляне жили в городах, галлы – в деревнях.

Историк французского языка В. фон Вартбург отмечает, что предметы сельского быта сохраняли галльские названия, тогда как предметы городской жизни, предназначенные на продажу в городе, сохранили латинские наименования. Большие дороги, проложенные римлянами, назывались *via* (*франц. voie*), а просёлочные дороги сохранили кельтское обозначение *sampinus* (*франц. chemin*). От языка галлов сохранились названия сельскохозяйственных приспособлений: *charrue* ‘плуг’, *soc* ‘лемех’, *ruche* ‘улей’; галлы варили пиво, и слова *cervoise* ‘пиво’, *brasser* ‘варить пиво’, *tonneau* ‘бочка’ взяты из их языка.

От галлов сохранились названия многих французских городов: Caen (от *Catumagus* ‘боевое поле’), а также Lyon, Verdun, Rouen и другие. Названия некоторых городов восходят к наименованиям племён, которые жили в данной местности. Так, в районе Лютетии жило племя паризиев, и вместо «ехать в Лютетию» стали говорить «ехать к паризиям». Название племени перешло на город, который стали называть Paris – Париж. Также к названиям племён восходят имена городов Reims, Angers, Beauvais, Nantes и другие.

С помощью галльского притяжательного суффикса *-acum* образовались названия со значением ‘владение такого-то’, в Средней Франции *-acum* дало *-et*, в Северной – *-u*. Имеется много фамилий и названий местностей с этими окончаниями: Melhas – Meillet; Nolhas – Neuilly и т.п. В некоторых случаях слова кельтского происхождения, являющиеся более выразительными, вытеснили обыденные латинские слова. Так, например, французские названия домашних животных *cheval, bœuf, mouton* восходят к кельтским корням. Влияние галльского суб-

страта некоторые учёные усматривают и в фонетических явлениях: переходе *u* > *ü*, а также латинского *ct* в *xt*, откуда потом возникло франц. *-it*: *factum* > *faxtu* > *fait*.

В V веке романизованная Галлия подверглась нашествию германских племён – вестготов на юге, франков на севере. К этому времени родным языком галло-римского населения стала латынь: *народная* в разговорной речи, *литературная* в обучении и публичной сфере общения. Памятники латинского языка свидетельствуют об изменениях, которые претерпевала народная латынь, поскольку свойственные ей формы и обороты всё больше просачивались в письменную латынь.

Судьба германских народов и наречий в Галлии после её завоевания представляет собой одну из дискуссионных проблем в науке. Прежде всего, невыясненным остаётся вопрос о численности германоязычного населения в завоёванной Галлии. Цифры, приводимые в научных трудах, колеблются от 3 до 30% всего населения. Германцы были хозяевами положения, особенно многочисленны были поселения франков к северу от Сены. И тем не менее, язык победителей оказался менее сильным, чем язык побеждённых.

Престиж латинского языка поддерживался церковью (германские завоеватели приняли христианство, причём франки – в католическом варианте), продолжалось его преподавание в церковных школах, известно о существовании в V веке литературных латинских кружков в Галлии. Латынь продолжала оставаться языком публичного общения, языком канцелярий, тогда как франкский и другие германские диалекты не имели письменной традиции.

Галло-римская знать переходила на службу к франкским королям, вступала в смешанные браки. Всё это приводило к постепенному усвоению завоевателями латинского языка. При этом влияние франков на севере страны оказалось более значительным, чем воздействие менее многочисленных вестготов и тех же франков на юге, и это усилило различия северофранцузской и южнофранцузской романской речи.

Но язык германцев – *суперстрат* – в свою очередь оказал воздействие на народную латынь. В ранней романской речи на территории Франкского королевства прослеживаются два слоя

заимствований из германских языков, которые трудно чётко разграничить. Значительная часть германизмов проникла в народную латинскую речь ещё до франкского завоевания Галлии, во время контактов с германцами в I-V веках, и они свойственны всем западногерманским языкам. Другие слова были принесены именно франками.

Период с V по IX век – период постепенного перерастания рабовладельческого уклада в феодальный. Многие термины феодальных отношений и организация государства имеют франкское происхождение: *alleu* ‘аллод’, *fief* ‘феод’, *baron*, *sénéchal*, *maréchal* (первоначально ‘королевский конюший’). Германцы обогатили романскую речь большим количеством терминов, относящихся к войне, начиная со слова *guerre* (ср. *нем.* *Wehrmacht*, *англ.* *war*), также *heaume* ‘шлем’, *épieu* первоначально ‘пика’, *éperon* ‘шпора’, *guet* ‘вахта’, *beffroi* ‘наблюдательная вышка’. К ним нужно прибавить большое количество глаголов: *choisir*, *haïr*, *garder*, *gâter* и другие.

Характерно заимствование прилагательных, которые редко совпадают в объёмах своих значений в разных языках и поэтому легко переходят из одного языка в другой, например: *frais*, *riche*; понятия, связанные с феодальной честью: *orgueil*, *honte*. В науке немало исследований посвящено заимствованию обозначений цветов: слова *blanc*, *bleu*, *brun*, *gris*, *jaune* – германского происхождения, причём некоторые из них (*brun*, *gris*) первоначально означали масть лошадей. Интересную теорию перестройки романского цветообозначения под германским влиянием выдвинул Э. Косериу.

В латинском языке для основных цветов было два обозначения: одно обозначало цвет с блеском, другое – без блеска: *albus* ‘белый матовый’ и *candidus* ‘белый с блеском’; *rubeus* ‘красный матовый’ и *rutilus* ‘красный с блеском’; *ater* ‘чёрный матовый’, *niger* ‘чёрный с блеском’. В условиях Средиземноморья такое различие было существенным: блеск модифицировал цветотвое ощущение. Германцы, пришедшие с севера из тёмных лесов, остались нечувствительными к этому различию, поэтому от каждой пары сохранилось в романских языках только одно слово, например, *рум.* *alb* ‘белый’, *франц.* *noir* ‘чёрный’ безотносительно к освещению.

Многие французские личные имена германского происхождения: Louis (из Hlodwig, то есть Хлодвиг), Charles (< Karl), Gautier (< Walthari, то есть Вальтер), Guillaume (< Wilhelm), а также Ришар, Эдмон, Раймон, Жерар, Жоффруа и другие. Некоторые из этих имён были значимы, подобно тому, как значимы древнерусские имена типа Святослав или Владимир. Так, Бернар значит ‘сильный медведь’. Многие французские фамилии также франкского происхождения. Например, фамилия писателя Гюстава Флобера происходит от Hlod-bert, что значит ‘слава + блеск’; Béranger от Beren-gari ‘медвежье копье’, подлинная фамилия писателя Анатоля Франса Thibault восходит к германскому слову Theud-bald ‘народ храбрый’.

Из германских языков в галло-романскую речь пришёл звук *h aspiré*, который произносился до XVI века, а также начальное [w], которое через ступень [g^w] перешло в [g], например, глагол *guetter* ‘подстерегать’ восходит к тому же корню, что и немецкое слово *wachen* ‘бодрствовать’ (от него же происходят и слова *вахта*, *бивуак*). Германскому влиянию приписывают также и появление звука [œ], местоимения *on*, инверсии при вопросе и другие явления.

В VIII веке Галлия всё чаще именуется Францией, как Франкское государство. Языковая ситуация в стране усложняется. Разрыв между разговорной романской речью, сложившейся в результате эволюции народной латыни на территории Галлии, и классической латынью становится настолько значительным, что Турский собор 813 года распорядился читать проповеди на «простонародной романской речи» (*sermo vulgaris romanus*), ибо книжная латынь стала уже непонятной для населения.

В 842 году два внука Карла Великого – Людовик Немецкий и Карл Лысый дали в Страсбурге клятву перед своими войсками совместно бороться против старшего брата Лотаря, претендовавшего на императорскую корону. Каждый из них произнёс один и тот же текст клятвы на языке воинов другого брата: Людовик на романском, Карл на немецком. Этот текст «Страсбургской клятвы», занесённый в летопись, является первым связным текстом на французском языке. Его называют свидетельством о рождении французского языка. Написанный с некоторыми обычаями латинской орфографии, он ясно показывает,

какую эволюцию проделала романская речь за четыреста лет после падения Рима. Перед нами уже не латинский, даже не народно-латинский, а другой язык – французский. На следующий год, в 843 году, Франкская империя была разделена, и Франция начала развиваться как отдельное государство.

§ 2.3 Эпоха укрепления и расцвета феодализма во Франции. Период становления старофранцузского языка и рождения французской литературы

X-XIII века являются временем укрепления и расцвета феодализма во Франции. Это – период старофранцузского языка. Языковая ситуация во Франции того времени характеризуется двумя основными моментами:

- 1) латинско-французской диглоссией, разделением функций между латинским и французским языками;
- 2) языковой раздробленностью Франции.

В течение всего этого периода латинский язык оставался единственным языком администрации, суда, науки и церкви. Его роль была ещё более укреплена благодаря «Каролингскому возрождению», когда при Карле Великом, который короновался «римским императором», были приняты меры для возрождения образования, поскольку государство испытывало недостаток в грамотных людях. В этот период стали создаваться школы для детей знати, где преподавалась латынь, усилился интерес к произведениям античных авторов. В конце VIII века возникло легко читаемое письмо – *каролингский минускул*²⁰, из которого в дальнейшем развился латинский шрифт.

Старофранцузский язык характеризовался большой раздробленностью. Несмотря на присоединение в XII-XIII веках больших территорий к королевскому домену, отдельные государственные образования – графства и герцогства продолжали жить обособленной жизнью, экономический обмен между ними

²⁰ Письмо, в котором употребляются только строчные буквы, то есть такие, начертание которых укладывается в четыре горизонтальные линии.

был невелик, а их границы восходили к давним временам – к границам епископств в эпоху Франкского королевства и даже ещё глубже – к границам расселения галльских племён.

В лингвистическом отношении Франция этого периода делилась по горизонтали на две части. Южнее Луары – зона провансальского языка, севернее – зона французского языка. По манере произносить утвердительную частицу эти два варианта гало-романской речи стали называться соответственно *langue d'oc* и *langue d'oïl*. Лангедоком до сих пор называется одна из южных областей Франции.

Французский народный язык в XII-XIII веках был лишён официальной функции, однако, это не значит, что на нём не существовало письменности. Постепенно создавалась разнообразная литература, достигшая расцвета во многих жанрах в этот период развития языка. Первый сохранившийся текст на французском языке, записанный историком Нитхардом – «Страсбургские клятвы»²¹ – был «военным».

Первое литературное *произведение на религиозную тему* «Кантилена о святой Евлалии»²² (Cantilène de sainte Eulalie) относится к концу IX века. За ней следует целый ряд других религиозных стихотворных произведений для поучения народа: «Жизнь святого Леодегария» (X век), «Жизнь святого Алексия»²³ (Vie de saint Alexis, XI век). Вскоре французская литература приобретает большое жанровое разнообразие. Возникает героический эпос, стихотворные сказания о военных подвигах французских королей и феодалов. Из *эпических сказаний* наиболее известной является национальная французская эпопея, знаменитая «Песнь о Роланде»²⁴ (La Chanson de Roland), относящаяся к концу XI века. В основе её лежат события, связанные с по-

²¹ Черневич М.Н. и др. История французской литературы: монографический учебник / М.Н. Черневич, А.Л. Штейн, М.А. Яхонтова. – М.: Просвещение, 1965. – С. 7.

²² Там же, с. 17.

²³ Там же, с. 18.

²⁴ Черневич М.Н. и др. История французской литературы: монографический учебник / М.Н. Черневич, А.Л. Штейн, М.А. Яхонтова. – М.: Просвещение, 1965. – С. 8-15 (Песнь о Роланде); с. 30-32 (Тристан и Изольда), с. 34-35 (Окассен и Николет); с. 32-33 (романы Кретьена де Труа).

ходом Карла Великого в Испанию (778). Действие происходит во время войны Карла Великого с испанскими сарацинами. Христиане сражаются доблестно, но сражение тяжёлое, и один за другим гибнут 12 пэров. Последними умирают архиепископ Турпин и два друга – Оливье и Роланд. Карл Великий слышит, как Роланд трубит в рог, призывая на помощь, но приходит слишком поздно и не может спасти Роланда с соратниками – ему удаётся лишь догнать и уничтожить остатки сарацинского войска.

Третьим жанром произведений помимо религиозно-назидательных и эпических, был *рыцарский роман* – стихотворные романы о приключениях и высокой любви. Наиболее известны из них: «Тристан и Изольда»²⁴ (XII век), «Окассен и Николет»²⁴ (Aucassin et Nicolette, XIII век), а также романы выдающегося писателя XII века Кретьена де Труа «Ланселот, или Рыцарь тележки»²⁴ (Lancelot, ou le Chevalier à la charette, 1165), «Ивейн, или Рыцарь льва»²⁴ (Ivain, ou le Chevalier au lion, 1175).

Появилась и *лирическая поэзия*, вначале это были народные песни различных жанров, затем возникла *куртуазная лирика*, описывающая любовные чувства. На творчество французских поэтов – трувэров оказали большое влияние провансальские трубадуры. В XII веке жила Мария Французская – первая из знаменитых поэтесс Франции. В этот период возникла и проза, прежде всего в виде «хроник» (летописей). Самыми видными из хронистов были Вильардуэн, описавший взятие крестоносцами Константинополя в 1204 году, и Жуэнвиль (XIII – начало XIV века), историк короля Людовика IX.

Наряду с феодальной литературой, прославляющей подвиги рыцарей и служащей для их развлечения, возникает *городская литература* в жанре философско-назидательных романов, самый знаменитый из которых «Роман о Розе» Гильома де Лорриса²⁵ (Guillaume de Lorris, Le Roman de la Rose; XIII век), а

²⁵ Черневич М.Н. и др. История французской литературы: монографический учебник / М.Н. Черневич, А.Л. Штейн, М.А. Яхонтова. – М.: Просвещение, 1965. – С. 39-40 (Роман о Розе), с. 38-39 (Роман о Ренаре), с. 36-38 (фаблио). **Фаблио** – небольшой рассказ в стихах, имевший своей целью развлекать и смешить слушателей, окружавших повествователя-жонглёра.

также сатирических произведений («Роман о Ренаре»²⁵, *Le Roman de Renart*, XII век), фаблю²⁵, изображавших нравы народа (с XII века).

В XI веке появляется драма. Возникновение и популярность драматического искусства были призваны восполнить неграмотность народа. Народные массы не умели читать, и, чтобы донести до них содержание религиозных книг и преданий, их стали разыгрывать в виде пьес. Первые драмы (*мистерии*), которые разыгрывались внутри церкви или на её паперти, изображали страдания Христовы, деяния апостолов, Девы Марии и многие другие библейские сюжеты. Но уже в XIII веке появляются пьесы на «мирские темы» – комедии (*сопи* и *фарсы*).

Эта обширная литература создавалась на разнообразных диалектах – пикардском, шампанском, англо-нормандском и некоторых других. Знаменитая «Песнь о Роланде» была написана на англо-нормандском диалекте. У хронистов Вильярдвуэна и Жуэнвиля, описывавших деяния французских королей, отмечаются особенности диалекта Шампани. Первым крупным автором, писавшим на диалекте Иль-де-Франса, был Рютбёф, выдающийся писатель XIII века, автор поэм и пьес.

Эта ситуация ставит вопрос об истоках общезападного литературного языка. Выдвигалась точка зрения, согласно которой в основе французского литературного языка лежит *диалект Иль-де-Франса (франсийский, le francien)*, который благодаря растущему престижу королевской власти, усилению центростремительных тенденций в стране превратился в литературный язык для всей Франции.

Однако приведённые выше факты не вполне подтверждают такой взгляд. Труды современных учёных, в том числе и советских лингвистов, установлено, что в основе письменного литературного языка Средневековья лежат западные диалекты, в группу которых входил и франсийский, и прежде всего англо-нормандский²⁶.

На основе этих диалектов сформировался общий литературный язык (*литературное койне*), которым пользовался вся-

²⁶ Нормандия и другие западные земли были присоединены к королевскому домену только в 1204 году.

кий автор, включая в него особенности своего диалекта, что не мешало пониманию. Но позднее, с XIII века, франсийский диалект занял ведущее положение, и его норма стала основной в языке литературы, хотя некоторые диалекты, например, пикардский, сохраняли литературную форму ещё в течение ряда веков.

Большая часть переходного периода (XIV-XV века) в истории французского языка была занята Столетней войной, сопровождавшейся восстаниями горожан и крестьянства. Но несмотря на это тяжёлые времена, которые французский поэт той эпохи охарактеризовал как «*la grande pitié du royaume de France*» ‘великая беда французского королевства’, позиции французского языка как средства общения продолжали укрепляться.

В целом Столетняя война в её окончательных результатах способствовала ослаблению власти феодалов, росту и усилению городов и королевской власти, росту общезападного патриотизма и национального менталитета и самосознания. Во второй половине XV века при Людовике XI и Карле VIII были сделаны дальнейшие шаги по пути расширения и консолидации французской государственности.

Французская литература в эти века даёт новые прекрасные образцы: произведения поэтессы Кристины Пизанской (XIV век), Карла Орлеанского и Франсуа Вийона (XV век). Драматургия прославляется знаменитым фарсом об адвокате Патлене (1464), проза представлена двумя другими из четырёх «великих хронистов» – Фруассаром (XIV век) и Коммином (XV век).

Важные изменения произошли и в языковой ситуации в стране. Литературная форма, основывающаяся теперь уже на диалекте Иль-де-Франса, вытесняет понемногу другие диалекты. И хотя латинский язык сохраняет свои позиции, французский язык, начинает всё глубже проникать в администрирование и науку. Расширению словаря и гибкости французского синтаксиса способствовали переводы античных авторов.

Конец XIV – начало XV века во Франции иногда называют Предренессансом. Всё больше интереса в этот период проявляется к античным философам и писателям. Во второй половине XIV века король Карл V Мудрый (*le Sage*, точнее было бы перевести ‘учёный’) основал королевскую библиотеку и поощрял перевод античных авторов на французский язык. Известнейший

эрудит того времени Никола Орем переводит Аристотеля. Французский язык заимствует из латинского и греческого языков огромное количество слов, выражающих отвлечённые понятия (в том числе такие, как *agricole, légal, politique, libérer* и др.).

В целом в течение этого периода происходит внутреннее созревание французского языка, который приобретает качества, необходимые для выполнения всей полноты общественных функций, его социальные функции расширяются, но для того чтобы стать полноценным средством общения, французскому языку нужно было оттеснить латынь и местные диалекты. Эта двойная задача была выполнена только в XVI веке.

§ 2.4 Эпоха становления национального французского языка и государства. Период ранненовофранцузского языка

XVI век занимает особое место в социальной истории французского языка. Это был период складывания капиталистических отношений во Франции, формирования единой французской нации и национального государства. Религиозные войны (1562-1594) были последним крупным испытанием для единства страны. Фридрих Энгельс отмечал, что во Франции политическая классовая борьба всегда принимала наиболее чёткие, классические формы. Это касается и языковой политики французских королей и правительств, которые с конца XV века и до наших дней проводили целенаправленные реформы, целью которых являлось обеспечение функционирования единого французского языка на всей территории Франции и беспрепятственного развития его.

Для Франции XVI века обеспечение единства языка состояло прежде всего в вытеснении местных диалектов, как северофранцузских, так и близких к французскому языку провансальских. Беспрепятственное развитие французского языка заключалось в использовании его в тех сферах и функциях, в которых ещё использовался латинский язык.

Уже с конца XV века французские короли стали издавать ордонансы, вменявшие в обязанность вести суд и формулиро-

вать решения не на латыни, а на французском языке или, по крайней мере, на обиходном местном языке (*en vulgaire du païs, en langage François ou maternel*²⁷).

Подобные постановления были опубликованы в 1490, 1510, 1535 годах, но наиболее известным из них является ордонанс Виллер-Котре, изданный Франциском Первым 15 августа 1539 года. Он предусматривал регулярное использование французского языка в судопроизводстве, осуждал употребление непонятных для тяжущихся латинских слов и предписывал составление всех судебных постановлений «на родном французском языке, и никак иначе» (*en langaige maternel françois et non autrement*). Хотя этот ордонанс имел в виду прежде всего латынь, тем не менее, вскоре он стал трактоваться как выражение нежелательности употребления и всех местных диалектов.

Таким образом, этот ордонанс наносил удар одновременно и по латыни и по местным диалектам, утверждая в качестве единственного средства официального общения на всей территории королевства *французский язык Иль-де-Франса*, «язык короля». Историки языка отмечают, что латинский язык исчез из архивов и судебных постановлений уже в 1450-1550 годах. Если «Страсбургские клятвы» 842 года были «свидетельством о рождении французского языка», то ордонанс 1539 года является его «аттестатом зрелости», свидетельством того, что он может выполнять весь объём общественных функций.

Ордонанс 1539 года был подтверждён Руссильонским ордонансом 1563 года Карла IX. Французский язык продвигался по крупным транспортным артериям страны, и к концу XV века достиг Западного побережья, включая Бордо, а в первой половине XVI века – Нижнего Лангедока и Тулузы. В 1529 году впервые в Коллеж де Франс преподавание стало вестись на французском языке. Франциск I установил должность «королевского печатника на французском языке». На французский язык переводились многочисленные книги с латинского и греческого языков по разным отраслям знаний. Французские учёные стали пользоваться родным языком в своих научных трудах.

Так постепенно формировавшийся национальный литера-

²⁷ Здесь и далее по тексту сохраняется орфография подлинника.

турный французский язык вытеснил латинский с его позиций. К национальному языку, выполняющему общественные функции, жизнь предъявляет иные требования, чем к разговорной речи, пусть даже широко используемой в художественной литературе. Национальный язык должен быть богат, стилистически развит, обладать необходимой терминологией, чтобы обслуживать разнообразные потребности общения и быть *нормализованным*, то есть *унифицированным, одинаковым для всех членов коллектива, пользующихся им в определённых условиях*.

Таким образом, перед французским языком возникли две новые задачи:

- 1) создание терминологии;
- 2) расширение лексико-грамматических возможностей языка и его нормализация.

Во Франции первая задача была решена в XVI веке, вторая – в XVII веке. Следует заметить, однако, что раз и навсегда решить эту задачу невозможно: язык – живое явление и обе эти задачи – *нормализация* и *обогащение* – стоят и будут стоять перед ним на протяжении всей его истории его развития.

Для обогащения языка использовались два источника:

- 1) развитие собственных ресурсов словообразования;
- 2) заимствования из древних языков, прежде всего, из латинского.

XVI век продолжал тенденцию, начавшуюся ещё в конце XVI века: латинизацию и даже релатинизацию французского словаря. *Латинизация* заключалась в массовом заимствовании латинских слов и корней, а также в усвоении некоторых синтаксических оборотов, *релатинизация* – в восстановлении звукового облика слова, более близкого к латинскому прототипу, в создании латинских дублетов к французским словам. Например, латинское существительное *obscurum* ‘тьма, мрак’ превратилось во французском языке в прилагательное *obscur*, в XVI веке буква «b» была восстановлена (совр. *obscur* ‘тёмный, мрачный’). Латинское прилагательное *fragilis* ‘ломкий, хрупкий’ закономерно превратилось на французской почве в прилагательное *fragile* ‘слабый, непрочный’, несколько отличающееся по значению, и образовался дублет: *frêle* – *fragile*.

В XVI веке французский язык достиг большого расцвета:

на нём были созданы научные трактаты Амбруаза Паре, философские «Опыты» Мишеля де Монтеня, проза Франсуа Рабле и поэзия Пьера де Ронсара. Зачастую формирующийся национальный язык, пробивающийся к вершинам литературы, к всестороннему функциональному использованию, вынужден вести борьбу с иностранным языком, пользующимся престижем в правящих кругах общества. У французского языка XVI века тоже был такой «внешний враг» – итальянский язык. Ему приходилось вести борьбу за своё упрочение на три фронта: против латыни, местных диалектов и итальянского языка.

В XVI веке ряд существенных факторов обусловил высокий престиж и распространение итальянского языка во Франции: итальянские войны французских королей (1494-1559), в ходе которых французы познакомились с высокой культурой Италии эпохи Возрождения, распространение идей гуманизма во Франции, переезд во Францию многих выдающихся деятелей итальянской культуры (в том числе и Леонардо да Винчи, который умер и был похоронен во Франции). Итальянское влияние усилилось при дворе после женитьбы Генриха II на Екатерине Медичи, ставшей после его смерти регентшей и окружившей себя придворными – выходцами из Италии.

При французском дворе стала распространяться языковая смесь – *le français italianisé*. Именно в эту эпоху французский язык получил наибольшее число своих заимствований из итальянского. По общему числу заимствований во французский язык – более 800 слов – итальянский язык до последнего времени занимал первое место, сейчас его обогнал английский. Движение, направленное на упрочение самостоятельности и самобытности французского языка, усилилось позднее движением против итальянского засилья во французском языке. Известный филолог того времени Анри Этьенн (1528-1598) в своих «*Deux dialogues du nouveau langage françois italianizé et autrement desguizé*» (1578) высмеивал итальяноманию в придворных кругах. Исходя из сходства между французским и греческим языками, он доказывает превосходство французского перед итальянским, который есть не что иное, как испорченный латинский, и борется против порчи французского языка итальянизмами, вносимыми Екатериной Медичи и её двором.

Большую роль в укреплении и обогащении родного языка сыграли и поэты. В 1549 году вышел знаменитый трактат поэта Дю Белле «Защита и прославление французского языка», где он доказывал, что французский язык не так беден, как думают, что его следует развивать, обогащать, но при этом он не упускает из виду вопросы нормы, критикуя поэтов, плохо пишущих по-французски. Крупнейший поэт Плеяды Пьер де Ронсар (1524-1585) был сторонником обогащения языка, создания неологизмов, в этом он видел залог развития языка. Он писал:

*Пленённый в двадцать лет красавицей беспечной,
Задумал я в стихах излить свой жар сердечный,
Но с чувствами язык французский согласив,
Увидел, как он груб, ужасен, некрасив.
Тогда для Франции, для языка родного,
Трудиться начал я отважно и сурово,
Я множил, воскрешал, изобретал слова,
И сотворённое прославила молва.
Я, древних изучив, открыл свою дорогу,
Порядок фразам дал, разнообразье слогу,
Я строй поэзии нашёл – и волей муз,
Как римлянин и грек, великим стал француз.*

(перевод В. Левика)

§ 2.5 Период новофранцузского языка. Формирование норм современного французского языка

К началу XVII века, в эпоху укрепления абсолютизма во Франции, французский язык стал уже достаточно совершенным средством общения. В социальном плане язык стал официальным средством официального общения на территории королевства, хотя местные диалекты и языки ещё сохраняли свою жизнённость. Стали развиваться функциональные разновидности внутри литературного языка, были сделаны попытки фиксации норм, особенно в орфографии.

В XVI веке имели место первые опыты описания французского языка. Тем не менее, не все проблемы «языкового

строительства» были разрешены: латынь сохраняла свои позиции в науке, в школах преподавался в основном латинский язык, население значительной части Франции не было знакомо с литературным французским языком. Если диглоссия *латинский язык / французский язык* отмирает, то новый вид диглоссии *литературный французский язык / местный диалект* сохраняется в силе.

В течение XVII-XVIII веков происходит дальнейшее проникновение французского языка в науку и преподавание. В 1624 году было разрешено защищать диссертации на французском языке²⁸, в 1680 году вводится преподавание права на этом языке. В начале XVIII века французский язык допускается в коллежи, но только в 1762 году, после изгнания иезуитов из Франции, начинается преподавание на французском языке. Выдающиеся философские произведения XVII века «Рассуждение о методе» Рене Декарта и «Провинциальные письма» Блеза Паскаля были написаны по-французски.

Самым важным достижением этой эпохи была *фиксация нормы французского языка*. **Норма есть установленная, кодифицированная форма языковых средств, создаваемая путём отбора их среди синонимических средств выражения, среди вариантов.** Слово «норма» происходит от латинского *norma* перевод др.-греч. *γνῶμη*, что значит ‘наугольник’, то есть прибор для проведения правильных линий, углов; и достаточно механически следовать контуру этого прибора, чтобы получить правильную линию.

По своей сути норма не может быть обоснована рационально. Она может допускать варианты. Однако не следует смешивать *вариативность нормы* с ошибкой, неправильность которой всегда можно обосновать аналогией, этимологией, системой языка и другими соображениями. При обосновании нормы можно пользоваться несколькими критериями.

В частности, иногда ориентируются на другой, более престижный язык. Например, некоторые французские грамматисты XVI века предлагали ориентироваться на нормы латинского и

²⁸ *Cohen M. Histoire d'une langue: le français / M. Cohen. – Paris, 1973, p. 182.*

греческого языков. Но невозможно привить живому языку правила чужого языка, и поэтому эта мысль не имела успеха. Только в орфографии, и кое-где в синтаксисе удалось навязать французскому языку нормы латыни.

Нередко критерием нормы является авторитет писателей, учёных-грамматистов, нормализаторов языка. Известна роль, какую сыграл Данте Алигьери в становлении норм итальянского литературного языка. Творчество А.С. Пушкина имело большое значение для закрепления норм русского литературного языка.

Французская литература XVI – начала XVII века не знала писателя, язык которого мог бы послужить образцом. Язык Франсуа Рабле (François Rabelais; 1494-1553, см. фото), полный личных выдумок, нарочито фантастический, хорошо демонстрировал, что можно извлечь из французского языка в принципе, но он не мог служить нормой, тем более что за полстолетия после смерти писателя и сам язык значительно изменился.

Третьим основанием нормы может служить частотность, общепринятость языковых употреблений. Но во Франции начала XVII века, в условиях классового расщепления общества, этот фактор поневоле сводился к социальному. В качестве нормы был принят узус (употребление) верхних слоёв парижского общества – аристократии и буржуазии. Один из поборников нормализации языка поэт Малерб (François de Malherbe; 1555-1628) выступал против использования в литературном языке диалектизмов.

Созданная по указанию кардинала Франции Армана Жана дю Плесси, герцога де Ришельё в 1635 году Академия (Académie Française²⁹) должна была разработать словарь (вышедший в 1694

²⁹ Научное учреждение во Франции, целями которого является изучение французского языка, литературы, регулирование языковой и литературной нормы французского языка. Является частью Института Франции.

году) и грамматику (издана только в 1932 году). Таким образом, дело нормализации языка во Франции сразу было передано в руки учреждения, находящегося под опекой государства.

Большую роль в нормализации языка сыграл грамматист-нормализатор Клод Фавр де Вожла (Claude Favre de Vaugelas, 1585-1650), издавший в 1647 году свои «Замечания о французском языке». Он заявлял, что ориентируется на «bon usage», то есть на язык королевского двора и высших слоёв населения Парижа. Он правильно подмечал тенденции языка и объявлял правильными те употребления, которые соответствовали этим тенденциям. Как истинный сын века рационалистической философии, он порой стремился объяснить «логикой» прихоти языка. Так, например, в то время стало устанавливаться обязательное употребление прилагательных местоимений. Вожла это почувствовал, но объяснял, что надо говорить *Ce livre, je le lui ai donné*, а не *Ce livre, je lui ai donné*, потому что это «логичнее», хотя, например, русская фраза *Эту книгу я ему дал* нам не кажется нелогичной.

Всякая нормализация происходит за счёт ограничения вариативности, разнообразия средств выражения. Во французском языке XVII века она привела даже к некоторому обеднению языка. Многие выразительные народные слова и обороты изгнались из литературного языка. Ограничивались возможности словообразования. Клод Фавр де Вожла писал: «Никому не позволено создавать слова, даже Государю», добавляя, однако: «...это относится к целым словам, ибо что касается слов удлинённых или производных, то иногда их можно создавать»³⁰.

Сформировавшаяся норма французского языка была освящена творениями великих классиков XVII-XVIII веков и в основном сохранилась до наших дней. Правда, уже писатели XVII века, например Мольер, вкладывали, когда это было нужно, в уста своих персонажей простонародные и диалектные слова. Нормализация касалась литературной формы языка. Наряду с этой формой продолжали жить народно-разговорная речь (просторечие) и диалекты.

³⁰ *Le Bidois. Les mots trompeurs et le délire verbal / Le Bidois. – Paris, 1970, pp. 14-15.*

Дальнейшее развитие нормы во французском языке шло в XIX–XX веках по двум направлениям:

1) качественные сдвиги в самой норме литературного языка; они значительны в области лексики, заметны в произношении и сравнительно невелики в грамматике;

2) отражение в художественной литературе, грамматических описаниях и словарях разговорной и ненормативной речи (просторечие, аргю); здесь со времён Вольтера произошли большие изменения.

В конце XIX – начале XX века французские писатели и лингвисты как бы открыли разговорную речь, просторечие. Более широкое употребление этих разновидностей языка в литературе и в живой речи способствует сдвигам в самой литературной норме.

Литература к модулю

Основная

Доза А. История французского языка: монографический учебник / Альбер Доза; пер. с франц. Е.Н. Шор под ред. и с предисловием М.С. Гурычевой. – 4-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2009.

Скрелина Л.М., Становая Л.А. История французского языка: учебник для вузов / Л.М. Скрелина, Л.А. Становая. – М.: Высшая школа, 2001.

Дополнительная

Аллендорф К.А. Очерк истории французского языка: пособие для преподавателей / К.А. Аллендорф. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959.

Бреннер Ж. Моя история современной французской литературы: монография / Жак Бреннер; предисловие, перевод с франц., комментарий О.В. Тимашовой. – М.: Высшая школа, 1994.

Дрюон М. Париж от Цезаря до Людовика Святого. Истоки и берега / Морис Дрюон; пер. с франц. Н. Васильковой, С. Васильевой. – СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2018.

Катагоцина Н.А. и др. История французского языка: учеб-

ник для вузов / Н.А. Катагощина, М.С. Гурычева, В.А. Аллендорф. – 2-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1976.

Кирнозе З.И. Страницы французской классики: книга для учащихся старших классов средней школы / З.И. Кирнозе. – М.: Просвещение, 1992.

Коэн М. Заметки о методе изучения истории французского языка. Notes de méthode pour l'histoire du français (на французском языке) / Марсель Коэн. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1958 (*Серия «Библиотека филолога»*)

Мильчина В.А. Имена парижских улиц. Путеводитель по названиям / В.А. Мильчина. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. (*Серия «Культура повседневности»*)

Реферовская Е.А. Формирование романских литературных языков. Французский язык: монография / Е.А. Реферовская. – М.: ЛКИ, 2007. (*Серия «Из лингвистического наследия»*)

Сергеевский М.В. История французского языка: учебное пособие для вузов / М.В. Сергеевский. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1938.

Цыбова И.А. История французского языка: пособие для самостоятельной работы студентов (Histoire du français) / И.А. Цыбова. – М.: Едиториал УРСС, Либроком, 2013.

Черневич М.Н. и др. История французской литературы: монографический учебник / М.Н. Черневич, А.Л. Штейн, М.А. Яхонтова. – М.: Просвещение, 1965.

Шигаревская Н.А. История французского языка (на французском языке): учебник для вузов / Н.А. Шигаревская. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1984.

Модуль 3

Языковая политика и вопросы культуры речи во Франции

§ 3.1 Языковая политика французских королей и правительств

Первыми актами в области языковой политики были ордонансы французских королей конца XV – начала XVI века. И хотя французский язык внедрялся в административный и судебный обиход, централизованная монархия XVII-XVIII веков не проводила жёсткой языковой политики. Лишь после присоединения каждой новой иноязычной провинции правительство издавало эдикт об обязательном употреблении французского языка (в 1684 году – для Фландрии, в 1685 году – для Эльзаса, в 1700 году – для Руссильона, в 1748 году – для немецкой Лотарингии, в 1768 году – для Корсики), но оно заботилось только о понимании французского языка правительственных постановлений, не занимаясь внедрением его через школу. В школах детей учили сначала латыни, а потом уже французскому языку, причём во многих провинциях преподавание велось на местных диалектах. Значительная часть населения страны не владела в то время французским языком. Историк французского языка Фердинанд Брюно (Ferdinand-Eugène-Jean-Baptiste Brunot; 1860-1938) сообщает, что Людовика XIV при приезде в Аррас приветствовали по-пикардийски, в Марселе ему потребовался переводчик, а писатель Расин не смог по-французски объяснить со слугами гостиницы в южном городе Юзес³¹.

Французский язык распространяется естественным путём благодаря общему экономическому сплочению страны, усилению обмена между провинциями, распространению печатных изданий, в частности газет. «Офранцузиванию» способствует создание Академии (Académie Française; 1635) и её отделений в

³¹ Balibar L., Laporte D. Le français national. Politique et pratique de la langue nationale sous la Révolution / L. Balibar, D. Laporte. – Paris, 1974, pp. 31-32.

провинциальных городах, а также растущий престиж французского национального языка, достигшего литературного блеска в творениях классиков XVII-XVIII веков. Надо отметить, однако, что наиболее дальновидные министры – Кольбер, а затем и Лувуа – начинают направлять в присоединяемые иноязычные области учителей французского языка.

Новая языковая политика сформировалась в эпоху Великой французской революции (1789-1794). В августе 1790 года один из деятелей революции аббат Грегуар разослал по указанию Учредительного собрания по всей Франции анкету социолингвистического содержания. Результаты анкетирования показали, что из 26 млн жителей страны французский язык был родным только для 11 млн, что касается остальных, то из них 6 млн совсем его не знали, 6 млн едва могли объясняться на нём и только 3 млн могли говорить на нём как на втором языке, а писать и того меньше. Они пользовались региональными языками или французскими диалектами, число которых достигало 30.

В это время деятели Французской революции предприняли впервые в Западной Европе попытки разработать и провести в жизнь широкую языковую политику. Необходимость её была связана с пропагандой идеи революции и задачей сплочения народа. Существование диалектов рассматривалось как пережиток старого режима, единство языка – как основа гражданского единства и равенства.

Первоначально меры предусматривали перевод постановлений революционного правительства на местные языки. Но это не обеспечивало всех потребностей, и вскоре возник вопрос об обязательном преподавании французского языка в начальных школах иноязычных областей. Положение усугубилось в 1793 году, когда эмиссары правительства, посланные в отдалённые районы страны, увидели, что контрреволюция пользуется незнанием местным населением французского языка для ведения своей пропаганды. К тому же некоторые национальные окраины оказались охваченными контрреволюционным движением.

У якобинцев возникла идея полного уничтожения местных языков и введения французского языка как единственного общего «национального языка», «языка свободы». Выступая на заседании Конвента от имени Комитета Общественного спасе-

ния, Б. Барер в своём докладе «О языках» заявил: «Мы революционизировали правительство, законы, торговлю, саму мысль; давайте же революционизировать и язык – повседневное орудие всего этого... Свет, посылаемый на окраины Франции, приходя туда, гаснет, поскольку законы остаются непонятными. Федерализм и суеверие говорят на нижнебретонском языке; эмиграция и ненависть к революции говорят по-немецки; контрреволюция говорит по-итальянски, а фанатизм говорит по-баскски. Разрушим эти орудия вреда и заблуждения»³². Он сказал, что язык «свободного народа должен быть един и одинаков для всех».

По этому докладу 27 января 1794 года Конвент принял постановление учредить в каждой коммуне должность учителя французского языка (в областях национальных меньшинств). Обучение французскому языку, изучение «Декларации прав человека и гражданина» и других документов революции объявлялось обязательным для всех молодых граждан. В июле 1794 года (2 термидора II года Республики) особым декретом было постановлено, что все официальные документы в стране должны составляться только по-французски.

Такая политика ставила в приниженное положение целые группы населения, не говорящие на общефранцузском языке. Некоторые авторы называют её «лингвистическим террором»³³. Хотя меры, провозглашённые Конвентом, не полностью претворены в жизнь, они предвосхитили на полтора десятилетия вперёд языковую политику французских буржуазных правительств, ибо в языковой унификации была заинтересована и развивающаяся буржуазия. Политика устранения из официального обихода всех языков, кроме французского, продолжается во Франции и по сей день. Французские лингвисты называют её «лингвистическим якобинством».

«Учредительное собрание, – писали Карл Маркс и Фридрих Энгельс, – разбило на части независимые провинции, же-

³² *Certeau M. de, Julia D., Revel J. Une politique de la langue. La Révolution française et les patois // L'enquête de Grégoire. – Paris, 1975, p. 295.*

³³ *Renzi L. La politica linguistica della Rivoluzione francese. – Napoli, 1981. Лингвистическим террором называется форма агрессивного национализма, проявляющаяся в ограничении прав и свобод людей в зависимости от уровня знания ими языка Титульной нации.*

лезный кулак Конвента впервые сделал жителей Южной Франции *французами* и в компенсацию за утрату их национальности дал им демократию»³⁴. То, что сказано здесь о провансальцах, применимо в определённой мере и к другим этническим меньшинствам Франции.

Французская революция объявила французами всех жителей страны, независимо от их этнической или языковой принадлежности. Таким образом, понятие нации совпало с понятием государственной принадлежности. Такая традиция укрепилась во французском языке. Французское слово *nationalité* обычно обозначает государственную принадлежность лица, гражданство, прилагательное *national* часто выступает в значении ‘государственный, общегосударственный’. Для выражения понятия «национальность» нередко используется термин *ethnie*.

Якобинцы не могли правильно поставить и решить языковую проблему. Но они верно почувствовали и осознали, что для развития страны, для укрепления нового революционного порядка необходимо единое средство общения для всех групп населения. Они пошли по пути провозглашения французского языка *единственно допустимым в жизни страны языком* и устранения местных языков. Между тем подлинно демократическим решением, по мнению многих исследователей, явилось бы распространение среди этнических меньшинств двуязычия. Необходимо было обеспечить развитие, в том числе и внедрение в обучение, местных языков, используя язык крупнейшей этнической группы в качестве языка межнационального общения³⁵.

В течение всего XIX века продолжалось вытеснение родного языка и диалектов жителей страны французским языком. Особенно это усилилось при буржуазной III Республике (после 1870 года) в связи с распространением всеобщего обязательного обучения и воинской повинности. Во Франции не было официальной репрессивной политики в отношении местных языков: они не запрещались, допускались публикации на них, предста-

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд., том 5, с. 378.

³⁵ Именно по такому пути пошла в своё время Октябрьская социалистическая революция, решив таким образом национально-языковую проблему в СССР.

вители этнических меньшинств не подвергались принудительному «французиванию», смене фамилий и т.п. Политика была иной, менее жёсткой, но не менее эффективной.

Все языки, кроме французского, игнорировались на территории страны, считались как бы несуществующими. Он был единственным средством публичного общения и, что особенно важно, единственным языком преподавания в школе. Именно школа стала эпицентром борьбы с другими языками и диалектами. Руководители ведомства просвещения под тем предлогом, что местные языки мешают усвоению французского, изгоняли их из школы, их не только не преподавали, но учеников наказывали, если они между собой заговорят на родном языке или диалекте³⁶.

В 1925 году тогдашний министр просвещения Франции говорил: «Ради языкового единства Франции бретонский язык должен исчезнуть». Обращаясь к эльзаским школьникам, министр сказал: «Я хотел бы, чтобы каждый день вы запоминали одно новое французское слово и забывали одно немецкое». Доступ к самой незначительной гражданской должности требовал хорошего знания литературного французского языка. Лица, не знавшие его, чувствовали себя социально приниженными, испытывали комплекс неполноценности. Многие сознательно отказывались от родной речи, чтобы чувствовать себя полноправными членами общества.

§ 3.2 Движение в защиту местных форм речи в сфере публичного общения. Закон Дексона (1951)

Параллельно с вытеснением местных форм речи из сферы публичного общения в XIX веке возникает движение в их защиту. Решающим фактором был усиливающийся в XIX веке интерес к истории языка, диалектологии и фольклору. В 1870 году

³⁶ Во французских школах применялся «signal»: ученику, заговорившему на родном языке, навешивали на шею позорный знак (например, сабо), который он должен был носить, пока не заметит, что другой ученик заговорит на родном языке или диалекте.

три французских филолога подали в Законодательный корпус петицию о разрешении пользоваться в начальной школе местными языками и об организации их факультативного изучения. В число этих языков они включили шесть: окситанский (и каталанский, как его местный вариант), баскский, бретонский, фламандский, верхненемецкий диалект Эльзаса и корсиканский диалект итальянского языка. Многие общественные деятели, в том числе Жан Жорес, выступали за введение обучения на родных языках, считая, что это будет способствовать умственному развитию детей³⁷.

11 января 1951 года по инициативе депутатов-коммунистов был принят **закон Дексона** (la loi Deixonne), по имени тогдашнего министра просвещения, впервые в истории Франции допустивший преподавание родных языков в школе³⁸. В сфере высшего образования предусматривалось создание кафедр окситанского языка и литературы, бретонского, баскского и каталанского языков в различных университетах страны с правом защиты диссертаций. Закон Дексона касался только четырёх из семи местных форм речи (родных языков): окситанского, бретонского, баскского, каталанского. Фламандский, корсиканский и эльзасский рассматривались как диалекты соответственно нидерландского, итальянского и немецкого языков, которые преподавались в средней школе как иностранные³⁹.

Закон Дексона был первой брешью, пробитой в стене замалчивания, сооружённой официальной Францией вокруг местных языков: впервые официально было признано их существование, необходимость их изучения. Он составляет важную веху в языковой политике страны и его рассматривают как свиде-

³⁷ Тем не менее, официальные инструкции министерства просвещения с 1880 по 1938 год высказывались против допущения местных языков в школу, исходя якобы из интересов улучшения преподавания французского языка. Прогрессивные французские филологи иронически называют министерство просвещения «бункером лингвистического якобинства».

³⁸ Они допускались в качестве факультативного предмета в объёме одного часа в неделю, без обязательного зачёта.

³⁹ В 1974 году корсиканский был включён в число языков, подпадающих под закон Дексона, так как корсиканцам удалось доказать, что они намерены преподавать не литературный итальянский, а особый корсиканский язык.

тельство провала «языкового якобинства», согласно которому французский язык считался орудием прогресса, тогда как родные языки местного населения – проявлением консерватизма.

Однако закон Дексона был малоэффективен, предусматриваемые им меры были недостаточны, в значительной степени он оставался на бумаге в связи с отсутствием материальной базы (учебников, учителей). Вокруг него развернулась борьба. В то время как официальные инстанции министерства саботировали его претворение в жизнь, различные общественные организации, в том числе созданный в 1958 году Национальный совет защиты региональных культур и языков, добиваются его реализации и расширения. Экзамен по родному языку стал учитываться как один из экзаменов на степень бакалавра наряду с иностранными языками.

Сторонники введения в преподавание родного языка выдвигают три фактора: эколингвистический, прагматический и этнонациональный. *Эколингвистический фактор* заключается в том, что следует стремиться сохранять всякую языковую систему, поскольку она является неповторимым способом отображения мира. Исчезновение всякого языка – непоправимый ущерб для человечества. И если диалекты обречены на исчезновение, то языки, обладающие специфическим строем, следует преподавать, чтобы они сохранились. С этой точки зрения особое предпочтение отдаётся наиболее своеобразным языкам: баскскому и бретонскому.

Прагматический фактор заключается в том, что для «гимнастики ума» сопоставление французского языка с родным не менее полезно, чем, например, с латынью, преподавание которой часто оправдывается этим соображением. И наконец, что касается *этнонационального фактора*, то преподавание языка и его развитие позволяют сохранить духовное единство людей, принадлежащих к одной этнической группе, что, в конечном итоге, способствует сохранению местной культуры, самобытности, фольклорных особенностей и т.п.

Однако в перечне этих факторов не упомянут самый важный – *коммуникативно-познавательная функция родного языка*. Исследователи двуязычия в школе отмечают, что начинать преподавание следует на родном языке и лишь несколько

позднее подключать изучение языка-посредника либо – в зависимости от состояния родного языка – переходить на преподавание на языке-посреднике, продолжая изучение родного языка как предмета.

Между тем закон Дексона ввёл родные языки не как языки преподавания, а лишь как преподаваемые языки, наподобие иностранных. Преподавание по всей стране и по сей день ведётся только на французском языке, и лишь на более позднем этапе подключаются, да и то факультативно, по выбору учащихся, уроки родного языка. В этом случае родной язык не может являться средством познания мира и развития умственных способностей ребёнка.

Такое преподавание родного языка, когда познание мира осуществляется исключительно на французском языке, мотивировано слабо, и его называют *enseignement de luxe* «образование для роскоши». За 30 лет, прошедших после принятия закона Дексона, положение с преподаванием родных языков во Франции по-прежнему остаётся неудовлетворительным. На экзаменах за курс средней школы родной язык допускается в качестве факультативного предмета вместо древнего или иностранного языка. В качестве иностранных во Франции преподаются языки немецкий, английский, испанский, итальянский, русский, португальский, арабский; в качестве родного языка: бретонский, баскский, окситанский, каталанский, корсиканский.

§ 3.3 Эволюция понятия нормы литературного языка во Франции в разные исторические эпохи

XVI век – знаменательная эпоха в истории французского языка, как и в истории всей французской культуры. Именно в это время начинается знаменитая «защита» (*défense*) французского языка и его «прославление» (*illustration*). В это же столетие появляются первые грамматики французского языка и возникает научная традиция его изучения. Французский язык вступает в борьбу с латынью, постепенно отесняя её из сферы науки и официальных документов. *Ордонанс Виллер-Котпре*

1539 года признаёт французский язык единственным государственным языком всей страны. Теоретики языка, «прославляя» родную речь, стремятся сделать так, чтобы язык стал как можно более богатым, чтобы с его помощью легко было выразить всё многообразие мыслей и чувств людей новой эпохи. Вместе с тем возникает вопрос о норме языка и её границах во времена эпохи Возрождения.

Положение существенно меняется с начала XVII века. Вместо характерного для XVI века широкого понимания нормы литературного языка в XVII веке постепенно вырабатывается совершенно иное истолкование языковой нормы. Теоретики языка XVII века вступают в резкую полемику с теоретиками минувшего столетия и стремятся обосновать принципы «хорошего обычая» (*bon usage*) в языке. Эта новая языковая концепция, ещё не вполне категорически сформулированная Малербом, затем получит развитие и поддержку у виднейшего грамматиста эпохи – Вожла и у только что созданной тогда Французской Академии (1635).

Малерб так определил три условия, которым должен отвечать литературный язык: «чистота» (*la pureté*), «ясность» (*la clarté*) и «точность» (*la précision*)⁴⁰. «**Чистота**» означала, что в литературный язык нельзя вводить какие угодно слова, как думали в XVI веке. По мысли Малерба, богатство языка определяется не простым количеством слов, а тем, насколько эти слова оправданы и необходимы. Введённые без достаточной дифференциации и строгости, слова могут противоречить другому необходимому условию всякого литературного языка – его «**ясности**». Наконец, третье условие («**точность**») означало, что на родном языке надо писать так, чтобы все понимали. «Мало, чтобы нас понимали, – утверждал Малерб, – надо, чтобы не могли нас не понимать»⁴¹. Основываясь на этих принципах, Малерб последовательно выступал против диалектизмов и архаизмов,

⁴⁰ Brunot F. La doctrine de Malherbe d'après son commentaire sur Desports / F. Brunot. – Paris, 1891, p. 177; Lausberg H. Zur Stellung Malherbe's in der Geschichte der französischen Schriftsprache // Romanische Forschungen. – 1950. – Bd. 62. – Hefte 2-3.

⁴¹ Brunot F. La doctrine de Malherbe d'après son commentaire sur Desports / F. Brunot. – Paris, 1891, p. 187.

против излишних заимствований и неоправданных иностранных слов. Вместе с тем он подчёркивает важность установления точных синонимических оттенков между словами. Ему представляется существенной проблема соотношения буквальных и фигуральных значений в слове. Малербу хотелось так «упорядочить язык», чтобы в нём не было ничего лишнего, но чтобы существующее в языке было строго осмыслено, «расклассифицировано», приведено в норму.

В отличие от Малерба, Вожа выступает по разным вопросам теории родного языка. Малербу ещё не удалось сформулировать понятие нормы литературного языка, Вожа же начинает с определения этой нормы. «Bon usage c'est la façon de parler de la plus saine partie de la cour, conformément à la façon d'écrire de la plus saine partie des auteurs du temps»⁴². Формулировка Вожа, впоследствии вызвавшая самые разноречивые толкования⁴³, в сущности, была ясной. Вожа сделал следующий шаг за Малербом, ещё более сузив рамки литературного языка. Если уже Малербу было очевидно, что нужно как-то очертить контуры литературного языка, то Вожа действует более решительно. «Двор» и «хорошие писатели» – вот на кого, по его убеждению, нужно равняться при установлении норм литературного языка. Концепция нормы языка у Вожа имела не только социальное значение, как обычно думают, но и лингвистическое. «Языковое чутьё», авторитет писателей и грамматические связи, – таковы три критерия, которые выдвигает Вожа для установления правильности или неправильности языкового факта и языкового обычая.

Современников Вожа очень смущал его тезис согласно которому «одно дело – говорить грамматически правильно, дру-

⁴² Хороший обычай в языке, – пишет Вожа, – это манера говорить, установившаяся среди наиболее авторитетной части придворного общества и находящаяся в соответствии с манерой изложения у наиболее авторитетных писателей эпохи. [См.: *Vaugelas C.F. de. Remarques sur la langue françoise / C.F. de Vaugelas.* – Paris, ed. J. Streicher, 1934, Préface, § 2].

⁴³ *Commentaires sur les Remarques de Vaugelas.* Vol. 1-2. – Paris, ed. J. Streicher, 1936.

гое – говорить по-французски»⁴⁴. Между тем Вожла этим хотел сказать, что при установлении нормы «хорошего языкового обычая» нужно опираться не на один показатель, а на разные. Так как между этими показателями могут быть расхождения, то грамматика (*parler grammaticalement*) не всегда согласуется с узусом разговорной речи (*parler françois*), как и он – с грамматикой. Вместе с тем только совокупность этих показателей может создать надёжную платформу, с позиции которой следует рассматривать все случаи «колебаний языкового обычая» (*doutes de l'usage*). Вожла был убеждён, что в письменной форме речи большое значение приобретают грамматические данные и свидетельства писателей, в устной же – показатели самого разговорного обычая, непосредственные ответы говорящих.

Несмотря на известную ограниченность и некоторую пурристичность языковой компетенции Вожла, нельзя не отметить её большого исторического значения. Поддержанная Французской Академией, эта концепция сыграла важную роль в установлении нормы литературного языка в XVII веке.

В своих знаменитых «*Les Caractères*» (1688) Лабрюер писал: «Среди разнообразных выражений, способных передать нашу мысль, только одно является правильным, хотя его подчас и не умеют найти. Тем не менее это выражение существует, и всё, что им не является, оказывается слабым и не удовлетворяет умного человека, который хочет быть правильно понятым»⁴⁵.

Теория общих понятий и соответствующих им общих слов получила косвенное отражение и в разработке вопросов грамматики. Если в XVI веке интерес к языку был по преимуществу *лексикологическим* – споры велись главным образом вокруг словаря (это вполне понятно в эпоху атомистического истолкования природы языка), то в XVII веке углубившийся интерес к проблемам логических категорий и общих понятий не мог не найти своего отражения в языковых теориях.

В эту эпоху особенно много внимания уделяется грамма-

⁴⁴ *Remarques sur la langue françoise par Vaugelas. Vol. 2. – Versailles, ed. A. Chassang, 1880, p. 452.*

⁴⁵ *La Bruyère. Les Caractères / La Bruyère. – Paris, 1910 (глава “Des ouvrages de l’esprit”).*

тике, оперирующей такими специфическими общими категориями, как, например, понятия предметности и действия, отношения и качества, состояния и процессуальности. Поэтому Вожла и Французская Академия в своих «замечаниях» по поводу отдельных грамматических правил французского языка стремились опереться не только на «ощущение» говорящих, но и на грамматическую «аналогию», на грамматические связи между словами.

Понятие нормы литературного языка в XVII веке существенно изменилось по сравнению с аналогичным понятием в предшествующем столетии, в эпоху Возрождения. Это изменение не было случайным, оно определялось изменениями в общих взглядах на язык, на его природу и его назначение в обществе. Ограничение рамок литературного языка в XVII веке по сравнению с минувшей эпохой тоже имело важные последствия – углубляется работа над лексикой языка, над его грамматическими правилами. Поэтому, если для современных французов язык XVI века является в некоторой своей части непонятным и для его расшифровки требуются специальные знания, то в XVII веке устанавливается язык, который уже может считаться «новым». Недаром само понятие «нового языка» историки французского языка связывают именно с XVII веком.

§ 3.4 Проблемы языковой нормы

В современной лингвистике различаются два аспекта понятия языковой нормы: *объективная*, или *дескриптивная*, норма и *оценочная*, или *прескриптивная*, норма.

Объективная норма есть принятая форма реализации возможностей, предоставляемых системой языка. Она отвечает на вопрос: можно или нельзя вообще так сказать во французском языке? Например, по-русски можно сказать: *Будет Петя читать эту книгу?* По-французски ни в коем случае нельзя сказать: **Va Pierre lire ce livre?* Ни один носитель французского языка не использует такого порядка слов.

Оценочная (аксиологическая или прескриптивная) норма устанавливает выбор между вариантами, допускаемыми объек-

тивной нормой. Она отвечает на вопрос: хорошо ли так сказать в данной ситуации? Например, вопрос можно задать различно: 1) *Quand Pierre est-il parti?* 2) *Quand Pierre est parti?* 3) *Pierre est parti quand?* Все эти фразы будут правильными, но различие между ними в том, что первая относится к более высокому стилистическому регистру, чем третья, уместная лишь в небрежной разговорной речи. Оценочная норма связана с распределением языковых фактов по стилистическим регистрам⁴⁶.

Французский язык принадлежит к сильно нормализованным языкам; современная норма в целом была установлена в XVII веке и упорно поддерживалась писателями, официальными инстанциями, школой – особенно в сфере грамматики. Но даже в самых литературно обработанных языках наблюдаются колебания и изменения нормы, как объективной, так, особенно, и оценочной. Эти колебания связаны со следующими факторами:

1) **вариативностью значительной части языкового материала.** Нормализация не устраняет вариативность до конца, особенно это касается неологизмов, редких или заимствованных слов; в языке постоянно появляются элементы с колеблющейся нормой. В словарях приводится много случаев колебания нормы в области произношения (например, *auto* [otɔ] или [ɔtɔ]), орфографии (*foène, foëne, fouène* ‘гарпун’), словообразования (*glaciologue, glaciologiste* ‘гляциолог’);

2) **отсутствием резких границ между нормативным («правильным») и ненормативным («неправильным»);** переход от одного к другому нередко представляет континуум, в котором трудно поставить резкие границы. В лингвистических работах принято отмечать астериском * неправильные, незафиксированные формы. В последнее время нередко используется знак вопроса (?), отмечающий сомнительные случаи. Например, трансформация *Cette histoire est facile à comprendre* → *C'est facile de comprendre cette histoire* вполне правильна; трансформация *Pierre est prêt à partir* → *C'est prêt pour Pierre de partir* не-

⁴⁶ По общим вопросам нормы во французской лингвистике см.: *La norme // Langue française.* – 1972. – № 16; *La norme. Concept sociolinguistique // FM.* – 1982. – № 1; *Les normes du français // Moscou,* 1982. – № 169; *La norme linguistique // Paris,* 1983.

правильна, но трансформация *Ce linge est long à sécher* → (?) *C'est long pour le linge de sécher* вызывает у носителей языка сомнение⁴⁷;

3) *субъективным характером оценки*. Знания разных людей о своём собственном языке не совпадают; об одном и том же явлении они судят по-разному, особенно это касается очечной нормы, то есть определения стилистического уровня (региста) языкового факта. Например, один из корреспондентов М. Коэна писал ему, что «в его кругу» выражение *des fois* ‘иногда’ (вместо *parfois*) расценивается как грубое, простонародное. М. Коэн отвечал, что *quelquefois* – нейтральное слово, *parfois* – несколько изысканное, а *des fois* в настоящее время утратило свою характеристику и находится на грани допустимого разговорного стиля: *Allez-vous à la compagne le dimanche? – Des fois*⁴⁸. Оценка автора письма и лингвиста не совпали. Обращаясь к носителям языка (информантам) при изучении приемлемости, нормативности языковых фактов, стараются расширить и разнообразить круг информантов.

Наука, занимающаяся правильностью речи, изучением нормы, называется ортологией (др.-греч. *orthos* ‘правильный’ + *logos* ‘слово’). Колебания нормы отражаются и обсуждаются в «словарях трудностей» (ортологических словарях). Наиболее значительным из них является трёхтомник Р. Dupré «*L'encyclopédie du bon français dans l'usage contemporain*» (Paris, 1972), в котором систематизированы и проанализированы мнения авторов многих других словарей.

Колебания и вопросы грамматической нормы представлены в известной грамматике М. Grevisse «*Le bon usage*» (вышло 11 изданий). Разнообразие фонетических норм отражено в словаре А. Martinet, Н. Walter «*Dictionnaire de la prononciation française dans son usage réel*» (Paris, 1973).

Нормы языка всегда активно обсуждались во Франции со времён Малерба и Вожла. Некоторые крупные газеты и журна-

⁴⁷ Borillo A., Tamine J., Soublin F. Exercices de syntaxe transformationnelle du français / A. Borillo, J. Tamine, F. Soublin. – Paris, 1974, p. 150.

⁴⁸ Cohen M. Toujours les regards sur la langue française / M. Cohen. – Paris, 1970, pp. 311-312.

лы ведут специально языковую рубрику. В газете «Le Monde» в течение многих лет такую рубрику вёл известный лингвист П. Ле Бидуа, в «L'Humanité» – Марсель Коэн.

Различают три подхода к вопросам нормы:

1) **пуризм** – борьба за «чистоту языка», осуждение любых отклонений от установленной литературно-книжной нормы;

2) **лаксизм** – «послабление», принятие любых нарушений нормы, любых форм языка;

3) **рациональное объяснение** – просвещение носителей языка. Данная позиция наиболее правильна, и её придерживаются в настоящее время большинство грамматистов.

Некогда, особенно в конце XIX – начале XX века во Франции «свирепствовал» пуризм. Грамматисты отвергали малейшее нарушение нормы, не учитывали, что язык – живое, развивающееся явление. Пуризм был своеобразной формой проявления буржуазной классово-идеологии в языковой политике: пуристы презрительно относились к речи широких масс людей, навязывая нормы, бывшие в ходу в аристократических и буржуазных кругах. Многие видные французские лингвисты резко выступали против пуризма.

Андре Мартине в статье «Пуристы против языка»⁴⁹ показал, как пуристы своими запретами и предостережениями приводили к обеднению языка, к тому, что люди стали с трудом выражаться на родном языке из боязни совершить ошибку. Он доказывает, например, что пуристы неправомерно осуждают, как неправильные выражения *malgré que*, *causer à* (вместо *causer avec*), он рассказывает, как вечные осуждения оборота *je m'en rapelle* сделали в его представлении «неправильным» и оборот *je m'en souviens*, так что глагол *souvenir* выпал из его словаря, поскольку единственная этимологически правильная форма *il m'en souvient* стала архаичной.

П. Ле Бидуа защищает форму *je m'excuse*⁵⁰, М. Коэн разъясняет, что нет лингвистических оснований для осуждения обо-

⁴⁹ *Martinet A. Le français sans fard / A. Martinet. – Paris, 1969.*

⁵⁰ *Le Bidois P. Les mots trompeurs ou le délire verbal / P. Le Bidois. – Paris, 1970, p. 212.*

рота *causer à, rester* в значении ‘habiter’ (Ma tante reste à Montrouge), условногоклонения после *si*⁵¹. За более толерантное отношение к нарушению нормы выступает Орельян Соважо. Он считает, что следует отказаться от строго правила нормы и предоставить говорящему право выбирать форму глагола после *si*, поскольку иногда говорящему нужно подчеркнуть, что условие относится к будущему времени, допустить инверсию в косвенном вопросе (*chacun se demande comment a-t-on pu en arriver là*). Частые нарушения этих правил, даже лучшими авторами, в прессе, в радиопередачах показывают, по его мнению, что эти правила не позволяют выразить желательные оттенки значений⁵².

Преподаватели французского языка (Alliance française) предлагают проявлять больше терпимости к ошибкам учащихся, градуировать сложности (на раннем этапе «прощать» некоторые ошибки, на более продвинутом – исправлять их), с тем чтобы освободить учеников от страха оформлять свои мысли.

§ 3.5 «Защита» кодифицированного языка от элементов разговорной речи

В последнее десятилетие идёт активная полемика вокруг «защиты» французского языка от его порчи, от проникновения в кодифицированный литературный язык элементов разговорной речи, просторечия, аргю. При этом выделяются три направления. Одни лингвисты и писатели стремятся всеми силами сохранить существующую литературную норму, освящённую традицией, оградить её от «порчи».

Другие, напротив, считают, что литературная норма – устаревшая, омертвевшая форма языка, наподобие латыни. Они предлагают строить новый французский язык на основе «пéо-français», то есть разговорной речи и просторечия. Активным поборником этого направления является писатель Р. Кено, кото-

⁵¹ *Cohen M. Toujours les regards sur la langue français / M. Cohen. – Paris, 1970, p. 313.*

⁵² *Sauvageot A. Français d’hier ou français de demain / A. Sauvageot. – Paris, 1978, p. 123-124.*

рый даже намеревался «Рассуждение о методе» Рене Декарта перевести на этот язык⁵³. Он считает, что подобно тому как простонародная романская речь эпохи каролингов, зафиксированная и обработанная писцами и поэтами Средневековья, превратилась постепенно в литературный французский язык, так и современная разговорная речь, при её письменной фиксации, превратится в подлинный литературный язык, непосредственно связанный с народной речью. Но это рассуждение неправильно.

В каждом развитом обществе язык имеет книжно-письменный и разговорный варианты. Нельзя сказать, какой из них «лучше», оба они необходимы, поскольку выполняют разные функции. Разговорная речь даёт возможность выразить эмоции, обеспечить общение на определённые бытовые темы в неофициальных условиях. Литературно-книжная речь позволяет выразить отвлечённые идеи, научные теории, описать разнообразнейшие ситуации и события.

На разговорном языке можно написать роман, вроде «Зази в метро», как это и сделал Р. Кено, но на него невозможно перевести творение Р. Декарта (его можно было бы «перевести» на современный литературный язык): экспрессивность разговорного синтаксиса и просторечные синонимы там неуместны, а отвлечённую философскую лексику всё равно пришлось бы брать из книжной речи. Да и языковая ситуация в современной Франции совершенно непохожа на ту, которая была в королевстве Каролингов. В то время латинский язык был уже неизвестным народу, чужим языком, которому, естественно, нужно было найти письменную замену.

Современная литературная речь не является посторонней для французов: это одна из форм их родного языка, которая изучается в школе, с которой они ежедневно сталкиваются, читая газеты, книги, слушая радио. Конечно, объективная норма меняется, и от устаревших правил и дифференциаций нужно отказаться; меняется оценочная норма – люди стали иначе относиться к разговорной речи, и поэтому следует, при необходимости, смелее вводить в литературу все речевые регистры, что, собственно говоря, и делается во французской и художественной

⁵³ *Queneau R. Bâtons, chiffres et lettres / R. Queneau. – Paris, 1965, p. 17.*

литературе XX века.

Но характерно, что если книга целиком написана на разговорном языке (с элементами просторечия, аргю), то в ней описываются лишь события повседневной жизни с обрывками мыслей и ощущений персонажей по их поводу. Изложение глубоких связных мыслей, переживаний, описаний на этом языке не получается (ср. романы селина, Будара, опыты самого Кено). Если писатель хочет углубить изложение, он прибегает к несобственно-прямой речи (например, Луи Арагон), в которой объединяются средства разговорной и книжной речи. Не случайно в последнее время проблема «неофранцузского» языка утратила остроту. Вместе с тем, несомненно, современный литературный французский язык обладает очень сложной и запутанной нормой, часто употребление той или другой формы связано не с различием смысла, а именно с нормативными реализациями. Возьмём, например, предлоги *à* и *en*.

Аналогичные предлоги имеются и в испанском языке: *a*, *en*, но там их выбор при географических названиях зависит исключительно от смысла: *a* показывает направление, *en* – местопребывание, так что оба предлога могут употребляться с любым словом: *a Moscú в Москву*, *en Moscú в Москве*; *a Francia во Францию*, *en Francia во Франции*. Во французском языке не различаются направление и местопребывание, казалось бы, он мог удовлетвориться одним предлогом из двух, но нет, в нём не только есть и *à*, и *en*, но к ним ещё добавляется предлог *dans*, и употребление всех трёх в географических названиях далеко не всегда определяется смыслом, но зависит от слова, к которому относится предлог.

Если речь идёт о городе, надо говорить *à* (*à Moscou в Москву*, *в Москве*), если о стране – *en* (*en France во Францию*, *во Франции*), но если название страны мужского рода, то *au* (*au Portugal*), если же оно мужского рода и начинается с гласной, то снова *en* (*en Iran*); с названиями островов (даже если это государство) *à* (*à Bornéo, à Cuba*), но если имя женского рода, то *en* (*en Corse, en Haïti*), при некоторых же «отдалённых» островах – *à la* (*à la Martinique*), к тому же говорят *à l'île de Ré*, при названиях департаментов – *dans* (*dans le Lot*), но при сдвоенном названии – *en* (*en Lot-et-Garonne*) и т.д.

Сколько лишних усилий для памяти! Надо говорить *à cheval*, но *en voiture*, но вот грамматисты обсуждают, как надо сказать: *aller à* (или *en*) *vélo*, *à* (или *en*) *ski*, etc. Аналогичные прихоти мы находим и в сфере артикля: *fleur de bois*, но *fleur des champs*. Весь французский язык пронизан такими мелкими правилами, не прибавляющими ничего к смыслу высказывания.

В русском языке, если мы знаем форму прилагательного мужского рода (*-ый, -ой, -ий*), то всегда образуем правильную форму женского рода (*-ая, -ая, -яя*). Во французском языке это не всегда возможно: ср. *gas – gase*, но *bas – basse*, это осложняется орфографией. Орфографическая норма во французском языке особенно трудна.

Сторонники третьего направления предлагают усовершенствовать французский язык, освободить его от ряда обременительных мелких правил в сфере орфографии, морфологии, синтаксиса. Наиболее активным представителем этого направления является Орельян Соважо. В упомянутой выше книге он говорит, что язык – не организм, а орудие, механизм, и поэтому человек может активно управлять им, изменять его, совершенствовать. Он предлагает целый ряд таких усовершенствований языка, исключение ряда запретов, выравнивание форм и т.п. Но это ставит вопрос о целенаправленном регулировании языка.

§ 3.6 Меры по регулированию языка

Франции всегда был свойствен «лингвистический дирижизм», то есть регулирование проблем языка правительственными инстанциями. Мы видели в обзоре истории французского языка, что уже в конце XV – начале XVI века французские короли принимали ордонансы, обеспечивающие употребление французского языка в стране. Затем последовали в XVII-XVIII веках декреты о введении французского языка в присоединяемых провинциях и, наконец, закон от 2 термидора II года. В XIX веке лингвистическое регулирование шло через школу. Сама норма литературного языка была результатом сознательной деятельности грамматистов и литераторов XVII века, пользовавшихся поддержкой правительственных сфер.

Многие французские лингвисты постоянно подчёркивают классовый характер нормы, установленный в ту эпоху. В наше время в связи с необходимостью укрепления позиций французского языка за пределами Франции и даже в самой стране, французские правительственные органы предприняли ряд законодательных и организационных мер в области языковой политики, наиболее важными из которых являются следующие:

Закон от 7 января 1972 года *«Об обогащении французского языка»* и серия постановлений, вводящих для обязательного употребления термины в ряде отраслей. Предлагаемые термины публикуются в «Журналь оффисьель».

Закон от 31 декабря 1975 года *«Об использовании французского языка»*. Этот закон, ссылающийся «на защиту интересов производителя и потребителя», вводит обязательное употребление французского языка в рекламе и официальном делопроизводстве фирм. Запрещается использование иноязычных терминов, если имеются соответствующие французские. В общественных местах и на транспорте все вывески должны быть на французском языке, и лишь в случае необходимости они могут дублироваться на иностранном. Циркуляры 1977 и 1982 года уточняют и разъясняют положение закона 1975 года. В 1977 году была организована специальная ассоциация (AGULF), наблюдающая за претворением в жизнь закона 1975 года.

Созданный в 1974 году Генеральный комиссариат французского языка предполагает ужесточить санкции за нарушение закона 1975 года, расширить создание терминологических систем, а также стимулировать переводческую работу, с тем чтобы французский язык имел необходимые средства для отображения современного мира.

Созданием и унификацией научно-технической терминологии занимаются организации: Международный совет французского языка (CILF), издающий журналы, посвящённые вопросам терминологии, «La banque des mots», «La clé des mots»; Французская ассоциация терминологии (AFTERM); Французская организация по стандартизации (AFNOR); Franterm.

В сфере языкового законодательства следует упомянуть и педагогический аспект. Учитывая сложность, которую представляет для учащихся норма французского языка во всех её де-

талях, Министерство просвещения издало в 1901 году. Постановление о непринятии во внимание ряда ошибок в области грамматики и орфографии на экзаменах и конкурсах, проводимых в системе этого Министерства. Оно предусматривало, в частности, послабление при употреблении дефиса в сложных словах, употреблении форм множественного числа в именах собственных и числительных и т.п.

Однако преподавательская рутина оказалась сильнее, чем министерские постановления. Это постановление никогда не применялось на практике. В 1976 году Министерство просвещения приняло аналогичное постановление, заменяющее постановление 1901 года. Оно разрешает не считать за ошибку варианты, не различающиеся по смыслу, различающиеся незначительно, допущение нарушения некоторых норм в некоторых случаях написания дефиса, надстрочных знаков, согласования причастий и т.п.⁵⁴ Таким образом в педагогическом плане демократизация языковой политики и практики проявляется в двояком аспекте: а) в более терпимом отношении к отклонениям от традиционной нормы; б) в широком введении в преподавание текстов, отражающих живую разговорную речь.

Литература к модулю

Основная

La norme // Langue française. – 1972. – № 16.

La norme linguistique // Paris, 1983.

La norme. Concept sociolinguistique // FM. – 1982. – № 1.

Les normes du français // Moscou, 1982. – № 169.

Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили: монография / Р.А. Будагов. – М.: Высшая школа, 1967. – С. 351-369.

Дополнительная

Гак В.Г. Французская орфография: монографический учебник. – 3-е изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018.

⁵⁴ Полный текст Постановления см. в книге: Гак В.Г. Французская орфография: монографический учебник. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. – С. 232-234.

Brunot F. La doctrine de Malherbe d'après son commentaire sur Desports / F. Brunot. – Paris, 1891, p. 177.

Cohen M. Toujours les regards sur la langue français / M. Cohen. – Paris, 1970.

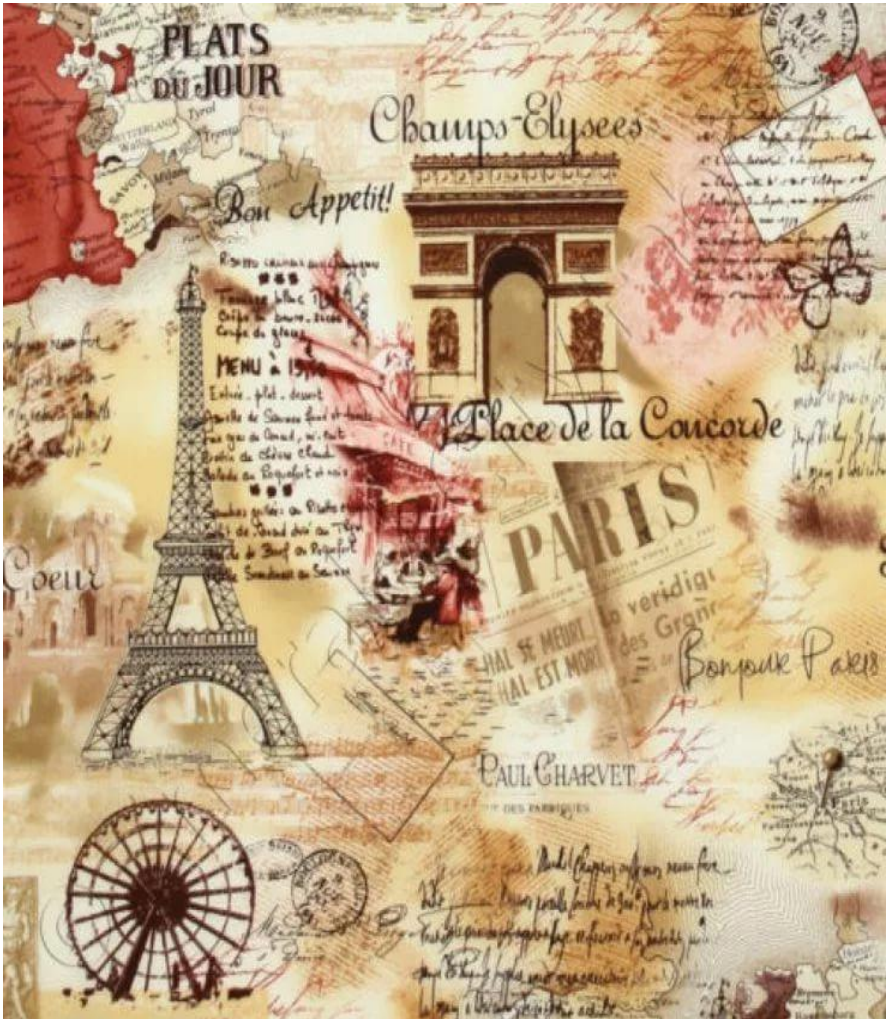
Lausberg H. Zur Stellung Malherbe's in der Geschichte der französischen Schriftsprache // Romanische Forschungen. – 1950. – Bd. 62. – Hefte 2-3.

Sauvageot A. Français d'hier ou français de demain / A. Sauvageot. – Paris, 1978.

Часть 2

Особенности французского языка на современном этапе развития

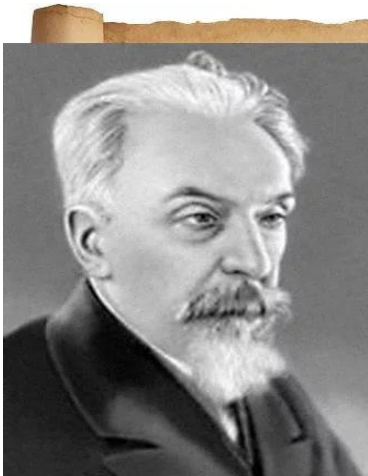

Модуль 4

Звуковой строй современного французского языка

Толкование фонемы

В труде «Фонетика французского языка» Щерба дает свое толкование понятия фонемы: « ... В живой речи произносится значительно большее, чем мы это обыкновенно думаем, количество разнообразных звуков, которые в каждом конкретном языке объединяются в сравнительно небольшое число звуковых типов, способных дифференцировать (т.е. различать) слова и их формы, т.е. служить целям человеческого общения. Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных звуках речи. Мы будем называть их фонемами.

(1880–1944)

Щерба Лев Владимирович

- призывал к наблюдениям над живыми фактами языка и речи, к размышлениям над ними. Его работа «О частях речи в русском языке» (1928), в которой он выделил новую часть речи – слова категории состояния, – наглядно показала, какие грамматические явления скрываются за знакомыми для большинства терминами «существительное» и «глагол». Щерба – создатель ленинградской фонологической школы. Он одним из первых обратился к лингвистическому анализу языка художественных произведений. Его перу принадлежат два опыта лингвистического толкования стихотворений «Воспоминание» Пушкина и «Сосна» Лермонтова.

Основные характеристики свойства фонемы следующие:

1) фонема – наименьшая звуковая речевая единица данного языка; велико практическое значение данного понятия для установления звуковой системы языка и для истории этой звуковой системы, для построения и реформирования орфографии и для других задач практического языкознания;

2) заменяя одну фонему другой, добавляя фонему (фонемы) или уменьшая их количество в слове, можно показать изменение значения слова или формы слова;

3) внутри одного языка каждая фонема противопоставляется остальным фонемам данного языка.

Характеристика звукового строя языка в целом складывается из трёх моментов:

1) числа фонем языка и их характеристики (*фонематической парадигматики*);

2) сочетания фонем в речевом потоке (*фонетическая синтагматика*);

3) ударения, интонации и других явлений (их называют супraseгментными), обнаруживающихся в слове или в речевом потоке (*просодики*).

В истории французского языка все аспекты звукового строя претерпели большие изменения, причём эти изменения не всегда шли в одном направлении, что чрезвычайно характерно для эволюции французского языка. Так в *системе гласных* вначале развились дифтонги (были даже и трифтонги), потом они исчезли, и только орфографические казусы, вроде *geine*, *eau*, *oi-seau*, напоминают о них. В *системе согласных* вначале тоже развились сложные звуки – аффрикаты (сочетание зубных звуков с передне-нёбными: [ts, dz, tʃ, dʒ]). Потом они превратились в простые согласные.

§ 4.1 Общая характеристика звукового строя современного французского языка

В просодическом плане основная тенденция развития французского языка заключалась в *замене музыкального ударения силовым и переносе его к концу слова*. При этом безударные слоги во многих случаях редуцировались, то есть выпадали

(ср. *рус.* сейчас > разг. с'час). Эта тенденция зародилась уже в народной латыни. Перенос ударения шёл параллельно с **сокращением длины слова** (ср. *лат.* *oculum* 'глаз' *народная лат.* *oclu(m)* > *франц.* *œil*). Таким образом, перенос ударения шёл параллельно с **сокращением длины слова**.

В истории развития французского языка отпали многие безударные слоги и все конечные гласные. Дольше всего (до XVI века) продержалось *e*, но и оно перестало произноситься (*mère*, *père*) и звучит только в строго определённых традицией случаях. В результате этого во французском языке все слова несут ударение на последнем слоге (это называется **окситональностью**). Тенденция к переносу ударения на последний слог сохраняется до сих пор, но осуществляется без выпадения безударных слогов, только путём прямого переноса. Ср. *лат.* *frig(i)d(em)* > *ст.-франц.* *freid* > *франц.* *froid*: слово оказалось окситональным вследствие выпадения заударных гласных, но в *лат.* *frigīdem* > *франц.* *frigide* (заимствованном позже) ударение перенесено на слог ближе к концу.

Давая общую характеристику звуков современного французского языка, учёные отмечают их чёткость. «Звуковая система французского языка, – пишет Ж. Галише, – отличается прежде всего той чёткостью, той точностью, той умеренностью (*netteté*, *precision*, *mesure*), которые мы обнаруживаем на всех уровнях языка, включая грамматику»⁵⁵. Ещё раньше швейцарский лингвист Вальтер фон Вартбург (*Walther von Wartburg*; 1888-1971) писал, что иностранного слушателя во французском произношении поражает прежде всего чёткость, ясность, сдержанность (*netteté*, *clarté*, *sobriété*), с какой произносятся все фонемы⁵⁶.

Во современном французском языке нет сложных фонем ни гласных (дифтонгов), ни согласных (аффрикат), в нём нет переходных звуков (глайдов), которые свойственны английскому языку и встречаются в русском. Французские фонемы отли-

⁵⁵ *Galichet G.* La physiologie de la langue française / G. Galichet. – Paris, 1958, p. 114.

⁵⁶ *Wartburg W. von.* Evolution et structure de la langue française / W. Wartburg. – 5e éd. – Berne, 1958.

чаются большой устойчивостью различительных признаков. В речевом потоке звуки влияют друг на друга, их произношение может зависеть от их места в слове, от места ударения и других факторов, отсюда происходят различного рода позиционные изменения фонем, ассимиляции, чередования. Французскому языку все эти явления не чужды, но принимают они менее заметную форму, чем во многих других языках.

Во французском языке в безударных слогах могут варьироваться тембры гласных, то есть [ɛ / е, ɔ / о, œ / ø, а / а], но не заменяются сами гласные; безударное закрытое [o] может переходить в открытое [ɔ], но не в [ɑ], как в русском, или в [u], как в португальском. Согласные на конце слова не оглушаются, как в русском или немецком языках, в середине слова перед глухой согласной оглушение необязательно. Если в русском слове *подсадить* мы явно произносим [тс], то во французском *au-dessus* может произноситься не только [t], но и оглушённое [d]: [odsy]. Смягчение согласных (*палатализация*) также более редко во французском языке, чем в русском.

Устойчивость французских звуков в потоке речи объясняется особенностями артикуляции французских звуков и спецификой работы голосового аппарата. Вальтер фон Вартбург так описывает французскую артикуляцию звуков: «Эти особенности произношения связаны с тем, что основой французской артикуляции является передняя часть ротовой полости, в то время как в немецком и английском языках звуки образуются в глубине рта, а затем должны пройти через всю ротовую полость; французские же звуки выходят прямо изо рта и сохраняют больше независимости, непосредственности. Кроме того, французы сильно напрягают внутренние мышцы рта, тогда как англичане говорят более расслабленно. Поэтому создаётся впечатление большей дисциплинированности при произношении у французов и большей небрежности у англичан. Но во французской дисциплинированности не видно усилия. Почти вся работа при произнесении звуков совершается внутри рта. Если, например, у немцев иногда эта работа проявляется в движениях лица, то у французов лицо остается малоподвижным. Эта скрытая дисциплина и является одним из секретов элегантности французского произношения». Действительно, если мы выключим звук при

телевизионной передаче на иностранном языке и будем наблюдать только за движениями лица говорящих, то мы заметим, что англичанин больше работает мускулами лица, растягивает губы или обнажает зубы, чем француз. Также мелодика французской фразы кажется менее «певучей», более однообразной, чем интонация других языков.

И все же эта чёткость французского произношения не абсолютна; во французском произношении наблюдаются значительные вариации возрастного, регионального, стилистического характера. Особенно существенны последние, делающие слова порой неузнаваемыми. Так, *jeter* [zəte] *бросать* в разговорной речи превращается в [ʃte]: *c'est à jeter* *это нужно выбросить*. Возможно, что различия между «полным» и разговорным стилями произношения во французском языке более значительны, чем в русском.

Современное французское произношение – вариативно, это гибкая система, и единство французского произношения так же относительно, как территориальное или нормативное единство этого языка. Кроме того, чёткость и ясность отдельных произносимых звуков отнюдь не является залогом ясности речевого отрезка. Французский язык даёт яркий пример того, как из чётко произносимых ясных звуков образуются неясные, порой двусмысленные фразы.

§ 4.2 Система гласных фонем современного французского языка

Дифференциальные признаки гласных фонем определяются положением подвижных органов артикуляции: языка, нижней челюсти, губ, нёбной занавески. Движение языка создаёт различие между звуками переднего ряда [i – e] и заднего ряда [o – u], челюсти – между закрытыми, средними и открытыми звуками [i – e – ε – a], губ – между лабиализованными и нелабиализованными [ø – e], нёбной занавески – между носовыми и неносовыми [ɔ̃ – ɔ]. К перечисленным качественным признакам добавляется количественный – долгота [ε – ε:].

В системе французских гласных используются все эти

признаки, и поэтому она разнообразнее системы простых гласных других европейских языков, использующих лишь часть из них. Разнообразие гласных фонем способствует сохранению коротких слов во французском языке, так как различие между словами выражается в различии гласных звуков при совпадении согласных, тогда как в родственных языках, где гласные менее разнообразны, различие аналогичных слов определяется согласными; ср. *франц.* *pas, paix, pain* и *итал.* *pasce, race, pane*.

Французский язык относится к **вокалическим языкам**: в нём 15 гласных фонем при 20 согласных (напомним, что в русском языке это соотношение 5 и 37), и в тексте гласные встречаются относительно часто. Традиционно система французских гласных описывалась как однородная стабильная система, состоящая из 15 единиц (или 16, если в качестве особой фонемы выделялось [э], которое по своим дифференциальным фонологическим признакам не отличается от [œ]). Однако более внимательное изучение реализаций фонем в зависимости от их позиции в слове показало неустойчивость целого ряда из них в звуковом потоке. Анализ реального произношения французов, проведённый путём анкетирования в последние десятилетия XX века, обнаружил большие расхождения в конкретном произношении, связанные с возрастом, местом жительства и уровнем образования опрашиваемых⁵⁷.

В этих расхождениях проявляются общие колебания французской системы гласных и направления её развития. На реализацию фонем влияют структурные и социальные факторы. К структурным факторам относятся: а) безударность / ударность слога; б) закрытость / открытость слога. К социальным – место жительства, возраст, социальное положение говорящего. Основные колебания и, следовательно, теоретические изыскания ка-

⁵⁷ Важнейшие обследования: *Martinet A. La prononciation du français contemporain / A. Martinet. – Paris, 1945* (результаты опроса французских пленных офицеров в Германии в 1941 году); *Reichstein Ruth. – World, № 16* (опрос парижских школьниц в 1956-1957 гг.); *Deyhime Guiti. – La linguistique, 1967, № 1* (опрос студентов); *Martinet A., Walter H. Dictionnaire de la prononciation française dans son usage reel / A. Martinet, H. Walter. – Paris, 1973*. Сравнение результатов первых трёх опросов дано в книге: *Martinet A. Le français sans fard / A. Martinet. – Paris, 1969, pp. 168-190*.

саются следующих вопросов:

1) долгота; в исходе слова она исчезла в парижском произношении: *joli* и *jolie* произносятся одинаково (в некоторых областях страны в женском роде гласный удлиняется); в середине слова она соблюдается нерегулярно: (*mettre класть* и *maître господин* могут произноситься одинаково);

2) нейтрализация открытых / закрытых гласных в безударном слоге [ɛ] и [e], [ɔ] и [o], [œ] и [ø] приближаются к среднему звуку E, O, OE;

3) нейтрализация [œ / ø] в закрытом слоге (*jeune молодой / jeûne пост (воздержание от пищи)*) и [ɛ / e] в исходе слова (*riqué / riquet; j'aimai / j'aimais*);

4) различие [a] и [ɑ];

5) различие [ǣ / ẽ], исчезнувшее в парижском произношении;

6) редукция [ɔ] > [œ] в безударном слоге (*joli* > [zœli]), наблюдающаяся в разговорной речи;

7) проблема [ə] muet.

Система гласных традиционной литературной нормы симметрична: гласные переднего и заднего ряда имеют четыре степени подъёма: [i – e – ε – a] и [ɑ – ɔ – o – u], все три наиболее закрытых гласных переднего ряда имеют лабиализованные соответствия: [i – y; e – ø; ε – œ]; все наиболее открытые имеют носовые соответствия: [ẽ, ǣ, ǎ, ǝ]. Различные варианты системы утрачивают часть из этих фонем.

Вариант	Передний ряд	Задний ряд	Лабиализованные	Носовые
Общая система (15)	i e ε a	ɑ ɔ o u	y ø œ	ẽ ǣ ð ǎ
Ударный открытый слог (13)	i e ε a	ɑ – o u	y ø –	ẽ ǣ ð ǎ
Ударный закрытый слог (14)	i – ε a	ɑ ɔ o u	y ø œ	ẽ ǣ ð ǎ
Безударный слог (12)	i e/ε a	ɑ ɔ/o u	y ø/œ	ẽ ǣ ð ǎ
Парижское произношение общее (14)	i e ε a	ɑ ɔ o u	y ø œ	ẽ – ð ǎ
Южнофранцузское: открытый слог (7)	i e – a	– – o u	y ø –	(–)

закрытый слог (7)	i – ε a	– ə – u	y – œ	(–)
-------------------	---------	---------	-------	-----

В южнофранцузском региолекте нет чистых носовых гласных, имеет место назализация гласного при одновременном произношении согласного: plain [plɛ̃n].

§ 4.3 Система согласных фонем современного французского языка

Согласные во французском языке различаются по трём основным признакам: *способу образования* (смычные, щелевые), месту образования (губно-губные, губно-зубные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярные), по участию голоса (глухие, звонкие, сонанты). По каждому из этих признаков во французской фонологии ведутся дискуссии; например, что преобладает в оппозиции [p] / [b]: противопоставление по глухости / звонкости или напряжённости / ненапряжённости.

Особенностью французского языка является наличие, кроме [j], ещё двух полугласных [w] и [ɥ], причём возникает вопрос: представляют ли они собой особые фонемы или же позиционные варианты гласных [u], [y] ? Иногда это касается и [i]. Ср. il noue / nouer; il tue / tuer; il nie / nier.

Общая таблица согласных:

p	f	t	s	ʃ	k	
b	v	d	z	ʒ	g	
m		n			[ŋ]	
[w, ɥ]			l	ʎ		ʁ
			e	j		

Во французском языке нормы произношения согласных более устойчивы, чем гласных. Колебания, а следовательно, и теоретические дискуссии, касаются следующих явлений:

1) ассимиляции согласных, их оглушения или озвончения в потоке речи: je sais [zse] или [ʃse]; chaque jour [ʃakzɔʁ] или [ʃaɔzɔʁ]; одни авторы видят здесь оглушение и озвончение, другие – изменение напряжённости в произнесении звука;

2) удвоенных согласных, образующихся на морфемном шве – стыке основы слова и морфемы (je courrais [kurrɛ], netteté [nette]) или произносимых иногда в отдельных словах в несколько аффектированной речи: *grammaire, sommet, etc.*;

3) различного произношения [r]: на севере оно грассированное, на юге – вибрирующее;

4) перехода [ij] > [j]: *million, [mijɔ̃]*, осуждаемого большинством фонетистов как ненормативного;

5) утраты фонемы [ɲ], переходящей в [nj]: *signal [sinjal]*, что признаётся разговорной нормой;

б) статуса звука [ɲ], пришедшего с английскими заимствованиями; исследователи склонны считать его новой фонемой в системе французских согласных. На смену прежнему соответствию носовых и носовых согласных [b – d – j] / [m – n – ɲ] приходит новое [b – d – g] / [m – n – ɲ)];

7) произношения иностранных слов, в которых используются иноязычные фонемы [θ, x] или их французские замены: *thriller фильм-боевик [srilœr, tri-, θri-]; loch озеро в Шотландии [lok, lox]*.

§ 4.4 Транскрипция и словари

Транскрипцию следует понимать как средство закрепления на письме фонематического состава языка, как средство, помогающее, по словам Л.В. Щербы, «обнаружить, так сказать, истинную звуковую природу языка...»⁵⁸, как средство закрепления на письме фонематического состава языка. Применение транскрипции позволяет:

1) знакомиться с точным фонематическим составом изучаемого языка;

2) фиксировать устную речь при изучении диалектов и ещё неизученных языков;

3) бороться с отождествлением звука и буквы;

4) выполнять проверку и самопроверку при обучении

⁵⁸ *Щерба Л.В.* Фонетика французского языка: монографический учебник / Л.В. Щерба. – 6-е изд. – М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1957. – С. 22.

языкам и изучении их;

5) работать над языковым текстом с точно представленным фонематическим составом языка во внеурочное время.

В настоящее время в изданиях приняты два вида транскрипции: ① *международная фонетическая транскрипция* – Международный фонетический алфавит (МФА), – построенная на основе латинского алфавита, и ② *транскрипция, построенная на основе русского алфавита*. Каждый из этих двух видов транскрипции может либо только фиксировать основной оттенок каждой фонемы того или иного языка (тогда транскрипция называется *фонологической*), либо фиксировать различные оттенки этих фонем (тогда транскрипция называется *фонетической*)⁵⁹. В нашем пособии мы используем фонологическую транскрипцию.

Вариативность произносительных норм не могла не отразиться на транскрипции, даваемой в словарях. В довоенное время многие французские словари показывали произношение с помощью «собственных» средств французского алфавита. Например, ещё в «Большом Робере» 1-го издания можно видеть транскрипцию: *équille вид рыбы (é-kiy')*, *dam ущерб (dan)* и т.п.

По примеру научных трудов в словарях стала использоваться транскрипция, основанная на международном фонетическом алфавите. Однако при этом недостаточно принимались во внимание позиционные изменения и возможные колебания в произносительной норме. Так, *hôtel* транскрибировалось как [o-tɛl], хотя безударное [o] открывалось; *reiner* – [rɛ-'ne], хотя в силу ассимиляции [ɛ] закрывалось и т.п. Транскрипция во многих случаях лишь «транскрибировала» орфографию (ai = [ɛ]; ô = [o] и т.п.), вместо того чтобы отражать реальное произношение.

В связи с принципиальным пересмотром в современном французском языкознании подхода к норме как к чему-то абсолютному, в последних словарях стали отражать колебания и

⁵⁹ Прилагательными **фонологический** и **фонетический** часто пользуются с целью указать, что в первом случае имеются в виду именно фонематические качества звукового явления, его свойство влиять на значение слова, во втором случае речь идёт об анатомо физиологических свойствах звука. Оба понятия применяются, например, при описании системы фонем, при различении категорий произносительных ошибок и в других случаях.

произношение, более близкое к реальному. Например, в «Малом Робере»: *auto* [ɔ(o)-to], *fêter* [fe-'te], а не [fɛ-'te], *dégazonner* [de-ɔ(a)-zɔ-'ne] и т.п. В наибольшей степени эта тенденция проявляется в словаре А. Lerond «Dictionnaire de la prononciation» (Paris, 1980). Его автор исходит из сосуществования в современном произношении трёх региональных норм:

1) *нейтральной*, сформировавшейся в буржуазной среде к северу от Луары и распространившейся теперь благодаря радио и телевидению по всей территории французского языка; она отличается наличием [œ] и отсутствием различия [a] и [ɑ];

2) *парижской*, в которой нет [œ], но различаются [a] и [ɑ];

3) *южной* (отсутствуют чистые носовые, сохраняется [ə], отсутствует ритмическая долгота, употребляется [ɔ] в закрытом слоге, то есть не различаются *saute* и *sotte*). Он вводит специальные знаки, которые обобщённо обозначают возможные варианты. Так, знак [A] показывает три возможные реализации фонемы: [a], [ɑ], [æ], знак [E] – [ɛ] или [e] и т.п. При этом отмечают, как это делается в отношении лексики, частотность варианта, его стилистический уровень (*fam.*, *pop.*, *soutenu*, *vieilli*), географический вариант (*région*). Такой подход свидетельствует о стремлении учитывать разнообразие нормы.

§ 4.5 Проблема [ə] muet

Звук [ə] представляет собой своеобразное явление во французском языке, ни его практическая реализация, ни его теоретическое осмысление не получили окончательного решения. Этот звук является единственным безударным гласным французского языка, но его роль во французской речи огромна. Стилистические дифференциации фонетического характера в значительной мере основываются на звуке [ə], с ним связаны многие преобразования в системе согласных, в сочетаемости согласных, в структуре слога, важные явления в ритмомелодике французской фразы. И даже выразительность французской поэзии, возникновение некоторых новых тенденций в ней обусловлены функционированием звука [ə]. Ромен Роллан писал, что подобно тому, как во влажном дрожащем воздухе Иль-де-

Франса становятся расплывчатыми очертания предметов, эффект, который был использован художниками-импрессионистами, так и немое *e* смягчает, делает расплывчатыми границы слов. Немое *e* образует атмосферу, в которую погружён французский язык.

В функционировании [ə] следует различать три случая:

1) стабильное [ə] – оно произносится всегда и равно звуку [œ], от которого отличается чередованиями; ср. *crever* – (il) *crève* [ə – œ], и *abreuver* – (il) *abreuve* (сохраняется [œ]);

2) немое [ə], никогда не произносящееся, например, после гласной: *amie, gaiement*;

3) беглое [ə], которое может звучать или исчезать из произношения (факультативно), этот случай наиболее част и сложен, правила опущения [ə] очень прихотливы.

В разговорной речи опущение [ə] приводит к закрытию слога и созданию разнообразных звукосочетаний из двух и трёх согласных, которые вне этого в языке почти не встречаются: *samedi* [samdi] *суббота*, *il passera* [ilpasra] *всё пройдёт*; *tristement* [tristmã] *печально* и т.п. Вследствие этого происходят различные ассимиляции: произношение фраз *c'est acheté* (*это куплено*) и *c'est à jeter* (*это нужно выбросить*) совпадает [setafte], происходит удвоение согласных: *extrêmement* [ekstremmã] *весьма, исключительно*.

Выпадение [ə] на конце слова вызывает упрощение групп согласных: *mettre* [met] *положить*, *sarable* [karab] *способный*; такое произношение, свойственное небрежной разговорной речи, приводит к тому, что исчезают, как отмечает Орельян Соважо (Aurélien Sauvageot; 1897-1988, см. фото), инфинитивы на *-re*: *battre* *избить* произносится [bat] и т.п., возникают новые морфологические чередования: *il ouvre* [iluv] *он открывает* – *nous ouvrons* *мы открываем* [nuzuvrõ], как *il rend* *он*

возвращается – nous rendons мы возвращаемся⁶⁰.

Если несколько [ə] следуют друг за другом, то могут опускаться разные звуки, образуются варианты, которые, как и всякие варианты, получают стилистическую характеристику. В целом, чем выше стилистический уровень речи, тем больше сохраняется [ə]. Альбер Доза (Albert Dauzat; 1877-1955)⁶¹ указывал, что во фразе *je te le dis* [ʒə-tə-lə-'di] я тебе (это) говорю полное произношение может выражать аффект (например, говорящий начинает сердиться), а из вариантов этой фразы *je t(e) le dis* [ʒət-lə-'di], *j(e) te l(e) dis* [ʒtəl-'di], *j(e) t(e) le dis* [ʒtlə-'di] последний является более просторечным (в нём образуется более сложная группа согласных: [ʒtl]).

Фразе *je me le demande* [ʒə-mə-lə-də-'mɑ̃d] южане произнесут *je m(e) le d(e)mande* [ʒə-mlə-'dmɑ̃d], а северяне – *j(e) me l(e) demande* [ʒmɛl-də-'mɑ̃d]. Последний – наиболее рекомендуемый вариант.

Выпадение [ə] образует в глагольных группах устойчивые сочетания показателей субъектно-объектных отношений и отрицания. Например: [ʒtəl] значит я тебе его, [ʒvul] я вам это, [ʒən-'təl] я тебе этого не и т.п. Чтобы научиться бегло говорить по-французски, нужно запоминать такие комплексы, подключая к ним соответствующие глаголы: [ʒtəl] – *dis* (*demande, promets, permets, etc.*); [ʒən-'təl] – *dis* (*demande, promets*) *pas, etc.*

Андре Мартине назвал [ə] «смазочным маслом» французской речи, оно устраняет неудобопроизносимые группы согласных и слышится даже там, где в орфографии его нет: *un ours(e) blanc, un film(e) français*. Исчезая, [ə] оказывает влияние на последнюю согласную, она или оглушается (как в *être*), или произносится более напряжённо. Некоторые авторы отмечают, что *sare* звучит не совсем так, как *sar*; *poré* не так, как *port*.

⁶⁰ *Sauvageot Au. Portrait du vocabulaire français / A. Sauvageot. – Paris: Librairie Larousse, 1978, p. 185; Sauvageot A. Français d’hier ou français de demain / A. Sauvageot. – Paris: Librairie Larousse, 1978, pp. 123-124.*

⁶¹ *Dauzat A. Les argots, caractères, évolutions, influences / A. Dauzat. – Paris, 1929, p. 110.*

§ 4.6 Чередование [ə] беглого с нулём звука⁶²

Подобно liaison, традиционное чередование так называемо: беглого [ə] с нулём гласного характерно для потока речи и происходит в определённых фонетических условиях. Сравните, например: *une lettre écrite* [yn-'letr-e'krit] – *une lettre perdue* [yn-'letrə-pɛr-'dy]. Во французской лингвистической литературе используются термины *e caduc* ‘выпадающее’, *e muet* ‘немое’, *e instable* ‘беглое, неустойчивое’.

Чередование [ə] беглого с нулём, так же, как и liaison, тесно связано с речевым стилем, условиями общения и зависит от степени культуры говорящего. Чаще всего [ə] выпадает в быстрой небрежной речи; напротив, при декламации стихов этот гласный сохраняется даже там, где он не звучит при чтении прозы. От сохранения [ə] беглого во французских стихах зависит стихотворный размер.

Факторы, определяющие пропуск или сохранение [ə], очень противоречивы, а взаимодействие их сложно; поэтому ниже приводят лишь те основные правила, которыми следует руководствоваться в чёткой медленной речи при полном типе произнесения. Как уже упоминалось, по традиции пропуск [ə] может быть обязателен, запрещён и возможен (факультативен).

1. Обязательные случаи выпадения [ə] беглого⁶³.

1) Перед любым последующим гласным внутри слова или на стыке слов⁶⁴: *contre-amiral* [kɔ̃-tra-mi-'ral], *quatre années* [ka-tra-'ne], *une ombre épaisse* [y-'nɔ̃:-bre-'pɛs].

2) После гласного в середине и в конце слова: *dévouement* [de-vu-'mɑ̃], *une femme inconnue* [yn-'fam-ẽ:kɔ̃-'ny]. Буква *e* в соответствии с этим правилом никогда не читается в формах *futur simple* и *conditionnel présent* глаголов I спряжения с основой на

⁶² Нуль звука – отсутствие звука, являющееся показателем грамматического значения или регулярно сопровождающее образование тех или иных форм.

⁶³ В речи французов и в звукозаписях можно услышать и другие случаи пропуска звука [ə], не предусмотренные этими правилами.

⁶⁴ На границе синтагмы перед гласным [ə] может сохраняться: *Le théâtre* [te-'ɑ:-trɛ] | *a ouvert ses portes* | *après la rentrée*.

гласный: *j'étudierai* [ʒe-ty-di-'re], *tu étudieras* [ty-e-ty-di-'ra]..., *nous nierions* [nu-ni-'rjɔ̃], *vous nieriez* [vu-ni-'rje]...

3) В абсолютном конце слова после одного согласного: *la petit(e) vill(e), un(e) mauvais(e) prononciation*.

2. Обязательные случаи сохранения [ə] беглого.

1) Перед **h** придыхательным: *le hameau* [lɑ-a-'mo], *une haie vive* [ynə-ɛ-'vi:v], *s'entre-haïr* [sɑ:-trə-a-'i:r].

2) Внутри слова перед сочетаниями согласных [rj, lj, nj]: *nous chanterions* [nu-ʃɑ:-tə-'rjɔ̃], *vous demanderiez* [vu-də-mɑ̃:-də-'rje], *l'atelier* [la-tə-'lje], *le denier* [lə-də-'nje] и т.д.

3) В первом слоге синтагмы после смычных согласных: *Debout!* [də-'bu], *Que dites-vous?* [ʔkə-dit-'vu], *Ne pas fumer!* [i'nə-pa-fy-'me].

4) После двух согласных перед третьим (в потоке речи), в так называемой группе трёх согласных по М. Грамону.

а) Если второй согласный группы [r] или [l], то [ə] сохраняется всегда внутри синтагмы (в отдельном слове в ритмической группе, на стыке ритмических групп): C + [r, l] + ə + C – *simplement* [sɛ-plə-'mɑ̃], *couvre-feu* [ku-vrə-'fø], *une boucle d'oreille* [yn-bu-klə-do-'rɛj], *perdre deux francs* [pɛr-drə-dø-'frɑ̃k].

б) Если второй согласный группы не сонант [r] или [l], то [ə] сохраняется внутри слова: *gouvernement* [gu-ver-nə-'mɑ̃], *appartement* [a-par-tə-'mɑ̃]. На конце, слова после двух согласных [ə] может выпадать: *le charme féminin* [le-ʃarm-fe-mi-'nɛ̃].

в) Гласный [ə] произносится также в односложных служебных словах после слова, оканчивающегося на согласный: *un sac de cuir* [ɑ̃:-sak-də-'kɥi:r], *le chef de rayon* [lə-ʃɛf-də-rɛ-'jɔ̃].

В других группах трёх согласных беглое [ə] может пропускаться.

3. Факультативное произношение [ə] беглого. Этот гласный может не произноситься:

1) На стыке слов в группе трёх согласных, если словесная граница проходит после [ə] беглого (CCə | C): *une vaste forêt* [yn-vast-fə-'rɛ], *un geste naturel* [ɑ̃-'ʒɛst-na-ty-'rɛl | ɑ̃-'ʒɛstə-na-ty-'rɛl], *poste restante* [pɔst-rɛs-'tɑ:t | pɔstə-rɛs-'tɑ:t] и т.д.

В конце первого элемента сложного слова [ə] беглое, как правило, выпадает: *le porte-bagages* [lə-pɔrt-ba-'ga:ʒ], *la garde-malade* [la-gard-ma-'lad] и т.п.

2) Между двумя согласными в окружении гласных – VC + ə + VC:

а) внутри слова, как правило, гласный [ə] выпадает, но может сохраняться в отчётливом произношении: *maint(e)nant*, *la f(e)nêtre* (ср.: *une fenêtre* [yn-fə-'nɛ-trə]), *la pot(e)rie*, *le ch(e)min*, *app(e)ler*, *mad(e)moiselle*. Русские, говорящие медленно, должны сохранять [ə] в таких случаях, так как формы без беглого гласного *la cheminée* [la-ʃmi-'ne], *monsieur* [msjø] противоречат общему стилю произношения и производят неприятное впечатление. В отдельных словах выпадение [ə] настолько закреплено традицией, что произношение этих слов без беглого гласного стало единственно возможным: *Diderot* [di-'dro], *Baudelaire* [bo:'dlɛ:r], *Madeleine* [ma-'dlɛn], *boulevard* [bul-'va:r], *samedi* [sam-'di] и некоторые другие.

б) в той же позиции в односложных служебных словах (*de*, *ne*, *me* и т.д.) [ə] чаще сохраняется в тщательном стиле: *donner l(e) conseil*, *vous n(e) partirez pas*, *au-dessus d(e) nous* и т.д.

3) В первом слоге синтагмы после щелевого согласного [ə] может выпадать в быстрой речи: *C(e) n'est pas ça*. *J(e) n'ai pas vu*. *J(e) vous en prie*. Однако начинающим не следует подражать такому произношению.

4. Перед паузой на конце синтагмы после групп согласных, в которых последним является сонант [r] или [l], гласный [ə] сохраняется в тщательном произношении. Выпадение [ə] в этом положении характерно для быстрой речи: в таком случае звуковой облик конца слова может служить образцом неполного произнесения: сонант оглушается, а сочетание согласных звучит очень неотчётливо. Например: *C'est du théâtre* [te-'ɑ:tʁ], *un cœur simple* ['sɛ:p̃l], *le vent souffle* [suf̃l].

Часто при пропуске [ə] русские вставляют перед сонантом паразитический гласный похожий на [ы], что на французов производит впечатление сильного и неприятного иностранного акцента: [te-'ɑ:-тыг | 'sɛ:пыл]. Сохранение же слабого [ə] всегда соответствует норме.

5. В рядах слогов с беглым [ə] в потоке речи. Такие цепочки почти целиком состоят из односложных служебных слов, например: *Est-ce que je te reverrai demain?*

В определённых сочетаниях служебных слов – так назы-

ваемых устойчивых группах (*groupes figés*) – существует единственно возможный способ пропуска [ə]. Ниже перечислены наиболее распространённые из этих групп:

je n(e) [zən] – Je n(e) sais pas; je n(e) dis pas non.

je m(e) [zəm] – Je m(e) rappelle cette histoire.

j(e) te [ztə]⁶⁵ – Tu sais bien pourquoi j(e) te dis ça.

je l(e) [zəl] – Enfin je l(e) vois.

c(e) que [skə] – Prenez tout c(e) que vous voulez.

de n(e) [dən] – Il m'a promis de n(e) pas pleurer.

que j(e) [kəz] – Il faut que j(e) parte.

ne l(e) [nəl] – Vous ne l(e) verrez plus.

Эти сочетания должны произноситься как единое целое; особенно режет слух неправильное произношение сочетания *je n(e)* [zən] и *je ne sais pas*, где первый слог должен звучать, как прилагательное *jeune* [zœn].

Если в речи встречается подряд несколько устойчивых групп, то правила пропуска [ə] в соседних парах слогов часто вступают в противоречие, например:

Il savais que je ne le demanderais pas.
[kəz] [zən] [nəl]

В таких цепочках произношение беглых гласных во всех слогах всегда будет воспринято как правильное, в то время как неуместный пропуск [ə] производит неприятное впечатление на французов.

Нетрудно заметить, что число случаев обязательного пропуска [ə] очень ограничено. Что касается факультативного чередования [ə] с нулём гласного, то оно, как правило, встречается в тех речевых стилях, которые мало доступны начинающим. Поэтому на первых порах лучше произносить максимальное количество [ə]. Сохранение этого гласного при тщательном произношении всегда допустимо во французском языке, тогда как неправильный пропуск [ə] создаёт неуместную окраску речи.

⁶⁵ В этом сочетании не следует подражать небрежному французскому произношению и заменять звонкое [z] глухим [ʃ]: [ztə-'vwa], а не [ʃtə-'vwa].

§ 4.7 Беглое [ə] в поэзии

Особую роль играет беглое [ə] в поэзии. Классическая версификация принимает его во внимание при счёте слогов (в XVII веке оно звучало во всех позициях), современное нормальное произношение во многих случаях его не допускает. Противоречие решается так, что слог, предшествующий беглому [ə], удлиняется, вследствие чего сохраняется долгота стиха.

В известном стихе Жана-Батиста Расина «*Ariane, ma sœur*» считается шесть слогов (это полустипише гекзаметра), но, как отмечает Андре Мартине, прочитать его, как это читалось во времена Расина [a-ri-a:-nə-ma-sœ: r], сейчас невозможно. Но не подходит и реальное современное произношение из четырёх слогов [a-rjan-ma-sœŕ], приходится удлинять слог так, чтобы два слога по длительности равнялись четырём [a-rja:n-ma-sœ:r]. Таким образом, из-за выпадения [ə] меняется принцип французского стихосложения: он основывается на учёте коротких и длинных слогов. Меняется и система рифмовки. Вместо различия мужских рифм и женских, оканчивавшихся на [ə] (ср. *port – mort* и *rose – maure*), более важным оказывается различие рифм, оканчивающихся на гласный или на согласный⁶⁶. Немое [ə] создаёт во французской поэзии расплывчатость контура стиха, возможность его прочитать по-разному.

Возьмём знаменитое стихотворение Поля Мари Верлена (Paul Marie Verlaine; 1844-1896) «*L'art poétique*»:

De la musique avant toute chose
Et pour cela préfère l'Impair
Plus vague et plus soluble dans l'air
Sans rien en lui qui pèse ou qui pose.

Первые две строки хочется прочитать как восьмисложник. Русские поэты переводили это стихотворение именно восьмисложником (Валерий Брюсов, Борис Пастернак), либо десятисложником. А между тем это девятисложник, своеобразный размер, имеющий во французской версификации плохую славу. Его считают неровным (*boiteux*), некрасивым.

⁶⁶ *Gourmont R. de. Le Problème du style / Remy de Gourmont / R. de Gourmont. – Paris: Mercvr de France, 1907, pp. 180-182.*

Поэт Мари-Жозеф Шенье (Marie-Joseph Blaise de Chénier; 1764-1811), сторонник классической версификации, писал, что девятисложник – это не что иное, как прозаические строки, обременённые рифмами. Поль Верлен, словно умышленно бросаая вызов классическим канонам, избирает этот неровный стих для прославления музыкальности в поэзии⁶⁷. Он даже подчёркивает: Et pour cela préfère l'Impair *A* для этого предпочти нечётное. Но благодаря *e muet* (toute, préfère) первые два стиха как бы колеблются между девятисложником и восьмисложником, и только в третьей строке, где *e muet* опустить нельзя (soluble), девятисложный размер приобретает отчётливость.

Реми де Гурмон (Remy de Gourmont; 1858-1915) говорит, что, поскольку *e* в *toute* произнести нельзя, приходится либо удлинить *toute*, либо *chose*. Ритм стиха приобретает благодаря *e muet* неопределённость, зыбкость. И в дальнейших строфах стихотворения Поль Верлен использует эту зыбкость:

C'est des beaux yeux derrière(e) le voile
C'est le grand jour tremblant de midi
C'est par un ciel d'automne attiédi
Le bleu fouillis de clair(e)s étoiles!

*Это прекрасные глаза позади вуали!
Это дрожащий яркий полуденный свет
Это смягчённая осенним небом
Голубая россыпь ясных звёзд.*

Чувствуется дрожание самого стиха, впечатление, аналогичное тому, что производит свет на картинах импрессионистов. Пример с *e muet* показывает, как тесно форма литературного произведения может быть связана с устройством языка.

Во французских стихах, написанных так называемыми правильными размерами, то есть такими, в которых стихотворные строки состоят из заданного числа слогов (александрийский, или двенадцатисложник; девятисложник, восьмисложник и т.д.), [э] учитывается при счёте слогов. Не входит в счёт сло-

⁶⁷ Это первый девятисложник в поэзии Поля Верлена. Впоследствии поэт не раз прибегал к этому размеру; характерно, что его самопародия «A la manière de Paul Verlaine» написана девятисложником: C'est à cause du clair de la lune...

гов гласный [ə] на конце стиха (даже если он произносится), а также нечитаемые **e** перед гласным и после гласного внутри стиха.

Heureux qui comm^e Ulyss^e a fait un beau voyag^e! (*Du Bellay*)

Внутри стиха [ə] беглое произносится перед следующим согласным или **h** придыхательным: пропуск [ə] в этом положении искажает размер стиха. В приводимых ниже строчках из элегии Андре Шенье выделены все [ə], которые необходимы для сохранения двенадцати сложного размера:

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

Par ses ord^es bien^tôt les belles Néréides

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

L'élèvent au-dessus des demeures humides.

Произношение [ə] влечёт за собой и появление факультативных и очень редких liaisons, которые не употребляются в прозе, так как без них [ə] беглое должно было бы выпасть перед последующим гласным: [le-'le:-və-to-də-sy-de-də-'mœ:-rə-zy-'mid].

При чтении классических стихов следует обращать особое внимание на [ə] в 3-м лице множественного числа глаголов и во множественном числе существительных.

§ 4.8 Слово во французском речевом потоке. Ритмические группы, сцепление и связывание

Во всяком языке слово в предложении может объединяться фонетически с другими словами, особенно с зависимыми от него. Например, в русском языке предлог объединяется с существительным в одно фонетическое слово и даже иногда перетягивает на себя ударение (*Я из лесу вышел...*).

Во французском языке фонетическое объединение приводит нередко к тому, что слово утрачивает свою самостоятельность, образуя с другими грамматически связанными с ним словами единое фонетическое слово – *ритмическую группу* – с единым ударением в конце этой группы. Так, les beaux enfants произносится как одно слово: [lebozãfã]. Внутри такой группы

голос следует без перерыва, как внутри одного слова. При этом могут образовываться сочетания звуков, которые невозможны внутри слова: *il va à Paris* [a – a]; *il vie en fleur* [i – â], ср. *viande* [vjäd], а не [viäd].

Слитность произношения проявляется также в том, что конечная согласная слова образует слог с начальной согласной последующего слова и, таким образом, происходит перегруппировка слогов, то есть вместо [ɛl-a-'mal-a-la-'tɛ:t] мы имеем [ɛ-la-'ma- la-la-'tɛ:t]. Это явление называется **сцеплением**. В потоке речи обычно сцепляются и гласные на стыке слов: *C'est Anne* [sɛ-'an] *Это Анна*. Струя воздуха и работа голосовых связок не прерываются при переходе с гласного [ɛ] на гласный [a].

Другое явление, характерное для французского языка называется **связыванием** (*liaison*), под которым понимается произношение непроносимой конечной согласной в положении перед гласной последующего слова: *Elle est à Naples* [ɛ-lɛ-ta-'naplɛ] *Она в Неаполе*. В потоке речи конечная согласная, не проносимая в отдельном слове, произносится перед гласной следующего слова (см. **x** в приведённом выше примере). В этом предложении перед предлогом *à* возникает согласный **t** и образует с последующим гласным слог [ta]. В конце слов во французском языке, как правило, не произносятся согласные буквы **t, s, x, z, p, d, g, n**.

Правила *liaison* почти так же сложны, как правила опущения **e muet**. В одних случаях связывание обязательно, в других – недопустимо, в третьих – зависит от стилистического уровня речи: в официальной или поэтической речи оно встречается чаще, чем в разговорной. В связи с этим различают случаи обязательного связывания (*liaison obligatoire*), запрещённого связывания (*liaison interdite*) и факультативного связывания (*liaison facultative*)⁶⁸.

1. Связывание обязательно:

⁶⁸ Более подробно рассмотрение материала, касающегося связывания, см.: *Гордина М.В.* Фонетика французского языка: учебник для вузов / М.В. Гордина. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – С. 168-186; *Рапанович А.Н.* Фонетика французского языка. Курс нормативной фонетики и дикции / А.Н. Рапанович. – 2-е изд., доп. – М.: Высшая школа, 1973. – С. 87-94.

1. Между артиклем и следующим за ним словом: les élèves [le-ze-'lɛ:v].

2. Между притяжательным или указательным прилагательным и следующим за ними словом: mes amis [me-za-'mi]; cet élève [sɛ-te-'lɛ:v]; ces heureuses rencontres [se-zœ-'rø:z | rã:-'kɔ:tr].

3. Между определением, выраженным прилагательным или числительным, и существительным: un grand ami [œ-grã-ta-'mi]; mes deux amis [me-dø-za-'mi]; mes vieux amis [me-vjø-za-'mi].

4. Между местоимением-подлежащим и глаголом или между глаголом и местоимениями-наречиями **en** и **y**: vous êtes [vu-'zɛt] – parlez-en [par-le-'zã]; ils aiment [il-'zɛ:m] – je les aime [jɛ-le-'zɛ:m]; ils habitent [il-za-'bit] – allez-y [a-le-'zi].

5. Между глаголом и местоимением-подлежащим при инверсии: Parlent-ils? [par-lə-'til]. Fait-elle? [fɛ-tɛl].

6. Между вспомогательным глаголом 3-го лица единственного и множественного числа и причастием прошедшего времени: il est allé [i-lɛ-ta-'le]; ils sont allés [il-sɔ̃-ta-'le].

7. Между глаголом-связкой в 3-м лице единственного и множественного числа и именной частью сказуемого: il est étudiant [i-lɛ-te-ty-djã]; ils sont heureux [il-sɔ̃-tœ-'rø].

8. Между предлогами **dans**, **en**, **chez**, **sous**, **sans**, **dès** и следующим за ними словом: en été [ã-ne-'te]; dans une rue [dã-zyn-'ry]; chez elle ['ʃe-zɛl].

9. Между наречиями **tres**, **bien**, **plus**, **trop** и следующим за ними словом: très occupé [trɛ-zɔ-ky-'pe]; plus attentivement [ply-za-tã:-ti-vmã].

10. В устойчивых словосочетаниях: de temps en temps [də-tã-zã-tã].

2. Связывание запрещается:

1. Между подлежащим, выраженным именем существительным, и сказуемым: les élèves écrivent [le-ze-'lɛ:-ve-'kri:v].

2. Между местоимением-подлежащим и причастием прошедшего времени в сложных временах при инверсии: Etes-vous allés? [ɛt-vu-a-'le]. Ont-elles habité? [ɔ̃-tɛ-la-bi-'te].

3. Со словами, начинающимися с **h** придыхательного: les héros [le-e-'ro].

4. Перед числительным, начинающимся с гласного или с **h** немого: *les huit jours* [le-ʁi-zu:r]; *les onze livres* [le-ɔ̃ːz-'li:vʁ]; *cent un* [sɑ̃-'œ̃].

5. После непронизносимого согласного, который следует за **r**: *vers elle* [vɛ-'rɛl].

6. После союза **et**: *lui et elle* [lɥi-e-'ɛl].

7. Между именем существительным и следующим за ним определением: *ces jeunes filles heureuses* [se-zœ̃n-'fi | jœ̃-'røːz].

3. Факультативные связывания (*liaisons facultatives*).

Факультативные связывания появляются при тщательном чтении или в ораторском стиле и очень редко употребляются в разговорной речи. Подобные необязательные *liaisons* делаются по преимуществу между ритмическими группами. К ним относятся:

1) Употребление слитной формы от существительных во множественном числе перед последующими определениями: *des hommes énergiques* [de-'zɔ̃m-ze-nɛʁ-'zik] и [de-'zɔ̃m-e-nɛʁ-'zik]; *des bateaux à vapeur* [de-ba-'to-za-va-'pœːr] или [de-ba-'to-a-va-'pœːr]. В этих случаях согласный [z] слитной формы служит дополнительным признаком множественного числа.

2) Связывание глагола в личной или неличной форме с последующим дополнением: *elle prend un taxi* [ɛl-'prɑ̃-tœ̃-tak-'si] и [ɛl-'prɑ̃-œ̃-tak-'si]; *en allant à Paris* [ɑ̃-na-'lɑ̃-ta-pa-'ri] и [ɑ̃-na-'lɑ̃-a-pa-'ri].

Слитная форма от союза *mais*: *mais il est permis* [mɛ-zil-ɛ-ʁɛʁ-'mi] и [mɛ-il-ɛ-ʁɛʁ-'mi].

Кроме того связывание (*liaison*) создаёт целый ряд проблем во французской грамматике. Оно размывает границы слов; в приведённом выше примере [le-bo-zɑ̃-fɑ̃] слог [zɑ̃] объединяет конец одного слова и начало другого. Это составляет наибольшую трудность при восприятии французской речи на слух. Связывание также осложняет способы выражений грамматических категорий, например, устраняются чёткие различия рода: форма [pɛtit] может обозначать и мужской и женский род: *un petit enfant*, в других случаях создаётся дополнительная форма для мужского рода: [bo] и [boz].

Благодаря *liaison* во французской морфологии образуются *потенциальные* морфемы числа и лица, которые обычно отсут-

ствуют, но вдруг обнаруживаются в контексте. Например: un jeu [œ̃zø], des jeux [dezø], но les Jeux Olympiques [le-zø-zø-lẽ-pik], возникает показатель множественного числа [z], природа которого ставит сложную теоретическую проблему.

§ 4.9 Liaison в поэзии

При чтении стихов, написанных размерами, в которых каждая строка содержит заданное число слогов (александрийский стих, или двенадцатисложник, десятисложник, восьмисложник и т.д.), сохраняются особенности архаического произношения, которые уже давно исчезли в обычной речи.

По традиции при декламации в таких стихах делается максимальное количество связываний: не только все обязательные liaisons, но и почти все факультативные, которые часто пропускаются в чтении и обычной речи, например⁶⁹:

C'est vous qui me disiez qu'il faut_aimer_ainsi...
 Oui, l'on vit_autrement, mais c'est_ainsi qu'on aime.
 (A. de Musset)

Кроме того, связывание в стихах может появляться и тогда, когда в прозе оно запрещено:

Que le soleil est beau quand tout frais_il se leve.
 (Ch. Baudelaire)
 Ils vont vite et seront dans_un moment_à nous.
 (La Fontaine)
 Un obus_éclatant sur le front de l'armée.
 (G. Apollinaire)

В ряде случаев факультативные или даже запрещённые связывания оказываются совершенно необходимыми для соблюдения ритма:

1 2 3 4 5 6 7 8
 Parmi les ombres_incertaines
 [par-mi-le-'zõ:-brə-zẽ-ser-'tɛn]
 (Qui me rappellent nos amours.)

⁶⁹ В этих примерах все случаи связывания (обязательные, факультативные, а также запрещённые в прозе, но появляющиеся в стихах) обозначены знаком _.

(F. Carco)

В этих случаях появление согласного [z] в *liaison* позволяет произнести слог с беглым [ə], то есть сохранить размер стиха.

Для иностранца трудности при употреблении *liaison* в чтении и в устной речи далеко не одинаковы. Чтобы увидеть в тексте нужные связывания и не сделать запрещённых, необходимо прежде всего найти границы ритмических групп и синтагм в каждом предложении, так как фонетическое связывание в потоке речи зависит от грамматических и смысловых связей между словами.

В чтении вслух, особенно в художественной прозе, соблюдаются не только обязательные связывания, но и делаются многие факультативные. Это создаёт особый стиль чтения.

В спонтанной речи, напротив, нужно ограничиться только обязательными связываниями и иногда даже можно опустить те из них, относительно которых были сделаны оговорки, например: *Tu les a(s) acheté*. Таким образом, по-французски говорят не так как читают, а прозу читают иначе, чем стихи.

Если для правильного употребления *liaison* в чтении нельзя обойтись без ритмико-синтаксического анализа, в разговорной речи полезнее уметь пользоваться хранящимися в памяти готовыми моделями и клише: *elles étudient, un grand homme, tout à coup, comment allez-vous?* и т.д.

§ 4.10 Специфика омонимии в современном французском языке

Фонетическое слияние слов в речевом потоке, связывание, выпадение [ə] делают неустойчивой, изменчивой внешнюю фонетическую форму слова, которое утрачивает фонетическую автономность. Это явление имеет, как отмечали французские лингвисты, и отрицательные последствия: образуются многочисленные речевые омонимы. Во французском языке широко представлены различные виды **омонимии**: лексическая, грамматическая, речевая.

Лексическая омонимия образуется вследствие фонетического упрощения слов и относительной простоты слоговой

структуры слова. Особенно это относится к исконным словам. Немногочисленность согласных и тенденция к открытости слога (в исконных словах) ограничивали возможности фонетических вариаций и приводили к совпадению в звучании первоначально различавшихся слов. Например: *лат. versus* > *vers*; *лат. versum* > *vers*; *лат. varium* > *vair*; *лат. vitrum* > *verre*; *лат. vermis* > *ver*; *лат. viridem* > *vert*; всюду – [vɛ:r].

Возьмём первую букву алфавита **б** и соединим её с гласными русского языка: *ба, бе (бэ), би, бо, бу*. Мы не видим здесь ни одного знаменательного слова; только междометие (*ба!*) и название буквы (*бэ*). Во французском языке аналогичные словосочетания могут образовать «настоящие» знаменательные слова и даже по несколько омонимов: *bah!* *междометие ба!*, *bas низкий*, *bât вьюк*, (il) *bat (он) бьёт*; *baie залив, бухта*, *bai гнедой*; *beau красивый*, *bau мор. бимс*, *baux (мн.ч. от bail аренда)*, (piéd) *bot косолапость*; *bout наконечник*, *boue грязь*, (il) *bout кипит*.

Грамматическая омонимия состоит в одинаковом звучании разных грамматических форм: *parler говорить*, *parlez говорите!* (*вы говорите*, *parlé разговорный*), (je) *parlai (я) говорил*.

Речевая омонимия может иметь место вследствие слияния слов в речевом потоке. Речевые омонимы очень характерны для французского языка. Например: *il est ouvert он открыт* и *il est tout vert он весь зелёный*; *une femme qu'il aime женщина, которую он любит* и *une femme qui l'aime женщина, которая любит его*.

Различно могут восприниматься следующие фонетические комплексы:

[ki-la] – qu'il a dit что он сказал; qui la voit? кто её видит?;

[sã]: sans без, с'en это, s'en об этом;

[ki]: qui vois-tu? кого ты видишь?; qu'y vois-tu? что ты здесь видишь?;

[sɛ]: c'est, s'est, ces, ses;

[ta]: ta, t'a и т.п.

Очень часто значение звукового комплекса выясняется только из его окружения, например [pɛrsevɛr] в un père sévère и (il) persévère. Один и тот же комплекс (мы отвлекаемся от тембров гласных) [ɛmɛtrɔpɔl] будет понят по-разному в зависимо-

сти от предшествующего слова: (La France) est métropole *Франция является метрополией*; (Virginie) aimait trop Paul (*Виржиния*) *слишком любила Поля*; (L'ours) est maître au pôle *Медведь – хозяин на полюсе*.

Таким образом, если в других языках значение целого складывается из значения частей, то во французской устной речи, наоборот, нередко значение части выводится из содержания целого. Поэтому восприятие французской устной речи, несмотря на всю отчётливость произношения, подчас вызывает затруднение. Как это ни кажется парадоксальным, но по-французски легче говорить, чем понимать аутентичную речь.

Трудность понимания французской речи усугубляется быстрым темпом говорения. Известный французский лингвист Марио Пей писал, что по темпу речи французский язык находится на одном из первых мест среди других языков мира, а немецкий драматург Бертольт Брехт говорил, что его пьеса, которая в Берлине идёт четыре часа, в Париже проходит за два, потому что французы говорят быстрее.

Вследствие омонимии (особенно речевой) часто образуются двусмысленности, нередко даже у хороших поэтов отмечают двусмысленные строки. Во французском языке часто спонтанно возникает игра слов и каламбуры, которые нередко используются в литературно-художественных целях и даже в политической борьбе. В своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Карл Маркс пишет, что, когда только что пришедший к власти Луи Бонапарт конфисковал орлеанские имения – имущество своих противников, кто-то сказал: «C'est le premier vol de l'aigle»... (vol – *полёт* и *воровство*)⁷⁰. Когда Талейран, известный своей аморальностью, получил при Наполеоне звание «вице-великого электора», его политический противник Фуше сказал: «Il ne lui manquait que ce *vice-là!*»

Это примеры использования лексической омонимии. Вот пример омонимии речевой: Стендаль сообщает в своей биографии Наполеона, что однажды в конце 1799 года (VII год республиканского календаря) у ворот Люксембургского дворца, где заседали «грязные душонки», составлявшие ненавистную народу

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. Том 8, с. 216.

Директорию, появился плакат с изображением ланцета, латука и крысы. Слова *lancette, laitue, rat* можно было понять как *L'an VII les tuera – Год VII убьёт их*. Пророчество оправдалось: 9 ноября Наполеон разогнал Директорию.

Значительная омонимия во французском языке является одной из причин сохранения сложной орфографии, позволяющей на письме различать слова и формы, совпадающие в произношении.

Литература к модулю

Основная

Виллер М.А. и др. Фонетика французского языка: учебное пособие для вузов / М.А. Виллер, М.В. Гордина, Г.А. Белякова. – Л.: Просвещение, 1977.

Хайдаров Я.Р. Французский без акцента. Начальный курс французского языка: учебное пособие для вузов / Я.Р. Хайдаров. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: КАРО, 2018.

Дополнительная

Богородицкий В.А. Введение в изучение современных романских и германских языков: пособие по сравнительному языкознанию / В.А. Богородицкий; под общ. ред. Н.С. Чемоданова; ред. романской части В.И. Марьясина. – 2-е изд. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 2003. – С. 58-74.

Будагов Р.А. Введение в науку о языке: учебное пособие для вузов / Р.А. Будагов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1965. – С. 157-212.

Гак В.Г. Введение во французскую филологию: учебное пособие для вузов / В.Г. Гак. – М.: Просвещение, 1986. – С. 78-83, 149-159.

Реформатский А.А. Введение в языковедение: учебник для вузов / А.А. Реформатский; под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 157-241.

Модуль 5

Грамматический строй современного французского языка. Особенности морфологии

Специфика грамматического строя складывается из следующих моментов:

- 1) система частей речи в языке;
- 2) система грамматических (морфологических) категорий каждой части речи;
- 3) характерные черты синтаксиса – способов связи слов в предложении;
- 4) общая характеристика грамматического строя; соотношение между синтетизмом и аналитизмом.

В конечном итоге все грамматические процессы сводятся к изменению в сфере форм (означающих) или содержания (оначаемых).

§ 5.1 Специфика аналитизма современного французского языка

Французский язык относится к числу аналитических языков: в нём имеются *сложные* грамматические формы; грамматические категории и отношения выражаются *вне слова*, само слово имеет тенденцию к неизменяемости. В обоих этих аспектах аналитизм французского языка имеет свою специфику.

Аналитические грамматические формы достигли во французском языке большой степени сплочённости, сжатия. При инверсии подлежащего внутри сложной глагольной формы можно включить только служебное местоимение, но не знаменательное подлежащее. По-английски можно сказать: *Has Peter read this book?*, в немецком языке части сложной формы можно разнести по разным концам предложения: *Hat Peter dieses Buch gelesen?*

Во французском это невозможно, единственная приемлемая инверсия в данном случае только со служебным местоимением: *Pierre a-t-il lu ce livre?* В немецком языке вспомогательный

глагол может следовать за причастием: *Als er das gelesen hat... Когда он это прочитал...* Во французском языке это невозможно. В английском и русском языках вспомогательный глагол может употребляться отдельно, как бы заменяя всю глагольную форму: *Has he read this book? – Yes, he has. Будете вы читать эту книгу? – Да, буду.* Во французском языке такие конструкции невозможны: *As-tu lu ce livre? – *Oui, j'ai;* нужно или совсем опустить глагол, или дать его полную форму: *Oui, je l'ai lu.*

Специфические особенности имеет французский язык и в сфере выражения грамматических значений в предложении. Слово само по себе, взятое вне контекста, выражает лишь отвлечённое понятие: *table, parler.* При включении слова в речь и соотнесении его с конкретной обозначаемой действительностью значение его уточняется, ограничивается.

Существительное выражает качественно-количественные характеристики предмета (его определённости или неопределённости, единичность или множественность). Глагол не просто обозначает действие, но указывает, кем и когда это действие совершается, реально оно или только предполагается. Этот перевод слова из абстрактной сферы в конкретную речевую называется **актуализацией**. Средством актуализации обычно являются грамматические морфемы, а также связь данного слова с другими в предложении. Спецификой французского языка является наличие и более широкое употребление, чем в других языках, специальных служебных слов – **актуализаторов**.

Актуализаторами существительного являются артикль (*un, le, du*), детерминативы (*mon, ce, chaque, etc.*), глагола – приглагольные местоимения (*je, tu, il; me, te, le, etc.*). В большинстве случаев имя и глагол входят в предложение в сочетании с этими актуализаторами, которые вместе со знаменательным словом образуют тесное синтаксическое единство, которое Шарль Балли назвал *«синтаксической молекулой»*.

В «синтаксическую молекулу» включаются и предлоги, и прилагательные, стоящие между артиклем и именем. Такая «молекула» представляет собой семантическое, синтаксическое и фонетическое единство: она произносится как одно слово. Например, во фразе *J'ai donné / ce livre / à mon petit frère* три «синтаксических молекулы». Таким образом, часто французское

слово, особенно это касается двух главных частей речи – имени и глагола, входит в предложение не непосредственно, а в окружении неполнозначных слов, образуя определённую синтаксическую группу.

Нередко выражение грамматических категорий (числа и рода у существительного, лица и числа у глагола) переносится со слова в синтаксическую группу. В сочетании *une belle enfant* [yn-bɛ-lâ-'fã] род в устной речи выражается только артиклем; в *d'excellents amis* род и число выражены формой прилагательного [z] в *liaison*. Детерминативы и приглагольные местоимения в разговорной речи упрощаются, нередко сводятся к одному звуку (*le* = [l], *il* = [i] etc.), тесно сливаются со знаменательным словом. Их природа – одна из важных проблем французской грамматики.

Некоторые грамматисты не выделяют их в отдельные части речи, а рассматривают соответственно при имени и глаголе как морфологические показатели. Другие идут ещё дальше, считая, что они представляют собой отделяемые морфемы имени и глагола (Ш. Балли). Таким образом, в глаголе восстанавливается флективное спряжение, но уже с помощью флексии, стоящей перед основой, а не позади неё; ср. *фр. j'aime, tu aimes, il aime* [ʒɛ:m, ty-'ɛ:m, i-'lɛ:m] и *лат. amo, amas, amat*.

Некоторые ученые (А. Мейе, Ж. Вандриес) сопоставляли приглагольные местоимения с субъектно-объектным спряжением индейских, кавказских и других языков: *je te quitte* рассматривалась как одна форма, включающая показатель субъекта и объекта. Однако имеются существенные основания видеть в артиклях и местоимениях не часть слова, а отдельные служебные слова. «Синтаксическая молекула» ещё не превратилась в грамматическую форму, она находится «на полпути» между свободным синтаксическим сочетанием слов и аналитической морфологической формой. Но, несомненно, Шарль Балли прав, говоря, что на базе аналитизма во французском языке возникают элементы нового синтетизма.

Многие отмеченные выше явления отражают более общую тенденцию развития французского языка – **переход от синтетического строя к аналитическому**. Правда, этот переход не промолинеен, и на базе аналитизма возникают новые

объединения синтетического типа. Рассмотрим два основных проявления аналитизма в современном французском языке:

1. Наличие членимых аналитических форм. В этом плане французский язык проявляет высокую степень аналитизма по сравнению с классической латынью.

2. Выражение грамматических значений и отношений вне слова. Эта особенность проявляется в замене падежей предložными оборотами, в стяжении синтаксических групп и установлении твёрдого порядка слов. Категории существительного – род, число – выявляются часто благодаря другим компонентам именной группы – детерминативам и прилагательным, особенно в устной форме, когда не звучат орфографические признаки категорий: **mes amis** (мн.ч.), **mon** nouvel ami (м.р.); лицо глагола устанавливается по связи с подлежащим, в том числе выраженным приглагольным местоимением: je parle – Pierre parle. Таким образом, выявление грамматического значения часто переносится из слова (отдельной словоформы) в синтаксическую группу.

§ 5.2 Письменная и устная формы речи. Понятие языковой нормы

Под современным французским литературным языком понимается язык его образованных носителей, существующий в двух основных формах – *письменной* и *разговорной (устной)*. С делением французского литературного языка на письменную и разговорную формы перекрещивается его деление (недостаточно чёткое и разными исследователями по-разному трактуемое) на так называемые функциональные стили: официально-деловой, публицистический и научный. Все эти подсистемы находят своё сложное и творчески переосмысленное отражение в языке художественной литературы.

Как письменной, так и разговорной речи присущи свои нормы; однако общих норм у них несравненно больше, чем различествующих. **Языковая норма понимается как исторически сложившаяся и социально закреплённая система взаимодействующих правил, обязательных для всех носителей литературного языка.** Отступления от этих правил, во многих

случаях достаточно частые и характерные для малообразованных носителей городской речи, относятся к сфере просторечия.

Исторически сложившаяся нестабильность языковой нормы и принципиальная открытость французского литературного языка, с одной стороны, для всё новых и новых отдельных единиц, образуемых по продуктивным образцам, а с другой стороны – для единиц, устойчиво бытующих в просторечии, в местных диалектах и в сфере узкопрофессиональной речи, приводят к существованию в литературном языке большого количества вариантов, характеризующихся разной степенью сближенности значений и разными стилистическими качествами.

Во всяком языке имеются различия в письменной и устной формах выражения грамматических категорий. Например, падежные формы *книг*^е и *книг*^и, различающиеся на письме, совпадают в произношении. Но во французском языке это расхождение настолько значительно, что в нём приходится различать две морфологические системы для устной и для письменной речи. Фактически, изучая французский язык, мы изучаем два разных в морфологическом отношении языка: устный и письменный. Эти две морфологии различаются, прежде всего, способом выражения грамматических значений.

Существует пять таких способов в зависимости от степени изменяемости слова:

1) **аналитизм**, при котором слово остаётся неизменным, например: *un gros nez – des gros nez*, число выражено не в слове, а в форме неопределённого артикля; остальные способы являются синтетическими;

2) **агглютинация** – присоединение морфемы определённого значения к исходной форме слова; ср. *un petit garçon, des petits garçons; une petite fille, des petites filles*; род выражается прибавлением *e*, число – прибавлением *s*, причём оба значения выражаются раздельно;

3) **флексия** – замена окончания другим, причём разные грамматические значения могут выражаться совместно; ср. *je parle, nous parlons, je parlais, nous parlions*; флексии *e, ons, ais, ions* выражают одновременно лицо, число и время глагола;

4) **внутренняя флексия** – изменение основы слова; примером может являться слово *un cheval – des chevaux* [al] – [o];

5) *супплетивизм* – использование разных основ; ср. *je vais, j'allais, j'irais*.

В морфологии письменной речи или письменного кода большое место занимает приём агглютинации, который является основным выражением рода и числа существительного и прилагательного. Здесь формулируются простые правила, например, женский род образуется от мужского рода путём прибавления *e* (при соответствующих исключениях и орфографических изменениях), множественное число образуется прибавлением *-s* к форме единственного числа; ср. *ami – ami-s, mur – mur-s, grand, grand-e, grand-s, grand-e-s*.

В письменном коде приём агглютинации фактически исчезает, он сохраняется потенциально только в *liaison*: *les bons – [z] – amis*. Происходит поляризация: агглютинация и флексия уступают место либо аналитической неизменяемости слова, либо более глубокому изменению – внутренней флексии, чередованию основы. В парах *ami – amie, ami – amis* слово остаётся фонетически неизменным [ami]. Различие *grand* и *grande* выступает в устной форме как различие *двух форм основ*: усечённой [grã] и полной [grãd]. Основа [grãd] представлена во всех словах данного гнезда: *grandir, grandement, grandiose* и т.п., основа [grã] только в прилагательном мужского рода и словах, образовавшихся от него по конверсии (*un grand*); поэтому форма [grãd] должна быть признана основной, а [grã] – производной, усечённой.

Следовательно, сами правила должны формулироваться в данном случае по-разному для каждого кода: в устной форме языка не женский род образуется от мужского, а мужской от женского и не при помощи прибавления *e*, а путём отбрасывания конечной согласной. Аналогичные перестройки обнаруживаются и в системе глагола: *je rends – ils rendent* различаются в письменном виде флексиями, в устном – формой основ: [rã] – [rãd]. В устной речи грамматических показателей меньше, чем в письменной: *les leçons commencent* [le-ləsõ – kõtãs] – три знака множественного числа на письме и только один [lõ] – в произношении.

В течение десятилетий французские грамматики принимали во внимание только письменную форму. С начала XX века

возрос интерес к изучению живой разговорной речи в её устной форме. В 50-60-х годах появились работы, в которых анализируется только устный код, а письменная форма игнорируется либо трактуется как совокупность орфографических условностей.

Такая крайность не оправдана: орфография представляет собой лингвистическую реальность для всякого, кто пользуется французским языком, тем более что многие орфографические окончания могут звучать при liaison. Поэтому единственно правильный подход – описание французского языка в его обеих формах: письменной и устной.

§ 5.3 Морфологическая нерегулярность

Важной специфической чертой французского языка является его морфологическая нерегулярность, которая заключается в том, что определённая категория у одних слов обозначается, у других – нет.

В русском языке все прилагательные, за редким исключением, изменяются в роде и числе, все глаголы в настоящем времени различают шесть форм лица и числа и т.д. Во французском языке одни прилагательные не различают род (jeune), другие различают его в письменном коде и не различают в устном (joli – jolie), третьи различают оба рода, но по-разному.

Так, в устном коде в различии рода могут участвовать десять разных согласных: [s] bas, basse; [z] heureux, heureuse; [t] petit, petite и т.д., некоторые представлены только в одном слове: [j] gentil, gentille. Глагол parler в устной форме в présent различает три формы: [parl, parlɔ̃, parle], глагол battre – четыре [ba, batɔ̃, bate, bat] и т.п. В устной речи множественное число «держится» только на нескольких десятках слов типа cheval – chevaux, bœuf – bœufs и на [z] при связывании.

Ввиду слабой и нерегулярной морфологической выраженности некоторых грамматических категорий ставится под сомнение их роль в языке и даже само их существование. Грамматисты спорят о том, какова значимость категории рода в современном французском языке, составляют ли императив и сюбжонктив, формы которых в значительной степени совпада-

ют с индикативом, отдельные наклонения.

Выражение числа при помощи изменения основы [ʃəval – ʃəvo] облегчает заимствование иноязычных форм числа, которые так же интерпретируются в сознании говорящих, как чередование в основе: stimulus – stimuli (< лат.), bravo – bravi (< итал.), Lied – Lieder (< нем.), fellah – fellaga (< араб.). Это делает морфологию французского языка ещё более пёстрой.

§ 5.4 Книжная и разговорная речь

В отличие от предыдущей оппозиции, касающейся только формы выражения, эта оппозиция касается стиля речи. Здесь французский язык также проявляет большую специфику: в нём есть грамматические категории, употребляемые только в книжной речи, и другие – используемые преимущественно в разговорной.

Особенно это касается глагольной системы. Сверхсложные формы (j'ai eu fait) используются в разговорной речи, тогда как другие (passé simple, passé antérieur) ограничены книжно-письменной речью. Имперфект и плюсквамперфект субжонктива в разговорной речи почти не употребляются. Поэтому, когда французские лингвисты составляют грамматику разговорного языка, они исключают из него эти формы субжонктива и простое прошедшее, которое неупотребительно даже в книжно-устной речи (например, в лекции).

Остановимся на passé simple. Исследователи отмечают, что это время практически исчезло из живой речи. Школьники не могут его правильно образовать и знакомятся с ним, лишь когда приходят в школу. Р. Кено рассказывал в своей статье (1955), что однажды он написал в шутку: il serva, on trinquit. Потом он услышал, как в кафе ребята 16-18 лет смеялись этой шутке, но когда он стал выяснять, оказалось, что они не смогли найти правильную форму passé simple от глагола servir⁷¹.

Некоторые лингвисты считали, что passé simple умирает, что оно поддерживается только школьным обучением и писателями, ориентирующимися на классический язык, что, быть мо-

⁷¹ Queneau R. Bâtons, chiffres et lettres / R. Queneau. – Paris, 1965, p. 72.

жет, нужно от него вообще отказаться, заменив повсюду сложным прошедшим. Но более внимательное изучение фактов языка показало, что у этого времени есть своё назначение в языке и не только стилистические, но и семантические особенности.

Один видный французский писатель, как предполагают, решил сделать опыт: написать роман не в *passé simple*, как этого требует литературная французская традиция, а в *passé composé*. Но, во-первых, у него это не вполне получилось: в текст всё же «прорвалось» несколько форм *passé simple*. Во-вторых, повествование пришлось вести от первого лица, фразы утратили динамичность, ими можно было описать только какие-то бессвязные поступки и мысли малообразованного человека. И при этом для связности пришлось объединять предложения временными указателями типа: *alors, un moment après, etc.* И так получился роман «Посторонний» А. Камю⁷².

Действительно, различие между *passé composé* и *passé simple* не только в том, что одно время разговорное, другое книжное, историческое. Они по-разному описывают действия. *Passé simple* делает упор на самом событии, очень хорошо передаёт смену событий, историю. *Passé composé* подчёркивает результат действия, его актуальность для ситуации в момент речи. Эта форма менее динамична.

Вот как характеризует обе формы писатель М. Паньоль: «Le passé composé est un temps imprécis, médiocre, bête et mou. «Nous avons été réveillés par la fusillade...» «Nous avons été»... Bon. Et alors? L'histoire est finie avant d'avoir commencé. Tandis que: «Nous fûmes réveillés par la fusillade»... Tu vois! Tu as dressé l'oreille. Tu attends la suite. S'il veut revivre, le Passé se doit d'être simple. C'est la seule façon de le rendre présent»⁷³.

Не случайно поэтому, если *passé simple* проникает на страницы газет, то прежде всего в описания спортивных состязаний, связанных событий, туда, где требуется выразить динамизм. Если всё же по стилистическим условиям это время неже-

⁷² Weinrich H. Tempus. Besprochene und erzählte Welt / H. Weinrich. – Stuttgart, 1964, Kapitel X.

⁷³ Цитата по книге: Wilmet M. Etudes de morphosyntaxe verbale / M. Wilmet. – Paris, 1976, глава 3.

лательно, то для выражения действия, неактуального для момента речи, используется не *passé composé*, а *imparfait*, а для выражения динамизма в связном повествовании – *présent*. Таким образом, *passé composé* и *passé simple* семантически неэквивалентны, и предлагаемые иногда в качестве учебных упражнения по переводу текста из одного времени в другое могут исказить семантику текста.

Книжная и разговорная речь различаются не только стилистически: в первом случае речь идёт об описании, неактуальном для момента речи, во втором – об обсуждении вопросов, актуальных для говорящих. В современной французской литературе используются два способа повествования: в *passé simple* или в *présent* (так называемое *présent historique*).

§ 5.5 Проблема частей речи во французском языке

Слова в языке различаются между собой не только конкретными значениями, но и грамматическими свойствами. **Части речи – самые крупные группировки слов, отличающиеся общими семантическими и грамматическими свойствами.** Они выделяются по совокупности трёх признаков – семантического, морфологического и синтаксического — и характеризуются:

а) общим категориальным значением (например, слова *chien*, *garçon* обозначают существа, объекты; слова *dort*, *vient*, *mange* – действия, процессы);

б) грамматической формой (то есть совокупностью грамматических категорий; например, слова *chien*, *garçon* обладают категорией рода, могут изменяться по числам; слова *dort*, *vient*, *mange* не имеют рода, но обладают значением числа, лица, времени, склонения);

в) синтаксической функцией (слова *chien*, *garçon* могут выступать в функции подлежащего; *dort*, *mange* в качестве сказуемого).

Дополнительным признаком частей речи может быть словообразовательный суффикс, вообще – средства словообразова-

ния. Так, например, слова с *-tion* – существительные, с *-iste* – существительные или прилагательные и т.д.

Различаются знаменательные и служебные части речи. Особенностью французского языка является наличие двух специфических частей речи: *детерминативов* (с артиклем) и *приглагольных местоимений*. Такой разветвлённой системы детерминативов – служебных местоимённых форм (*mon, ce, quel, chaque*, etc.) нет даже в родственных французскому языках. Их роль в грамматическом строе французского языка очень важна.

Части речи во французском языке те же, что и в русском:

1) существительное,	7) детерминатив,
2) прилагательное,	8) артикль,
3) глагол,	9) частица,
4) наречие,	10) слово-фраза (<i>oui, non</i> , etc.)
5) местоимение,	
6) числительное,	

В системе **существительного** исчезла *категория падежа*. *Категория рода* стала менее дифференцированной. (два рода вместо трёх), утратила рельефные морфологические способы выражения. *Категория числа* сохранилась, но морфологически стала менее чётко выраженной. В современной устной речи число часто не выражается в самом слове: ср. *leur(s), fille(s)*. Появилась *категория детерминации* (артикль).

В системе **прилагательных** род, число и падеж следовали развитию этих категорий в имени существительном. Степень сравнения стала выражаться аналитически (последнее относится и к наречиям).

В системе **местоимений** развились двоякие формы: самостоятельные и служебные. Склонение местоимений исчезло и сохранилось пережиточно в противопоставлении форм: *je – me; il – le – lui*.

В системе **глагола** произошли небольшие изменения. Добавилось новое наклонение *conditionnel* (которое некоторые лингвисты относят к индикативу). В индикативе вместо шести временных форм, выражавшихся синтетически, образовалось восемь, из которых только три выделенных восходят непосредственно к латинским формам. Из восьми форм – четыре аналитические. Обилие темпоральных форм позволяет выражать раз-

личные временные и видовые оттенки. В системе залогов образовалась аналитическая местоимённая форма и аналитический пассив. Исчезли некоторые неличные формы глагола. Категория лица и числа стала обозначаться менее рельефно в самом глаголе и выражается главным образом связью с местоимением (*je parle, il parle, ils parlent*).

Ввиду аналитизма и отсутствия чётких морфологических признаков слова разных частей речи нередко омонимичны, и переход слова из одной части речи в другую (транспозиция) осуществляется относительно легко. Одно и то же слово может выступать в функции разных частей речи: *une ferme, il ferme la porte, la terre ferme, tenir ferme; un probleme très dur, travailler dur, c'est un dur*. Нередко только окружение определяет часть речи слова: (*il*) *marche*, (*la*) *marche*; (*je*) *cours*, (*un*) *cours*.

Прилагательные имеют общие суффиксы с существительными, что облегчает взаимопереход этих двух частей речи: *physique* *adj* *физический, f физика*; *moral* *adj* *моральный, т боевой дух*. Иногда только порядок слов или *liaison* позволяют определить, с какой частью речи мы имеем дело: в *un afomiste savant – savant* – прилагательное, в *un savant atomiste* – оба слова – существительные, в *savant [-t-] atomiste* (с *liaison*) первое слово – прилагательное.

Такие случаи могут представлять трудность при понимании текста. В теоретическом плане вопрос о принадлежности слова к определённой части речи оказывается затруднительным, особенно в устойчивых выражениях и некоторых конструкциях. Так, *froid* в *il fait froid* одни словари считают существительным, другие – прилагательным, третьи – наречием.

§ 5.6 Грамматические категории во французском языке

Грамматическая категория представляет собой единство формы и содержания. В развитии языка возможны четыре вида изменений в системе грамматических категорий:

а) **утрата категории:** данное значение не выражается или выражается неморфологически; например, утрата среднего

рода, падежа, некоторых неличных форм;

б) **появление новых категорий**; например, артикля, сложного перфекта: *j'ai fait*, условного наклонения;

в) **изменение формы при сохранении значения** – образование новой формы будущего времени, аналитического плюсквамперфекта, аналитической степени сравнения; разрушилось деление на четыре спряжения латинского глагола;

г) **изменение значения при сохранении формы**; например, форма латинского плюсквамперфекта конъюнктива стала выражать во французском языке имперфект субжонктива.

Изменился объём значения, а следовательно, и употребление тех форм, у которых появились «конкуренты». Часть значений конъюнктива взяло на себя условное наклонение, часть значений простого перфекта – возникший сложный перфект. Существенным фактором в истории языка является изменение *частотности употребления* тех или иных грамматических форм. Так, имперфект стал употребляться реже при переходе от латыни к старофранцузскому языку, а затем его употребительность снова возросла. За последние два века стали значительно реже употребляться *subjonctifs imparfait* и *plus-que-parfait*. Изменение частотности может свидетельствовать о становлении или, напротив, отмирания грамматических категорий.

Особенности группировок внутри латинской морфологии часто не воспроизводятся во французском языке. Так, в латинском языке прилагательные *grandis*, *fortis* имеют одну форму для мужского и женского рода, во французском две: *grand*, *grande*. Напротив, в латинском языке различались *agrarius m* и *agraria f*, тогда как во французском – единая форма: *agraire*.

Категория **рода** во французском языке выражена у существительных, прилагательных, некоторых местоимений, детерминативов и в глаголе при согласовании причастия. Формы выражения рода нерегулярны, особенно в устной речи, имеются большие группы прилагательных, не различающих рода. Однако изменяемость в роде многих высокочастотных слов (*le / la, ce / cette, petit, grand, bon, etc.*) способствует жизненности этой категории в языке.

Категория **числа** выражена у тех же классов слов, у глагола ещё и в спряжении. В письменной речи она выражается до-

вольно регулярно, но в устной становится ещё менее регулярной, чем категория рода, и поддерживается детерминативами (*le / les, ce / ces*) и связыванием (*liaison*). У глаголов она выражается более часто и в устной речи: *je parle – nous parlons; il viendra – ils viendront, etc.* Категория числа существительных семантически связывается со значением несчисляемости (выражается слитным артиклем *du*), так что теоретическое осмысление её является одним из сложных вопросов теоретической грамматики французского языка.

Категория **детерминации** имени выражается синтаксически – артиклями и другими детерминативами, образующими с именем одну синтаксическую группу.

Категория **степени сравнения** прилагательных и наречий выражается почти исключительно аналитическим способом (*plus grand*), что даёт основание для исключения её из числа морфологических категорий.

Категория **лица** глагола выражается двойким образом: флексиями в глаголе и связью с приглагольным местоимением или знаменательным подлежащим: *parlez! il viendra, les enfants viendront.*

Категория глагольного **времени** во французском языке является весьма разветвлённой и охватывает, по меньшей мере, пять оппозиций: *абсолютное время* (прошедшее, настоящее, будущее), *относительное время* (выражается сложными временами, формой на *-rait* и др.), *неограниченное / ограниченное время действия* (*imparfait / passé composé, passé simple*), *актуальность / неактуальность действия* (*passé composé / passé simple*), *временной интервал* (иммедиатные времена).

Категория **вида** во французском языке не имеет столь определённых средств выражения, как в русском. Некоторые учёные усматривают её в противопоставлении простых / сложных времён или неограниченных / ограниченных времён. При этом соответствующие оппозиции исключаются из категории времени. Но во французском языке имеются разнообразные лексико-синтаксические способы выражения видовых значений (например, конструкции *se mettre à faire qch, finir de faire qch, etc.*).

В категорию **наклонения** традиционная грамматика вклю-

чает четыре субкатегории: индикатив, императив, субжонктив, условное наклонение. В отношении каждой из этих форм в науке ведутся дискуссии.

Категория *залога* содержит три субкатегории: актив, пассив, возвратно-взаимный залог. Последние два выражаются аналитически (*il est lavé; il se lave*), что ставит вопрос о том, является ли это морфологической формой глагола.

В целом грамматическая система французского языка не сложна: число категорий не превышает десяти. Но она сложна в аспекте теоретического осмысления:

– во-первых, в силу наличия аналитических форм, которые можно трактовать и как морфологические формы, и как синтаксические объединения (в последнем случае данная категория или субкатегория из сферы морфологии исключается);

– во-вторых, из-за многозначности или неопределённости значения форм, в силу чего их можно трактовать и классифицировать по-разному; это относится, например, к слитному артиклю *du*, форме *il parlerait*, субжонктиву и другим явлениям.

И наконец, трудность французской морфологии состоит в нерегулярности и пестроте средств выражения грамматических значений, в расхождении устной и письменной форм речи.

§ 5.7 Общие признаки детерминативов как части речи. Особенности артикля во французском языке

Детерминативы⁷⁴ – *служебные слова, сопровождающие существительное в предложении и выражающие общие признаки объекта: определённость, принадлежность, количество*. Они выделяются в отдельную часть речи на основании семантических, морфологических и синтаксических признаков.

⁷⁴ Служебные слова во французской грамматике называются *déterminatifs* или *déterminants*. Однако термин *déterminant* многозначен: им обозначают и любые определения к имени. В русской грамматике термин *детерминант* обозначает начальный член, распространяющий всё предложение (*У окна отец читает газету*). Ввиду возможной путаницы мы будем использовать термин «детерминатив».

Детерминативам свойственны три функции:

Синтаксическая – оформление именной группы в предложении. Без детерминативов, которые выступают как актуализаторы существительного, последнее не может выполнять свои основные синтаксические функции. Ср.: *Le garçon lit un livre* (нельзя сказать **Garçon lit livre*).

Морфологическая – уточнение категорий существительного (рода и числа) в том случае, когда это не выражается флексиями имени. Ср.: *un livre* и *une livre*; *ce livre* и *ces livres*.

Семантическая – выражение детерминации – грамматической категории определённости / неопределённости. Важнейшим детерминативом является артикль, выражающий эту категорию в «чистом виде» (ср.: артикли *le* и *un*). Другие детерминативы добавляют к этому дополнительные значения.

Детерминативы включают пять семантико-грамматических разрядов:

- 1) артикли (*le, la, les, un, des, du*);
- 2) притяжательные детерминативы, или посессивы (*mon, ton, son, leur* и др.);
- 3) указательные, или демонстративы (*ce, cette, ces* и др.);
- 4) вопросительные (*quel, quels*);
- 5) неопределённые; о составе последней группы среди лингвистов нет единого мнения. Максимально в эту группу включают 13 слов: *aucun, divers, différents, même, tel, autre, maint, tout, chaque, plusieurs, nul, certains, quelque(s)*, и две составные единицы: *n'importe quel* и *je ne sais quel*.

Ядро части речи составляют первые четыре группы – основные детерминативы. Неопределённые относятся к периферии части речи; они либо уточняют значения основных (*certains, divers, plusieurs* ≈ *des*; *quelque* ≈ *un, du*; *tous les* ≈ *les*), либо выражают частные значения.

Во французской грамматике обычно выделяют три вида артикля: определённый (*Article défini*: *le, la, les*), неопределённый (*Article indéfini*: *un, une, des*), частичный (*Article partitif*: *du, de la*), к которым добавляется грамматически значащее опущение артикля («нулевой» артикль, *article zéro*).

Две особенности отличают систему французского артикля от артикля в других европейских языках:

1) наличие специфических форм артикля: частичного (du) и неопределённого множественного числа (des);

2) более широкое употребление артиклей с разными группами существительных, например, с собственными (la France) и с абстрактными.

Общими теоретическими проблемами артикля являются:

а) его морфологический статус (является ли он морфемой имени или отдельным от него служебным словом;

б) его функции в языке;

в) значение определённости / неопределённости.

К этим общим вопросам во французском языке добавляются специфические проблемы: так называемого частичного артикля du, формы des, употребления de вместо du и des, употребление артикля, в частности после предлога de.

Среди лингвистов нет единого мнения в отношении числа и номенклатуры артиклей во французском языке. Галише признает два артикля: le и un. Вагнер и Пеншон добавляют к ним артикль du, de la (который, однако, они не называют частичным). Грамматика Ларусс, подобно Гийому, выделяет четыре артикля: определённый, неопределённый, частичный и нулевой. Дамурет и Пишон также насчитывают четыре артикля: нулевой, неопределённый, указательный (ce) и определённый (частичный они считают вариантом неопределённого). Однако наиболее часто выделяют три артикля – **le, un, du** и значащее отсутствие его (**нулевой артикль**).

В формах французских артиклей выражаются следующие основные позиции:

1) *предметность / непредметность* (присутствие – отсутствие артикля).

2) *качественная детерминация* (определённость / неопределённость) (le, la, les – un, une, des).

3) *количественная детерминация* (le, la – du, de la).

4) *единственное / множественное число* (le, la, un, une – les, des).

5) *мужской / женский род* (le, un, du – la, une, de la).

Виды детерминации связаны с лексико-грамматическими классами имён. Качественная детерминация свойственна только считаемым существительным, количественная – вещественным.

В первых трёх оппозициях проявляются собственные значения артикля. Формы рода и числа артикля воспроизводят категории имени существительного, к которому он относится.

Категория числа. Проявляется лишь в артиклях, выражающих качественную детерминацию: *le, la / les; un, une / des*. Во множественном числе оппозиция между качественной и количественной детерминацией нейтрализуется и различие между *les* и *des* может отражать не только определённую / неопределённую, но и целостность / частичность. Взаимодействие числа и детерминации:

Семантические группы существительных	Число	Детерминация	
		качественная (определённость / неопределённость)	количественная (целостность / частичность)
неисчисляемые	–		<i>le / du (de)</i>
исчисляемые	ед.	<i>le / un</i>	
	мн.	<i>les / des (de)</i>	

Артикль *des* может выражать и качественную неопределённость (некоторые объекты среди других объектов того же класса: *des livres сколько-нибудь книг*).

Категория рода. У артиклей она отражает под имени существительного.

Род и число. В отличие от существительных и прилагательных род артиклей нейтрализуется во множественном числе: *le, la – les; un, une – des*. Некоторые лингвисты (например, Галлише) видят в этом основную функцию артикля. Однако участие артикля в выражении категорий имени не так значительно, как представляется. Он разделяет эти функции с другими детерминативами и прилагательными, которые иногда обозначают категории более точно, чем артикль (особенно род). Ср.: *les élèves* (род не показан), *aucunes élèves, des élèves obéissantes* (род обозначен помимо артикля).

Род и детерминация. Иногда в асемантической функции употребление артикля связано с родом имени существительного. Артикль сохраняется (при предлогах) перед словом мужского рода и опускается перед словом женского рода: *en France*, но **au Japon**; *le gouvernement de Syrie*, но **du Liban**; *le travail du soir*,

но **de** nuit.

Артикль сохраняет большую структурную самостоятельность: он может отделяться от имени существительного длинными определениями: C'était donc le dimanche matin, vers **les** un peu plus de **dix heures**, заменяться: Les titulaires de comptes indiqueront le nom **de la** ou **des** personnes au profit de qui les chèques doivent être établis.

Артикль не является частью формы существительного, выражаемая им категория детерминации не морфологическая категория имени, но синтаксическая категория, получающая выражение в именной группе.

§ 5.8 Синтаксическая функция и морфологические категории французского глагола

Глагол представляет собой, наряду с существительным, одну из двух главных частей речи. Он характеризуется со стороны значения, грамматических форм и синтаксических функций.

Глагол обозначает действие (Il lit, Il marche), бытие (Il existe), состояние (Il dort), отношение (Elle aime les fleurs) в виде процесса, соотносящегося с субъектом и разворачивающегося во времени (процессуальность). Этим глагол отличается от отглагольного существительного, которое также может обозначать действие или состояние, но в самой общей форме, вне отношения ко времени действия и к субъекту. Ср.: Il arrive и l'arrivée.

Основной синтаксической функцией глагола является функция *сказуемого*, в которой выступает личная форма глагола. *Морфологические категории глагола* непосредственно связаны с его общим значением и синтаксической функцией. Это **наклонение, время, залог, лицо (и число)**. Наличие категории **вида** является спорным.

Среди непосредственно связанных с глаголом приглагольных членов различают субстантивные элементы – актанты (субъект, объект, орудие, и др., выражаемые существительными), сирконстанты (несубстантивные обстоятельства, выражае-

мые наречиями) и предикативы (компоненты именного сказуемого).

В отношениях к различным субстанциям и обстоятельствам проявляются свойства процесса, действия, которые в свою очередь, находят отражение в языке либо в лексическом значении глагола, либо в его грамматических категориях. Различается три группы свойств действия.

1. Внутренние качественно-количественные особенности действия статичность (или динамичность), интенсивность, кратность (однократность или повторяемость), длительность или завершённость, отношение к результату и т.п. Эти свойства действия отражаются в лексической стороне глагола, а в некоторых языках также в категориях *способа действия* и *вида*.

2. Внутренние относительные свойства действия, выявляемые в его связях с актантами. Они отражаются в семантике глагола, лексико-грамматических категориях *личности* / *безличности*, *переходности* и в категориях *лица* и *залога*.

3. Внешние относительные свойства действия, отражающие отношение к процессу со стороны участников коммуникации (категория *модальности*) или отношение данного действия во времени к моменту речи и к другому действию (категория *времени*).

Свойства действия могут переплетаться между собой, например, способ действия и переходность, вид и время действия.

§ 5.9 Глаголы *etre* и *avoir*

Глагол *être* является полнозначным в значении существования (*Cela est = Cela existe*) или местонахождения (*Il est là-bas Он там*). Он выступает как служебный в функции связки: *Il est ingénieur. Он инженер; Elle est belle. Она красива*; в перифразах видового и временного характера: *Il est à faire qch; Il est en train de (sur le point de, en passe de, près de, loin de) faire qch*. Глагол *être* является вспомогательным в аналитической форме времени (*Il est venu*) и залога (*Il est aimé*).

Глагол *avoir* сохраняет полноту значения при выражении

посессивности: *Il a un frère. У него есть брат*, приобретает служебную функцию в перифразе модального значения: *Il a à faire cela. Он должен сделать это* и выступает как вспомогательный глагол в сложных глагольных формах: *Il a fait. Он сделал*.

Глаголы *être* и *avoir* десемантизируются в сочетаниях с отглагольными существительными, именами качества и другими, с которыми они образуют единый член предложения: *Il est en marche. Он в работе*; *Elle est au désespoir. Она в отчаянии*; *Il a peur. Он боится*; *Il eut un cri. Он закричал*. Здесь действие или состояние выражаются существительным, а глагол выступает как носитель категорий времени, наклонения, залога и лица.

Во многих случаях структуры, в которые входят *être* и *avoir* синонимичны, и выбор между ними подчиняется следующим правилам:

а) *семантическая оппозиция*: *avoir* подчёркивает процессуальность, *être* – результат действия: *L'enfant a grandi. Ребёнок рос* и *L'enfant est grandi. Ребёнок вырос*. Здесь оппозиция может подвергаться нейтрализации, так как значения действия и результата смыкаются, первое переходит во второе. Поэтому наблюдаются колебания в употреблении *être* и *avoir*, не связанные с выражением оттенка значения (например, у глагола *passer*);

б) *формальная функция*: *être* употребляется как вспомогательный глагол с местоименными и некоторыми непереходными глаголами: *Il s'est levé. Он встал*; *Il est allé. Он ушёл*; *Il est descendu. Он спустился* и т.п.

Нередко *être* и *avoir* выполняют дистинктивную функцию. Они различают переходное и непереходное значение глагола (*Il est descendu. Он спустился* и *Il a descendu sa valise. Он опустил свой чемодан*) или два непереходных значения: *demeurer* в значении 'оставаться' спрягается с *être*, в значении 'проживать' – с *avoir*.

Как связующее средство глаголы *être* и *avoir* могут находиться в дополнительной дистрибуции: выражая сходное значение, они избираются в зависимости от характера окружения. На дополнительную двух глаголов указывали Шарль Балли, Эмиль Бенвенист, Люсьен Теньер, Жак Дюбуа. Здесь различаются два случая:

а) выбор глагола зависит от морфологической формы присвязочной части: *avoir* + существительное ↔ *être* + прилагательное: *Il a du courage* ↔ *Il est courageux*; *Il a une arme* ↔ *Il est armé*; *Il n'a pas de coeur* ↔ *Il est sans coeur*;

б) выбор глагола может быть связан с изменением субъектно-объектных отношений: дополнение при *avoir* соответствует подлежащему при *être*. Такие факты дали Эмилю Бенвенисту основание заключить, что *avoir* есть «перевернутый глагол» *être* à: *Il a une maison – La maison est à lui*; *On a tout à refaire – Tout est à refaire*.

§ 5.10 Употребление форм времён во французском языке

Mode Indicatif

Présent

1. Обозначает действие, совершающееся в момент, когда говорят, или действие, совершающееся постоянно, обыкновенно: *Nous lisons un livre français*. – Мы читаем французскую книгу. *En hiver, il neige souvent*. – Зимой часто идёт снег.

2. Употребляется вместо будущего, как и в русском языке (*praesens futuralis*): *Nous partons ce soir*. – Мы уезжаем сегодня вечером. *Demain, nous avons une réunion*. – Завтра у нас собрание.

Imparfait

1. Обозначает действие незаконченное, такое действие, начало и конец которого не указаны, потому оно и употребляется в описаниях. Соответствует прошедшему времени несовершенного вида русских глаголов.

Когда мы говорим *le temps était beau* – погода была хорошая, мы не определяем начало и конец действия, мы не знаем, когда началась хорошая погода и когда кончилась: *Le temps était beau, le ciel était bleu, le soleil brillait, les oiseaux chantaient*. – Погода была хорошая, небо голубое, солнце светило, птицы пели. *C'était une belle maison qui avait trois étages et qui se trouvait au bord d'un étang*. – Это был прекрасный дом, который имел три этажа и находился на берегу пруда.

2. Обозначает повторяемость действия, его перманентность, привычность: *Souvent ils **allaient** ensemble droit devant eux, et, comme Gottfried **oubliait** l'heure, **on revenait** très tard.* – Они часто шли вместе куда глаза глядят, и, так как Готфрид забывал о времени, они возвращались очень поздно.

3. Обозначает действие, не законченное до начала другого действия: *Christophe **jouait** encore, quand le public se mit à applaudir.* – Кристоф ещё играл, когда публика начала аплодировать. *Nous **écoutions** attentivement le maître quand tout à coup l'horloge sonna midi.* – Мы внимательно слушали учителя, когда вдруг часы пробили двенадцать.

4. Обозначает одновременность двух прошедших действий: *Joli-Cœur se **promenait** le long de ma corde en dedans, tandis que l'agent se **promenait** en dehors.* – Жоли-Кёр прогуливался вдоль верёвки внутри, в то время как полицейский прогуливался с наружной стороны.

5. В косвенной речи, если глагол главного предложения стоит в прошедшем времени, в придаточном предложении imparfait заменяет настоящее время прямой речи: *Il a dit: **je lis** un livre français* (прямая речь). – Он сказал: я читаю французскую книгу. Глагол *lis* стоит в настоящем времени.

*Il a dit qu'**il lisait** un livre français* (косвенная речь). Глагол придаточного предложения *lisait* стоит в imparfait, который в данном случае называется настоящим в прошлом (présent dans le passé – praesens historicum).

В русском языке и в прямой, и в косвенной речи употребляются одни и те же времена.

6. Imparfait употребляется ещё вместо conditionnel présent в придаточном предложении после союза *si* (если): *Nous irions au parc de culture **s'il faisait** beau temps.* – Мы пошли бы в парк культуры, если бы была хорошая погода (см. также conditionnel présent).

Passé simple

Passé simple соответствует прошедшему времени совершенного вида русских глаголов и обозначает законченное действие в законченном отрезке времени. Время это употребляется в повествовании, а в разговоре не употребляется: *La*

Commune de Paris dura 72 jours. Но в разговоре мы скажем: *La Commune de Paris a duré 72 jours.*

On se mit à table, la cloche se remit à sonner trois fois de suite. – Сели за стол, колокол начал опять звонить три раза подряд.

Passé composé

Passé composé обозначает действие, совершившееся в прошлом. Иногда обозначает действие в прошлом, но связанное с настоящим. *Passé composé* наиболее употребительная форма в разговоре и может обозначать действие, совершившееся давно или недавно, в законченном отрезке времени (в прошлом году, в прошлом месяце, на прошлой неделе) или в незаконченном отрезке времени (в этом году, в этом месяце, на этой неделе); может обозначать действие, совершившееся один раз или совершившееся много раз: *L'année passée je suis allé plusieurs fois au théâtre.* – В прошлом году я ходил несколько раз в театр. *Cette année j'ai visité le musée de la Révolution.* – В этом году я посетил музей Революции. *La manifestation du 7 novembre a été grandiose.* – Демонстрация 7 ноября была грандиозна.

Passé composé употребляется и в письмах, и в газетных сообщениях. Газетное сообщение может быть написано и в *passé simple*, но *passé composé* даёт ему более живой, менее официальный характер: *La majorité du Sénat a voté contre cette loi. // La majorité du Sénat vota contre cette loi.* – Большинство сената голосовало против этого закона.

Plus-que-parfait

1. *Plus-que-parfait* обозначает действие, совершившееся в прошлом до начала другого действия, тоже уже совершившегося. Между концом первого действия и началом второго может быть промежуток времени. Первое действие ставится в *plus-que-parfait*, второе в *passé composé* в разговорном языке или в *passé simple* в повествовании: *On avait sonné quand le maître est entré* (или *entra*). – Уже позвонили, когда учитель вошёл. *Nous avons fini nos examens quand nous sommes partis* (или *partîmes*) *pour la campagne.* – Мы уже кончили экзамены, когда уехали в деревню.

2. Но для выражения двух действий, часто, регулярно повторяющихся в прошлом, глагол, выражающий первое действие,

ставится в plus-que-parfait, а глагол, выражающий второе действие, в imparfait: *A la campagne, quand nous avions déjeuné, nous allions nous promener.* – В деревне, когда мы кончали завтрак, мы отправлялись гулять.

3. Plus-que-parfait в косвенной речи заменяет passé composé: *Le maître a demandé. „Avez-vous lu ce texte?“* (прямая речь, глагол в passé composé). – Учитель спросил: «Прочли ли вы этот текст?» *Le maître a demandé si nous avions lu ce texte* (косвенная речь, глагол в plus-que-parfait).

4. Plus-que-parfait употребляется после союза *si* (если) вместо conditionnel passé: *Il aurait fait ses devoirs s'il n'avait pas été malade.* – Он приготовил бы уроки, если бы не был болен (см. также conditionnel passé).

Passé antérieur

Passé antérieur выражает действие, совершившееся в прошлом непосредственно перед началом другого прошедшего действия. Употребляется почти всегда в придаточном предложении и всегда связано с passé simple в главном предложении.

Passé simple в разговоре не употребляется, а потому и passé antérieur, связанное с passé simple, тоже в разговоре не употребляется: *Dès que l'orateur eut fini son rapport, le public se mit à applaudir.* – Как только оратор кончил доклад, публика стала аплодировать.

Итак, во французском языке имеются три времени, обозначающие с разными оттенками действие в прошлом, начатое и законченное или незаконченное до начала другого действия: imparfait, plus-que-parfait, passé antérieur.

Схематически их можно изобразить следующим образом:

Imparfait	Passé composé или Passé simple
1-е действие	2-е действие
Je <i>dînais</i> quand	mon camarade <i>est venu</i> .
Je <i>dînais</i> quand	mon camarade <i>vint</i> .
Я обедал, когда	мой товарищ пришёл.
Plus-que-parfait	Passé composé или Passé simple или
1-е действие	Imparfait
	2-е действие

<i>J'avais dîné</i> quand	mon camarade <i>est venu</i> .
<i>J'avais dîné</i> quand	mon camarade <i>vint</i> .
Quand <i>j'avais dîné</i> ,	mon camarade <i>venait</i> .
Я уже пообедал, когда	Мой товарищ пришёл (приходил).

Passé antérieur	Passé simple
1-е действие	2-е действие
Des que <i>j'eus dîné</i> ,	mon camarade <i>vint</i> .
Как только я пообедал,	мой товарищ пришёл

В первом случае одно действие не закончено, когда начинается второе, действия как бы перекрещиваются; во втором случае между двумя прошедшими действиями имеется промежуток времени, а в третьем случае второе действие совершается непосредственно после первого.

Futur simple

Futur simple обозначает действие, которое должно совершиться в будущем; иногда оно употребляется вместо повелительного наклонения: *Demain nous ferons une grande excursion*. – Завтра мы сделаем большую экскурсию. *Enfants, vous apprendrez cette fable*. – Дети, вы выучите эту басню. Вместо: *Enfants, apprenez cette fable*. – Дети, выучите эту басню.

Futur antérieur

1. Futur antérieur обозначает действие, которое в будущем должно окончиться до начала другого действия, и тогда глагол, обозначающий 2-е действие, ставится в futur simple: *Quand vous aurez fini vos devoirs, vous vous reposerez*. – Когда вы закончите ваши уроки, вы отдохнёте.

2. Futur antérieur может тоже обозначать действие, которое должно окончиться к известному сроку: *Nous aurons terminé cette traduction ce soir*. – Мы закончим этот перевод сегодня вечером.

3. Иногда futur antérieur употребляется вместо passé composé для обозначения действия в прошлом с оттенком сомнения, предположения: *Nous aurons oublié de fermer la fenêtre* = *Nous avons probablement oublié de fermer la fenêtre*. – Мы, вероятно, позабыли закрыть окно.

Mode Conditionnel

Conditionnel présent

1. Conditionnel présent обозначает (в настоящем или будущем) действие, совершение которого зависит от какого-то условия. В этом случае conditionnel présent стоит в главном предложении, а придаточное предложение начинается с союза *si* (если), после которого ставится imparfait: *Nous réciterions notre fable, si nous la savions*. – Мы ответили бы басню, если бы мы её знали. *Nous irions demain au théâtre, si nous avions des billets*. – Мы пошли бы завтра в театр, если бы имели билеты.

2. Conditionnel présent употребляется ещё и для выражения пожелания: *Je voudrais bien connaître le français*. – Я хотел бы хорошо знать французский язык.

3. Conditionnel présent употребляется в вопросительных предложениях, как более вежливая, более мягкая форма: *Voudriez-vous me prêter votre livre?* – Не одолжили бы вы мне вашу книгу?

4. В косвенной речи conditionnel présent употребляется вместо futur simple и тогда называется «будущее в прошедшем» (futur dans le passé): *Le maître nous a dit: „Vous aurez demain une leçon de français”*. – Учитель нам сказал: «У вас завтра будет урок французского языка». Здесь – прямая речь, глагол стоит в futur simple.

Le maître nous a dit que nous aurions demain une leçon de français. – Учитель нам сказал, что завтра у нас будет урок французского языка. Здесь косвенная речь, тот же глагол вместо futur стоит в Conditionnel présent (или futur dans le passé).

Conditionnel passé

Conditionnel passé обозначает действие, совершившееся в прошлом, в зависимости от условия. В этом случае conditionnel passé стоит в главном предложении, а придаточное предложение начинается с союза *si* (если), после которого вместо conditionnel passé ставится plus-que-parfait: *Nous aurions récité notre fable hier, si nous l'avions sue*. – Мы ответили бы басню вчера, если бы мы её знали. *Nous serions allés hier au théâtre, si nous avions eu des billets*. – Мы вчера пошли бы в театр, если бы имели билеты.

2. Conditionnel passé употребляется ещё и для выражения в

прошлом действия возможного, могущего быть: *Les avions auraient survolé le territoire.* – Самолёты как будто летали над территорией.

Итак, после союза *si* (если) не ставится **никогда** ни *conditionnel présent*, ни *conditionnel passé*, не ставится также *futur simple*. Вместо *conditionnel présent* ставится *imparfait*. Вместо *conditionnel passé* ставится *plus-que-parfait*. Вместо *futur simple* ставится *présent*: *Nous irions aujourd'hui au parc de culture s'il faisait beau temps.* – Мы пошли бы сегодня в парк культуры, если бы погода была хорошая. *Nous serions allés hier au parc de culture s'il avait fait beau temps.* – Мы вчера пошли бы в парк культуры, если бы погода была хорошая. *Nous irons au parc de culture s'il fait beau temps.* – Мы пойдём в парк культуры, если погода будет хорошая.

Главное предложение	Придаточное предложение
Conditionnel présent	— <i>si</i> — imparfait
Conditionnel passé	— <i>si</i> — plus-que-parfait
Futur simple	— <i>si</i> — présent

Придаточное предложение может стоять на первом месте: *S'il fait beau temps, nous irons au parc de culture.*

Придаточное предложение	Главное предложение
<i>si</i> — imparfait	Conditionnel présent
<i>si</i> — plus-que-parfait	Conditionnel passé
<i>si</i> — présent	Futur simple

Но союз *si* не всегда обозначает условие, он может также обозначать сомнение, и тогда он переводится по-русски частицей **ли**. После союза *si*, обозначающего по-русски **ли**, можно ставить и *conditionnel* и *futur* и тогда, если в главном предложении стоит *présent* после *si* (ли), в придаточном ставится *futur*. Если в главном стоит прошедшее время, в придаточном после *si* (ли) ставится *conditionnel présent* для обозначения, действия, ещё не совершившегося, и *conditionnel passé* для обозначения действия, которое могло совершиться, но ещё не совершилось: *Je ne sais pas si nous partirions demain.* – Я не знаю, уедем ли мы завтра. *Je ne savais pas si nous partirions demain.* – Я не знал, уедем ли мы завтра. *Je ne savais pas si nous serions partis avant vous.* – Я

не знал, уедем ли мы до вас.

Mode Impératif

Impératif употребляется для выражения приказа, просьбы: *Faites ces trois exercices.* – Сделайте эти три упражнения. *Passes-moi le pain, s'il vous plaît.* – передайте мне, пожалуйста, хлеб.

Mode Subjonctif

Subjonctif présent обозначает действие в настоящем или будущем. Subjonctif présent употребляется:

1. Когда глагол главного предложения выражает сомнение, опасение, пожелание, страх, приказание: *Nous doutons que vous partiez* ce soir. – Мы сомневаемся, что вы уедете сегодня вечером. *Il craint que nous ne tombions* malades. – Он опасается, что мы заболеем. *Je veux que vous sachiez la grammaire.* – Я хочу, чтобы вы знали грамматику. *J'ai peur que nous arrivions* en retard. – Я боюсь, что мы опоздаем. *Le maître nous a dit que nous fassions trois problèmes.* – Учитель сказал нам, чтобы мы сделали три задачи.

2. После некоторых безличных предложений: *il faut* (нужно), *il est possible* (возможно), *il est nécessaire* (необходимо), *il est temps* (пора), *il est naturel* (естественно): *Il est nécessaire que nous apprenions le français.* – Необходимо, чтобы мы учили французский язык. *Il est temps que nous allions à la maison.* – Пора нам идти домой.

3. После некоторых сложных союзов, как, например: *afin que* (чтобы), *bien que* (хотя), *à moins que* (если только), *avant que* (ранее чем), *quoique* (хотя), *jusqu'à ce que* (до того как), *pourvu que* (лишь бы), *de crainte que* (из опасения, что) и т.д.: *Nous ferons nos leçons quoique nous soyons fatigués.* – Мы сделаем уроки, хотя устали. *Nous resterons dans la salle jusqu'à ce que la réunion soit finie.* – Мы останемся в зале, пока не кончится собрание.

4. После превосходной степени и выражений *le seul* (единственный), *l'unique* (единственный), *le premier* (первый), *le dernier* (последний): *C'est le plus grand artiste que nous connaissions.* – Это величайший художник, которого мы знаем.

Vous êtes le seul qui ne sachiez pas cette nouvelle. – Вы единственный, который не знает этой новости.

5. Некоторые глаголы в утвердительной форме не требуют *subjonctif*, но они же в отрицательной или вопросительной форме требуют *subjonctif*. Таковы глаголы *trouver* (находить – в переносном смысле), *supposer*, (предполагать), *croire* (верить), *penser* (думать): ***Je ne trouve pas que cet élève soit paresseux.*** – Я не нахожу, что этот ученик ленив. ***Petisez-vous que notre camarade vienne ce soir?*** – Думаете ли вы, что наш товарищ придёт сегодня вечером?

6. Глаголы *dire* (сказать), *écrire* (писать), *avertir* (предупредить) требуют в придаточном предложении *subjonctif*, если они выражают приказание: ***Dites à ces enfants qu'ils ne fassent pas de bruit.*** – Скажите этим детям, чтобы они не шумели. ***Écrivez à votre frère qu'il revienne.*** – Напишите вашему брату, чтобы он приехал.

Но мы скажем: ***Dites à votre camarade que je ne viendrai pas.*** – Скажите вашему товарищу, что я не приду.

Здесь в придаточном предложении стоит *futur*, а не *subjonctif*, так как в данном примере глагол ***dire*** не выражает приказания.

Subjonctif passé

Subjonctif passé употребляется в тех же случаях, что и *subjonctif présent*, с той лишь разницей, что *subjonctif présent* обозначает действие в настоящем или будущем, а *subjonctif passé* обозначает действие в прошедшем времени или действие, которое должно быть закончено к определённом времени: ***Nous doutons qu'il soit parti hier.*** – Мы сомневаемся, что он уехал вчера. ***Il faut que nous ayons fini ce travail ce soir.*** – Нужно, чтобы мы закончили эту работу сегодня вечером. ***Pensez-vous que votre frère soit arrivé hier?*** – Думаете ли вы, что ваш брат приехал вчера?

Imparfait и plus-que-parfait du subjonctif

Значение *imparfait* и *plus-que-parfait* du *subjonctif* – такое же, как *présent* и *passé* du *subjonctif*, с той лишь разницей, что два последних, то есть *présent* и *passé*, употребляются, если гла-

гол главного предложения стоит в *présent* или *futur*, а *imparfait* и *plus-que-parfait* du *subjonctif* употребляются, если глагол главного предложения стоит в любом прошедшем времени или в *conditionnel*: *Nous ne pensions pas que ce camarade partît aujourd'hui (ou demain)*. – Мы не думали, что этот товарищ уедет сегодня (или завтра). *Nous ne pensions pas que ce camarade fût parti hier*. – Мы не думали, что этот товарищ уехал вчера.

Согласование времён изъявительного и условного наклонений

(Concordance des temps de l'indicatif et du conditionnel)

Те глагольные формы, которые выражают настоящее, прошедшее или будущее относительно настоящего момента, называются самостоятельными временами (*temps absolus*), а те глагольные формы, которые выражают настоящее, прошедшее или будущее по отношению к прошлому, называются относительными временами (*temps relatifs*).

Если глагол главного предложения стоит в настоящем времени или в будущем, глагол придаточного предложения может стоять в любом времени изъявительного наклонения:

L'oncle pense	que Christophe joue bien (<i>présent</i>)	Temps absolus
	que Christophe a bien joué (<i>passé composé</i>)	
	que Christophe jouait bien (<i>imparfait</i>)	
	que Christophe avait bien joué (<i>plus-que-parfait</i>)	
	que Christophe joua bien (<i>passé simple</i>)	
	que Christophe jouera bien (<i>futur</i>)	
	que Christophe aura bien joué (<i>futur antérieur</i>)	

Если глагол главного предложения стоит в прошедшем времени или в условном, глагол придаточного предложения ставится вместо:

настоящего времени – в *imparfait*
любого прошедшего времени – в *plus-que-parfait*
будущего времени – в *conditionnel présent*
сложного будущего – в *conditionnel passé*.

L'oncle pensait	que Christophe jouait bien (<i>présent dans le</i>	r e
-----------------	---	-----

(a pensé, pensa)	<i>passé</i>	
	que Christophe avait bien joué (<i>passé dans le passé</i>)	
	que Christophe jouerait bien (<i>futur dans le passé</i>)	
	que Christophe aurait bien joué (<i>futur antérieur dans le passé</i>)	

Согласование времён сослагательного наклонения (Concordance des temps du subjonctif)

Если глагол главного предложения стоит в *présent* или *futur* и требует в придаточном предложении *subjonctif*, то глагол придаточного предложения ставится либо в *présent du subjonctif* для выражения действия в настоящем или будущем, либо в *passé du subjonctif* для выражения действия в прошлом: *Nous ne pensons pas que ce camarade parte aujourd'hui (ou demain)*. – Мы не думаем, что этот товарищ уедет сегодня (или завтра). *Nous ne pensons pas que ce camarade soit parti hier*. – Мы не думаем, что этот товарищ уехал вчера.

Если же глагол главного предложения стоит в любом прошедшем времени или в *conditionnel* и требует *subjonctif*, глагол придаточного предложения ставится в *imparfait du subjonctif* для выражения действия в настоящем или будущем и в *plus-que-parfait du subjonctif* для выражения действия в прошлом: *Je ne pense pas qu'il fasse ce problème*. – Я не думаю, что он сделает эту задачу. *Je ne pense pas qu'il ait fait ce problème*. – Я не думаю, что он сделал эту задачу. *Je ne pensais pas qu'il fit ce problème*. – Я не думал, что он сделает эту задачу. *Je ne pensais pas qu'il eût fait ce problème*. – Я не думал, что он сделал эту задачу.

Imparfait и *plus-que-parfait du subjonctif* в разговоре совершенно не употребляются, да и в письме сложилась теперь тенденция их не употреблять. Вместо *imparfait du subjonctif* употребляется *présent du subjonctif*, вместо *plus-que-parfait – passé du subjonctif*.

Литература к модулю

Основная

Гак В.Г. Введение во французскую филологию: учебное пособие для вузов / В.Г. Гак. – М.: Просвещение, 1986. – С. 159-166.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология: учебник для вузов / В.Г. Гак. – М.: Высшая школа, 1986.

Дополнительная

Басманова А.Г., Тарасова А.Н. Французская грамматика для всех в 2-х частях: Часть 1. Части речи и их употребление: систематический курс нормативной грамматики французского языка / А.Г. Басманова, А.Н. Тарасова. – М.: Просвещение, 1998.

Будагов Р.А. Введение в науку о языке: учебное пособие для вузов / Р.А. Будагов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1965. – С. 213-330.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка: учебник для вузов / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – С. 91-460.

Краткая русская грамматика / Российская Академия наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова; Коллектив авторов: В.Н. Белоусов, И.И. Ковтунова, И.Н. Кручинина и др.; под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. – 2-е изд., стереотип. – М., 2002. – С. 163-391.

Реформатский А.А. Введение в языковедение: учебник для вузов / А.А. Реформатский; под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 386-455.

Модуль 6

Грамматический строй современного французского языка. Особенности синтаксиса

§ 6.1 Введение в синтаксис. Основные единицы синтаксиса

Синтаксис *определяется как раздел грамматики, изучающий закономерности сочетания слов и построения предложений, а также закономерности включения предложений в более крупные формирования – сверхфразовое единство и текст.*

Переходя от морфологии к синтаксису, мы поднимаемся на новую ступень в изучении грамматического строя языка, ибо основная единица синтаксиса – *предложение* – является единицей коммуникативной, то есть направленной на общение в условиях определённой ситуации.

Синтаксис непосредственно связан с закономерностями построения речи. Поэтому проблематика синтаксиса имеет точки соприкосновения, с одной стороны, с психолингвистическим изучением порождения речи, и с другой стороны – со стилистикой, с анализом текстов определённых жанров. Предложение является языковой формой выражения мысли. Поэтому проблемы синтаксиса требуют во многих случаях и обращения к логике – науке, изучающей законы построения мысли.

Основными единицами синтаксиса являются: предложение, член предложения, словосочетание. К числу синтаксических единиц относят также сверхфразовое единство (сложное синтаксическое целое). Все эти единицы выступают как элементы текста законченного полного сообщения. Центральной единицей синтаксиса является **простое предложение** – основная единица коммуникации. Все другие единицы выделяются внутри простых предложений или образуются из соединения их.

Предложение в синтаксической науке рассматривается в двух аспектах: как структурно-семантическая схема (модель) и как высказывание – единица речи.

Предложение характеризуется набором типовых форм (моделей) и значений (ситуаций). У текста нет такой структурной и семантической определённости. Он представляет собой не единицу, но сложное образование.

Для синтаксических формирований решающее значение имеет **коммуникативность** – способность передавать сообщение. С этой точки зрения они делятся на докоммуникативные (члены предложения, словосочетания) и коммуникативные (предложение, сверхфразовое единство, текст). Докоммуникативные и коммуникативные формирования различаются не столько по объёму, сколько функционально. При соответствующей интонации отдельный член предложения или словосочетание могут образовать предложение, текст может состоять из одного предложения или даже слова (например, лозунг или явление).

В синтаксисе выделяются три раздела: теория элементов меньше предложения (члены предложения, словосочетания), теория предложения (разных типов), теория образований больше предложения (сверхфразовое единство, текст). Поскольку главные члены предложения вычлняются при анализе всего предложения, проблематика членов предложения, проблематика членов предложения будет рассматриваться после общей теории предложения.

§ 6.2 Сочетание слов и словосочетание

Словосочетание в синтаксическом аспекте представляет собой распространение члена предложения, сочетание двух или более членов предложения. Занимая промежуточное положение между словом и предложением, словосочетание может рассматриваться и как номинативная единица, образованная путём сочетания слов вне предложения, и как синтаксическая, вычлняемая в предложении.

Во фразе *Quatre gendarmes à cheval débouchèrent au galop sur la place* имеется десять слов (самостоятельных и служебных), шесть членов предложения и четыре непредикативных словосочетания: *Quatre gendarmes*, *gendarmes à cheval*, *débouchèrent au*

galop, débouchèrent sur la place. Словосочетание может изучаться исходя из слова и из предложения.

Учение о словосочетании возникло в русской и советской грамматической науке. Во французском языкознании словосочетания анализировались в связи с понятием «синтагма», в которое вкладывалось разнообразное содержание.

В грамматической терминологии различаются термины **сочетание слов** – любое соединение слов и **словосочетание** – синтаксическая единица с определёнными свойствами. Какие же типы сочетаний слов относятся к словосочетаниям? Во французском языке возможны следующие соединения различных элементов в предложении:

1. Самостоятельное слово + самостоятельное слово:

а) непредикативное сочетание с отношением подчинения: liry un livre, une tâche difficile, marcher vite;

б) непредикативное сочетание с отношением сочинения: lire et écrire;

в) предикативное сочетание: Pierre parle.

2. Служебное слово + самостоятельное слово:

а) непредикативное: dans la maison, sans tarder; lui parler, y venir;

б) предикативное сочетание: il parle.

3. Вспомогательное слово + знаменательная часть грамматической формы: être venu, avoir mangé.

Чаще всего словосочетание определяется как *непредикативное* семантико-грамматическое объединение двух самостоятельных слов (членов предложения). Словосочетания относятся, следовательно, к докоммуникативному уровню синтаксиса и из их числа исключаются предикативные соединения, образующие предложения (1в, 2б). В их число не входят также соединения, образующие одну словоформу (3) или сочетания со служебным словом, формирующие один член предложения (2а). Исключение можно сделать лишь для тех случаев где служебное местоимение заменяет полнозначный член предложения: le voir (le = Pierre); y venir (y = à l'école); celui de notre voisin (celui = l'appartement).

Словосочетание отличается от предложения непредикативностью. Но при соответствующей интонации словосочетание

может образовать предложение: *Qui est-ce ? – Le frère de Jacques*. С другой стороны, некоторые авторы считают, что компонентом словосочетания может быть придаточное предложение *les conseils que nous donnent nos parents* (= *les conseils de nos parents*).

Вместе с тем иногда возникает потребность в обозначении сочетаний внутри предложения элементов разного характера, в том числе и предикативных; с этой целью наряду с термином «словосочетание» употребляются обозначения **синтаксическая группа** или **синтагма**.

§ 6.3 Предложение и его функции. Предикативность как грамматическое выражение предикации

Предложение – *минимальная коммуникативная единица языка*. В отличие от слова, которое является единицей номинации, то есть обозначения элемента действительности, предложение осуществляет наряду с функцией номинации и функцию коммуникации.

Номинативная функция предложения выражается в том, что оно служит средством обозначения определённой ситуации, отрезка действительности, охватывающего предметы, их признаки и проявления, отношения между ними.

Коммуникативная функция предложения заключается в том, что оно служит средством сообщения, передачи информации с целью общения, то есть выражения собственных мыслей и чувств или воздействия на собеседника.

Предложение представляет собой многоплановое образование, в котором различаются:

- 1) структурная схема и высказывание;
- 2) семантический, логико-коммуникативный и синтаксический уровни (аспекты);
- 3) предикативный аспект;
- 4) постоянные и переменные элементы:
 - а) модус и диктум;
 - б) структурная схема и лексическое наполнение

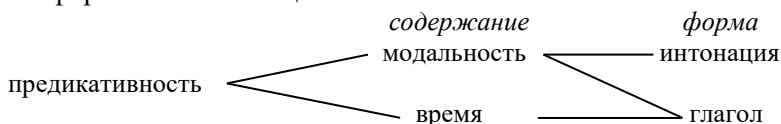
(модель и её реализация).

Характерной особенностью предложения, благодаря которой оно формируется и становится единицей сообщения, является **предикативность** – *грамматическое выражение предикации*. Предикация устанавливает связь предмета и признака (в широком плане) данного предложения с конкретной ситуацией и отличает предложение от только номинативного соединения слов.

Разница между предикативным и непредикативным сочетаниями заключается в том, что в предикативном отношении существование предмета или связь признака и предмета устанавливается самим актом мысли (актом предикации), облечённым в данную фразу (Le cheval est blanc; Le cheval court), тогда как в непредикативном отношении эта связь выступает как уже данная, установленная до этого акта речи и мысли (un cheval blanc; la course du cheval).

Внешней грамматической формой выражения предикации является отношение между подлежащим, указывающим на предмет мысли, и сказуемым, выражающим признак, приписываемый данным актом мысли и речи субъекту. Это отношение называется **предикативным**.

Всякое предложение, чтобы стать актуализированной единицей речи – высказыванием, должно определять описываемый факт по отношению к времени сообщения и позиции говорящего. Поэтому категории **времени** и **модальности** рассматриваются как основные категории предикативности (иногда к ним добавляется категория **лица**). Они выражаются глагольными формами и интонацией:

При отсутствии глагола в предложении выражаются немаркированные члены грамматических оппозиций: настоящее время (или ближайшее будущее); индикатив или примыкающий к нему императив (Défense d’entrer; Feu!).

§ 6.4 Средства выделения членов предложения

Первое средство, позволяющее преодолеть жёсткие рамки словопорядка и выразить тончайшие оттенки мысли и, чувства, – это *расчленение* (парцелляция), *обособление*. Соответственно во французском языке различаются два структурных типа синтаксиса: связный и расчленённый.

При *связном синтаксисе* возможности перестановки очень ограничены, так как французское слово входит в предложение не непосредственно, а как член синтаксической группы. Глагол образует группу с подлежащим (*S* [подлежащее] – *V* [глагольное сказуемое]) и с дополнением (*V* [глагольное сказуемое] – *O* [дополнение]), поэтому если нужно сформировать фразу из трёх этих членов, то единственно возможными словопорядками (при знаменательных *S* [подлежащем] и *O* [дополнении]) будут *S – V – O* или *O – V – S*. В силу тенденции к прогрессивному порядку слов *S – V – O* оказывается основным, а *O – V – S* встречается лишь как исключение в определённых условиях, например, при вопросе.

Напротив, при обособлении, разрыве непосредственных синтаксических связей любая перестановка оказывается допустимой. Например, в предложении *Dans l'aquarium, les poissons rouges <...> dansent <...> une ronde interminable <...>* обособленное обстоятельство можно поставить в любое место, отмеченное знаком <...>, невозможно только включить его в именную группу – между существительным и прилагательным⁷⁵.

Обособление подлежащего и дополнения, тесно связанных с глаголом, сопровождается замещением этих членов при глаголе служебным местоимением. Если нельзя изменить порядок слов простой перестановкой: *Я видел этого человека* → *Этого человека я видел* – **Cet homme j'ai vu*, то можно, если дополнение обособляется, замещаясь при этом местоимением: *Cet homme, je l'ai vu*. Благодаря расчленению фраза приобретает чрезвычайную гибкость. И можно расставить слова как угодно,

⁷⁵ Но это было бы нежелательно и в русском языке при его свободном порядке слов.

в соответствии с оттенками мыслей и чувств. Например, из предложения Marie aime cet auteur мы можем получить Cet auteur, Marie l'aime beaucoup; Cet auteur, elle l'aime beaucoup, notre Marie и так далее и даже Mais elle l'aime, Marie, cet auteur.

В разговорной французской речи иногда фраза делится на две части: вначале даётся «алгебраическая формула» предложения с помощью служебных слов, затем они уточняются знаменательными словами: Tu y as été, toi, en Espagne, l'été? или Il l'avait déjà gagné, le Tour de France, l'année dernière, Bobet. Вандриес, отметивший это явление, и вслед за ним Кено, из книги которого взяты приведённые фразы, считают, что такое предложение типологически напоминает структуру предложения в некоторых американско-индейских языках, где при глаголе абстрактно выражаются его синтаксические связи показателями местоимённого типа.

Помимо расчленения с обособлением, французский язык часто прибегает для выделения членов предложения к особым **выделительным конструкциям**: c'est ... qui (que), ce qui (que) ... c'est... : *C'est Pierre qui l'a écrit* – *Это написал Пётр*.

Другим, менее «разговорным» и эмоционально окрашенным способом разрешения противоречия между строгим порядком слов и смыслом высказывания является **перестройка предложения**. Информация, сообщаемая в предложении, идёт от известного (темы) к новому (реме). В русском языке инвертированное подлежащее выражает часто новое (рему).

Во французском языке инверсия не всегда возможна, и слово, которое выносится в конец предложения, должно оформляться как дополнение. Но откуда взять подлежащее? И здесь язык применяет два приёма:

1) использование **служебного** формального подлежащего – безличного *il*, неопределённо-личного *on*: On entendait les sons du piano – *Слышались звуки фортепиано*;

2) превращение дополнения или обстоятельства, предшествующего глаголу, в подлежащее: J'ai perdu mon cahier У меня потерялась тетрадь.

Особенно характерно для французского языка частое употребление в функции подлежащего неодушевлённого существительного, обозначающего фактически место, причину, орудия

действия: *Cette branche porte beaucoup de pommes.* – *На этой ветке много яблок.* *Cette conférence a réuni deux cents délégués.* – *На эту конференцию прибыло двести делегатов.* *Les pluies ont grossi le ruisseau.* – *От дождей вода в ручье прибывла.*

Слово, обозначающее неодушевлённый предмет, здесь как бы приравнивается к одушевлённому деятелю, способному самостоятельно осуществлять действие. Эта грамматическая метафора называется **анимизмом**, при этом не только осуществляется коммуникативная задача высказывания (нужное слово отводится на последнее место и выделяется), но и оживляется общий стиль повествования.

Грамматический анимизм част не только в художественных произведениях, но и в газетных сообщениях. Например (в «Юманите»): *La catastrophe a fait cinq morts; L'indifférence et la misère ont tué la vieille dame* (в заголовке). Но поскольку «известное», исходный пункт сообщения представляет собой субъект суждения, то во французском языке синтаксическая структура предложения более последовательно совпадает с его логической структурой.

§ 6.5 Проблема референтности предложения

В лингвистике в отношении целого высказывания, также как и в отношении отдельного слова, обсуждается вопрос о **референтности**, то есть *соотнесённости с определённой действительностью*. В логике считаются референтными имена, которым в действительности соответствует некий объект (*эта книга, какая-то книга*). К нереперентным относятся имена, обозначающие нефиксированные объекты (*какая-нибудь книга*), класс объектов (*человек смертен*), слова, обозначающие не объекты, а признаки (прилагательные, глаголы), а также имена, обозначающие нереальные объекты (*кентавр*).

К нереперентным высказываниям относят соответственно предложения, описывающие нереальные ситуации, высказывания общего или отрицательного значения. Такая точка зрения вполне закономерна в логике, занимающейся проблемой истин-

ности, отношения мышления к действительности. Задача языкознания – изучение отношения форм выражения к мышлению, а мыслить человек может и о том, что не существует реально.

Логическая теория референтности неадекватна задачам лингвистического анализа. Высказывания, обозначающие фантастические ситуации, оказываются референтными в свете философской теории «семантики возможных миров». Ситуация, невозможная в реальном мире, возможна в мире сказки: *Le loup a parlé à la fillette*, и такая фраза оказывается референтной. Предложения общей семантики (типа *Les éléphants mangent des fruits*) также референтны, поскольку они описывают реальную ситуацию. Считается, что отрицание делает имя нереперентным, так как оно указывает, что данный предмет не существует, но фраза типа: *Je n'ai pas d'argent sur soi* у меня нет с собой денег вполне референтна, ибо она описывает реальную ситуацию – отсутствие такого-то объекта в таком-то месте в такой-то момент.

В лингвистическом аспекте референтность высказывания – его соотносимость с действительностью, связывается не с истинностью, но с интерпретируемостью, то есть с возможностью его истолковать, понять, какой фрагмент экстралингвистической ситуации (реальной или мнимой) это высказывание описывает.

Здесь следует различать несколько случаев:

1. Можно считать референтными: а) фразы, которые легко опознаются и понимаются, несмотря на то, что они содержат отклонения от языковой нормы (лексические и грамматические ошибки). Такие фразы неприемлемы, но интерпретируемы. Например, оговорки французских школьников: *La baleine s'approchait à grands pas* («быстро»), *Sur le trottoir un petit chien dormait à poings lermés* («крепко»). Здесь ошибочно употреблены формы интенсивности;

б) правильно построенные фразы, содержащие неверные утверждения: *Les poissons ont des pieds* у рыб есть ноги. Такая фраза нереперентна в аспекте диктума (факт невозможен ни в каком мире), но референтна в аспекте модуса (указывает, что говорящий не знает предмета, о котором говорит). Иногда подобные фразы употребляются намеренно, иронически, ср.: *Quand les poules auront des dents* (= никогда).

2. К нереперентным, то есть, к неинтерпретируемым вы-

сказываниям относятся: а) правильно построенные фразы, содержащие реальные слова языка, но семантически не увязываемые между собой. Такова известная фраза Теньера: *Le silence vertébral indispose la voile licite*. Таковы же грамматически правильные фразы, состоящие из несуществующих лексем, типа «глокой куздры» академика Л.В. Щербы, разные виды «зауми»;

б) аналитически некорректные предложения, содержащие внутреннее противоречие: *Je l'ai vu à Paris où je n'ai jamais été Я видел его в Париже, где я никогда не был*.

Референтным можно считать любое высказывание, которое может быть интерпретировано, то есть соотнесено с внеязыковым миром (это во многом зависит от знаний собеседников).

§ 6.6 Порядок слов в современном французском языке

Во всяком языке имеются ограничения и определённые закономерности порядка слов, но, пожалуй, в Европе нет другого такого языка, где бы правила расположения слов в предложении были такими жёсткими, как во французском. Но дело не только в самом расположении слов, но и в стяжении синтаксических групп, то есть слов, связанных грамматически: подлежащего и сказуемого, сказуемого и дополнения, существительного и определения к нему.

Компоненты таких групп нельзя свободно переставить, разъединить другими словами. А если один из них опускается, то его заменяет местоимённый заместитель. Например, в ответных формулах: – *Tu as vu Pierre?* – *Oui, je l'ai vu* (ср. рус. *Ты видел Петра?* – *Да, видел*), при перемещении члена предложения: *Pierre, je l'ai vu hier* (ср. русск. *Петра я видел вчера*).

Жёсткость порядка слов во французском языке нередко иллюстрируют примером из Мольера: в «Мещанине во дворянстве» господин Журден хочет послать маркизе записку такого содержания: *Belle marquise, vos beaux yeux me font mourir d'amour*, и просит учителя философии (он же учитель грамматики) помочь ему выбрать самый красивый и «модный» порядок слов. Учитель предлагает: *On les peut mettre premièrement comme*

vous l'avez dit [...] Ou bien: D'amour mourir me font, belle marquise, vos beaux yeux. Ou bien: Vos beaux yeux d'amour me font, belle marquise, mourir. Ou bien: Mourir vos beaux yeux, belle marquise, d'amour me font. Ou bien: Me font vos yeux beaux mourir, belle marquise, d'amour. На вопрос г-на Журдена, какой же из этих способов наилучший, учитель отвечает, что тот, который предложил сам г-н Журден. Г-н Журден ликует: «А ведь я ничему не учился и вот всё ж таки придумал в один миг».

В русском переводе эта сцена, наверное, не так смешна, как в подлиннике. Дело в том, что в силу необыкновенной гибкости русского синтаксиса все предлагаемые варианты грамматически возможны, и речь идёт о выборе между допустимым и лучшим. По-французски все варианты, предлагаемые учителем, представляют явное насилие над нормами французского синтаксиса, вариант же, предложенный г-ном Журденом, является единственно возможным. Здесь, следовательно, сопоставляется неприемлемое и единственно возможное. И поэтому вдвойне смешными становятся претенциозность учителя философии, с учёным видом предлагающего заведомо неправильные варианты, и наивная радость г-на Журдена, «нашедшего» лучший вариант.

Сами французские писатели нередко осуждали сковывающий порядок слов их родного языка. Вольтер видел в этом даже угрозу для международного престижа французского языка. Он писал: «Notre langue, assez sèche et sans inversions, peut-elle subjuguier les autres nations?» Особенно проигрывал французский язык по сравнению с языками, где более свободный порядок слов позволяет выражать разнообразные оттенки мысли.

В связи с переводом «Капитала» на французский язык Фридрих Энгельс писал: «На этом современном, скованном правилами французском языке становится всё более невозможным высказывать мысли. Уже одна перестановка предложений, которая почти повсюду становится неизбежной из-за педантичной формальной логики, отнимает у изложения всякую яркость и живость»⁷⁶. Возможности перестановки слов во французском языке имеются, но они подчинены определённым правилам.

⁷⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., том 33, с.82.

В «Евгении Гранде» Бальзака мы находим такую фразу: *Cette salle est le foyer de la vie domestique [...]; là, le coiffeur du quartier venait couper deux fois l'an les cheveux de M. Grandet; là entraient les fermiers, le curé, le sous-préfet...* В первом случае нет инверсии подлежащего, во втором она есть. По-русски можно было бы прибегнуть к ней в обоих случаях: «...сюда дважды в год являлся подстригать волосы г-ну Гранде местный цирюльник, сюда приходили фермеры...»

Во французском языке это невозможно: в первом случае глагол переходный, имеется прямое дополнение, инверсия недопустима, во втором – глагол непереходный и инверсия становится возможной. Итак, обнаруживается важное правило: инверсия подлежащего возможна в предложении структуры **V** [глагольное сказуемое] – **S** [подлежащее] (*Reste la troisième hypothèse et je la crois bonne*), особенно если вначале стоит обстоятельство (*là entraient les fermiers*), и невозможна при структуре **S** [подлежащее] – **Vt** [переходный глагол] – **O** [дополнение]. В последнем случае инверсия допускается только в вопросительно-восклицательной конструкции: *Quel livre a apporté Pierre?*

Второе правило: служебные приглагольные местоимения размещаются не так, как знаменательные члены предложения; ср.: *Je le vois*, но нельзя: **Je Pierre vois*.

Третья общая особенность французского синтаксиса – поступательный, или *прогрессивный*, порядок слов; определяющее обычно следует за определяемым: глагол за подлежащим, дополнение за глаголом, прилагательное за существительным.

И тем не менее при всей жёсткости порядка слов французский язык не лишён живости и выразительности. Слова Фридриха Энгельса касаются не столько самой структуры французского языка, сколько манеры писать авторов того времени, скрупулёзно соблюдавших классическую норму. Он хвалил Поля Лафарга, говоря: «Французский язык, на котором Вы пишете, лучше, чем у других (ибо он ближе к языку XVI века и в меньшей степени является парижским)...»⁷⁷.

Таким образом, в ходе эволюции грамматической системы

⁷⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., том 36, с.398.

старофранцузского языка в его синтаксисе наиболее существенные изменения сводились к следующим языковым фактам:

1) **Устранение дистаксии**, то есть отрыва друг от друга слов, связанных грамматически и по смыслу. В латинском языке, где отношения между словами чётко выражались при помощи окончаний, прилагательное могло отделяться от существительного, к которому оно относится, дополнение – от имени. Например: *Книгу мальчик прочёл интересную*. Постепенно во французском языке произошло стяжение синтаксических групп: определяющее должно не отделяться от определяемого, чаще всего следуя за ним: *Le garçon a lu un livre intéressant*.

2) В тесной связи с предыдущей тенденцией оказались и закономерности **изменения порядка слов**. В латинском языке была тенденция ставить глагол на последнее место. Постепенно он перешёл на второе – между подлежащим и дополнением: это объясняется тем, что глагол должен находиться рядом как с группой субъекта, так и с группой объекта. Эта тенденция осуществлялась постепенно: в старофранцузском языке были практически возможны все виды порядка слов: *SVC, CVS, VSC, CSV, SCV, VCS* (соответственно *S* – подлежащее; *V* – глагольное сказуемое, *C* – дополнение). Но сохранились лишь первый: *Pierre lit un livre*, и в вопросительной форме – второй: *Quel livre lit Pierre?* Остальные исчезли, поскольку в них подлежащее или дополнение отделяло глагол от другого члена. Они возможны только при служебных подлежащих и дополнениях: *Pierre le voit (SCV)*; *L'homme que Pierre voit (CSV)*.

3) Значительные сдвиги произошли в развитии вопросительной конструкции, отрицательной конструкции и в организации сложного предложения.

§ 6.7 Природа сложного предложения и его частей

Сложное предложение – полипредикативная единица, состоящая из двух или более компонентов, образующая смысловое, структурное и интонационное целое. Сложное предложение – единица более высокого уровня, чем простое предложение, которое является строительным материалом для сложного. Соотношение между простым и сложным предложениями отражается в традиционной французской терминологии, где **phrase** обозначает сложное предложение, а **proposition** – простое, независимое предложение или часть сложного.

При анализе сложного предложения возникают следующие основные теоретические вопросы: 1) природа и признаки сложного предложения и его частей; 2) соотношение между тремя типами связи: бессоюзным соположением, сочинением, подчинением; 3) различие между сочинением и подчинением; 4) классификация сложных предложений. Кроме того, каждый отдельный вид сложного предложения ставит свои частные проблемы, касающиеся порядка следования компонентов, употребления наклонений и времён в них и другие.

Сложное предложение представляет собой объединение простых предложений. Вопрос о том, являются ли компоненты сложного предложения сами по себе предложениями или нет, вызывает спор. Однако диалектический характер сложного предложения состоит именно в том, что его компоненты одновременно имеют и не имеют признаков отдельного предложения. Согласно известному диалектическому закону не только целое строится из частей, но сами части преобразуются под воздействием целого. Части сложного предложения в известной степени автономны, но сложное предложение обладает структурно-семантической целостностью.

Автономность компонентов сложного предложения проявляется в наличии у них самостоятельного предикативного центра: подлежащего и глагола в личной форме. В этом они подобны отдельным предложениям.

Целостность сложного предложения проявляется:

- 1) в интонации завершения (так, понижение тона в конце

повествовательного предложения наблюдается только у последнего компонента сложного предложения);

2) в наличии союзов и союзных слов (местоимений, наречий), объединяющих части сложного предложения;

3) в семантической неполноте одной из частей предложения. Например: *Or il advint que Federigo perdit lui-même tout ce qu'il avait gagné* Но случилось так, что Федерико потерял всё, что он заработал. Фраза не может быть оборвана после слова *advint* или *ce*;

4) в соотнесённости категорий предложения, таких как лицо, время, модальность, целеустановка, отрицательность;

5) в соотнесённости лексического состава компонентов;

6) в порядке следования компонентов.

Если компоненты сложного предложения подобны простому предложению по структуре, то функционально они отличаются от него.

Тип и характер связи, интонация, степень обязательности придаточной части, порядок компонентов образуют структурную схему сложного предложения. Наряду с типовой структурой сложного предложения, существуют свёрнутые формы, к которым относятся сложные предложения с неполной (безглагольной) главной или придаточной частью: *Heureusement qu'il est venu à temps. // Michel est plus fort que toi*. В лингвистике обсуждается вопрос, являются ли такие предложения простыми или сложными.

§ 6.8 Семантические особенности сложного предложения

Если простое предложение описывает событие (ситуацию, отношение), то сложное отображает связь между событиями. В этом его семантическая сущность. Например, фраза *Comme la voiture est en panne, il faut aller à pied* показывает два события, связанные причинно-следственными отношениями. В предложении *L'homme que vous voyez là-bas est mon frère* Человек, которого вы видите там, мой брат объединены два отношения: идентификация субъекта говорящим (*L'homme est mon frère*) и

способ его идентификации собеседником (L'homme que vous voyez).

В сложном предложении своеобразно преломляются категории предложения. В нём могут сочетаться личное и безличное предложение, отрицательное, вопросительное, повествовательное и т.п. Каждый тип сочетания порождает определённые смыслы в целом предложении.

Особый вопрос представляет актуальное членение сложного предложения. В принципе оно следует тому же правилу, что и простое. При нейтральной интонации начальная часть – тема, конечная – рема. Ср.: Comme il était malade (*T*), il n'a pu venir (*R*)... – *Поскольку он был болен (T), он не смог прийти (R)*... // Il n'a pu venir (*T*) parce qu'il était malade – *Он не мог прийти (T), потому что он был болен.*

Однако в сложном предложении больше, чем в простом, наблюдается многослойность, внутренний динамизм актуального членения, поскольку каждый компонент имеет свою внутреннюю коммуникативную структуру. Иногда всё содержание сложного предложения относится к теме, тогда как рема отражает смысловую связь между событиями. Нередко придаточное предложение образует монорему. В дополнительных придаточных актуальное членение может зависеть от семантики глаголов главной части, от того, на какой вопрос отвечает сложное предложение. Например: Qu'est-ce que tu veux? Je veux (*T*) qu'il vienne (*R*), но Veux-tu qu'il vienne? Oui, je veux (*R*) qu'il vienne (*T*). При глаголах сомнения, чувства, выражающих отношение к известному факту, главная часть – рема: Je doute (*R*), qu'il vienne (*T*); Je regrette (*R*) qu'il ne soit pas venu (*T*).

§ 6.9 Сверхфразовое единство и текст

Грамматический анализ предложения не может ограничиваться рамками данного предложения. Ряд особенностей его структуры, таких как употребление местоимений и артиклей в некоторых случаях, порядок слов, связанный с актуальным членением, иногда и выбор глагольного времени, может быть объяснён только при условии выхода за его пределы и учёта его

окружения. Подобно тому как грамматическая форма слова изучается и с точки зрения её внутреннего состава, и в её отношении к единице, частью которой она является, то есть к предложению, так и предложение должно изучаться не только в аспекте своей внутренней структуры, но и как составная часть более крупного образования. Таким образованием является **сложное синтаксическое целое**, называемое также **сверхфразовым единством**.

Сверхфразовые единства, соединяясь, образуют текст. Таким образом, намечается следующая типология коммуникативных образований: **предложение** (простое или сложное) – **сложное синтаксическое целое** (совокупность двух или более предложений) – **текст**. На всех трёх уровнях обнаруживаются определённые средства организации данного языкового образования. Однако, чем более мы выходим за пределы предложения, тем больше к собственно грамматическим средствам добавляется организующая функция лексических и интонационных средств. Лексические средства выполняют в тексте важную организующую функцию. Анализ структуры текста связан с такими проблемами как кореференция, семантическое соотношение номинаций в тексте, роль пресуппозиции в построении текста.

При анализе структуры текста исследуются прежде всего такие вопросы его организации, как выделение структурно-смысловых единиц его сверхфразовых единств, абзацев, параграфов, глав, определение особенностей начальных элементов текста (зачинов), его конечных элементов (концовок). Мы начнём анализ организации текста с сверхфразового единства.

Текст и его членение относятся к сфере речи. Если в предложении можно выделить два аспекта – языковой (*структурная схема*) и речевой (*высказывание*), то для сверхфразового единства и тем более для текста в целом невозможно выявить определённые структурные схемы. Структурные схемы предложения можно инвентаризировать; они принадлежат к знанию лиц, говорящих на данном языке, содержатся в сознании говорящих. Инвентаризировать структуры текстов и сверхфразовых единств невозможно, они бесконечно разнообразны и целиком принадлежат к сфере функционирования (а не устройства) языка, то есть к сфере речи, даже в тех случаях, когда имеются устойчи-

вые формы текстов определённых жанров (деловые письма, дипломатические документы, патенты и т.п.).

Из этой особенности следует другая отличительная черта текста: нежесткость границ между его подразделениями, в частности сверхфразовыми единствами, разнообразие и нефиксированность средств организации. Говорящий заранее знает, как объединить слова в предложение. Но он не может знать, как он будет объединять предложения в текст. Правила в этом случае менее обязательны.

Ввиду многозначности термина «текст», который используется в разных направлениях исследований, во французской лингвистике употребляется иногда термин *дискурс* как *последовательность языковых элементов, создающая речевое образование с определённой смысловой целостностью и структурной организацией*.

Сверхфразовое единство – основной смысловой и структурный элемент связной речи (текста), единый в отношении содержания и с определенной внутренней структурой. Следует отличать сверхфразовое единство от абзаца, который представляет собой композиционно-структурный элемент текста. Нередко в одном абзаце заключено два и более сверхфразовых единства. Напротив, одно сверхфразовое единство может быть разбито на ряд абзацев. Это особенно характерно для драматургических произведений, где одно сверхфразовое единство – вопросо-ответный ход, членится на ряд самостоятельных строк. Абзац – часть текста между двумя красными строками.

Сверхфразовое единство отличается и от параграфа – композиционного элемента текста, объединяющего несколько сверхфразовых единств и абзацев. Параграфы нередко разделены отступами, пробелами строк. Параграфы объединяются в главы; небольшие главки могут состоять из одного параграфа.

В семантическом плане сверхфразовое единство характеризуется единством темы: как правило, в нём развивается одна микротема, включающая ряд событий. Существуют два основных типа отношений между событиями:

- 1) отношения одновременности, связывающие синхронные факты, касающиеся одного или чаще разных субъектов;
- 2) отношения последовательности, связывающие факты,

следующие один за другим, нередко относящиеся к одному субъекту.

Этим двум типам отношений соответствуют два семантических типа сверхфразовых единств: **описательный** и **повествовательный**. Первый используется при описании обстановки, внешности, переживаний персонажей, второй – при описании действий.

Описательное сверхфразовое единство часто строится по принципу параллелизма, повествовательное – по принципу последовательности. Рассмотрим следующий отрывок:

Au petit jour, nous avons recueilli sur les ailes, en les essuyant avec un chiffon, un fond de verre de rosée de peinture et d'huile. C'était éccœurant, mais nous l'avons bu. Faute de mieux nous aurons au moins mouillé nos lèvres. Après ce festin, Prévot me dit :

«Il y a heureusement le revolver».

Je me sens brusquement agressif, et je me retourne vers lui avec une méchante hostilité. Je ne haïrais rien autant, en ce moment-ci, qu'une effusion sentimentale. J'ai un extrême besoin de considérer que tout est simple. Il est simple de naître. Et simple de grandir. Et simple de mourir de soif (A. de Saint-Exupéry).

В этом тексте выделяются два сверхфразовых единства: первый абзац – повествовательный, второй – описательный.

Внутри сверхфразового единства, так же как и внутри текста в целом, только первое предложение семантически независимо (автосемантично), оно и выступает как сигнал начала сверхфразового единства. Последующие предложения семантически связаны с первым (синсемантичны). Они разъясняют его, обобщают или развивают его смысл. Это видно на примере второго сверхфразового единства. Первая фраза *Je me sens brusquement agressif...* не вытекает семантически из предыдущего сверхфразового единства (реакция говорящего могла бы быть иной). Но зато последующие предложения раскрывают её значение, мотивируют поведение автора и дают обобщение.

§ 6.10 Взаимодействие синтаксиса и лексики

Из отобразительной функции синтаксических категорий вытекает их тесная связь и взаимодействие с лексикой. Синтаксические категории отображают функции объектов в ситуации. Но для выполнения определённой функции объект должен обладать определёнными свойствами, которые отражаются в значении слова.

Лексико-синтаксическое взаимодействие существенно прежде всего на уровне общих семантических категорий частей речи. «Как правило, в синтаксис «вмешивается» не семантика отдельных слов, а семантика определённых (более или менее общих) категорий»⁷⁸. Среди таких категориальных значений особую важность у существительного имеют значения предметности / процессуальности, одушевлённости / неодушевлённости, исчисляемости / неисчисляемости и другие.

Различные синтаксические свойства проявляют и слова более узких семантических групп: локальные, обозначающие пространство (*maison, ville*); темпоральные (*jour, année*); наименования частей тела и другие. У глаголов наиболее важны различия переходности / непереходности, действия / состояния и т.п. Взаимодействие синтаксиса и лексики проявляется в следующем:

1. Лексическое значение накладывает ограничения на возможность использования слова в определённых синтаксических функциях и структурах (например, малоупотребительность неодушевлённых имён существительных в функции подлежащего при переходном глаголе);

2. В зависимости от категориального лексического наполнения различаются синтаксические категории или реализации синтаксических моделей. Для членов предложений категориальное значение слова, особенно существительного, может оказаться решающим. Так, одна и та же структура – *предлог dans + имя существительное* образует обстоятельство места при ло-

⁷⁸ Будагов Р.А. Человек и его язык: монография / Р.А. Будагов. – М., 1976. – С. 178.

кальном значении имени существительного (*dans la maison*), обстоятельство времени при темпоральном значении имени существительного (*dans une heure*), обстоятельство образа действия при отвлечённом значении имени существительного (*dans l'attente*).

Для словосочетания большое значение имеет соотношение семантики его компонентов. Сочетание *существительное₁ + de + существительное₂* выражает отношение происхождения при пространственном значении *существительного₂* (*des vins de France*); материал, из которого изготовлен предмет, при вещественном значении *существительного₂* (*la table de bois*); характеристику *существительного₂* при качественном значении (*la beauté du paysage*); принадлежность, если между *существительным₁* и *существительным₂* отношения части и целого (*le pied d'une table*); родственные, социальные и т.п. отношения при одушевлённых *существительном₁* и *существительным₂* (*le fils de mon frère*; *le maître de Jacques*) и так далее.

В предложении одна и та же структурная схема получает различные значения в зависимости от категориальных значений существительного и глагола. Структура *существительное₁ + глагол + существительное₂* может выражать активное действие при *существительном₁* – одушевлённом и *глаголе* – активном глаголе (*Les oiseaux font leur nid*), отношение при глаголе обладания (*Pierre a une sœur*); состояние при *существительном₁* обозначающем состояние (*Pierre a fait une grippe*) и далее.

3. Со своей стороны синтаксическая структура воздействует на лексическое содержание слова. Наличие дополнений и их характер дифференцирует значения глаголов и прилагательных (ср.: *décoller qch* и *l'avion a décollé*; *Il n'est pas bon* и *Il n'est pas bon à cela*). В определённых условиях самостоятельные слова могут десемантизироваться, превращаясь в формальные средства связи.

4. Не только синтаксическая конструкция возникает из соединения слов, но и слова нередко подбираются к определённой синтаксической структуре. При организации предложения синтаксис и лексика «идут навстречу друг другу». Например, во французском языке нежелательна (а нередко и невозможна) инверсия подлежащего. Поэтому подбирается прямопереходный

глагол таким образом, чтобы выделяемые в конце предложения слова выступали бы в функции дополнения. Ср.: *За этого кандидата проголосовали избиратели* — *Ce candidat a réuni la totalité des voix*.

Слова разных частей речи выполняют в предложении различные функции. Логико-семантическая структура предложения характеризуется тем, что подлежащее обозначает предмет, тогда как сказуемое выражает признак или действие, характеристику в общем плане этого предмета. Поэтому в функции подлежащего и вообще субстантивных членов предложения выступают по большей части слова, которые способны идентифицировать предмет: быть его знаковым заместителем⁷⁹.

Это прежде всего имена собственные, существительные предметные с определённым артиклем и местоимения, их замещающие. У этих слов здесь реализуется, прежде всего, денотативная семантическая функция, то есть способность указывать на конкретный объект, идентифицировать его, выделять его из ряда объектов. (Ср.: *Ce garçon = le fils de ma voisine = Pierre*.) Прилагательные и глаголы выступают очень часто в функции предиката, характеризующего субъект. Прилагательные и наречия характеризуют объекты и признаки.

Все эти слова не могут идентифицировать объекты, у них реализуется в первую очередь сигнификативный аспект значения – способность указывать на признак, на общее понятие, свойство, под которое подводится или которым характеризуется субъект. В предложениях *La Renault est une voiture*; *Pierre a une voiture* реализуется сигнификативное значение слова, в *Il a pris sa voiture* – денотативное (речь идёт конкретной автомашине).

Между этими двумя крайними категориями – идентифицирующие и предикативные слова – обнаруживается ряд промежуточных явлений. Прежде всего существительные – полифункциональны. Они также могут выражать предикат. Но в этом случае их значение обедняется – они обозначают не предмет со всеми его признаками, а лишь определённое свойство и используются в обобщённом значении.

⁷⁹ Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: монография / Н.Д. Арутюнова. – М., 1976.

Сравним предложения: *Cet étudiant a bien passé ses examens* и *Paul est étudiant*. В первом предложении *Cet étudiant* указывает на конкретное лицо – студента – со всем богатством его индивидуальных признаков. Во втором – *étudiant* обозначает только то, что Поль учится в высшем учебном заведении, конкретные признаки не имеются в виду. Различная семантическая функция слова проявляется в разных правилах местоимённых и других замен. Так, если мы скажем *Paul est étudiant; L'étudiant a bien passé son examen*, то *L'étudiant* второй фразы не будет соотноситься с *étudiant* в первой, ибо в первом случае слово указывает на весь класс предметов, а во втором – только на одного его представителя. Имя существительное с оценочным значением также используется как предикатное слово в составе сказуемого (*Paul est un as*).

Абстрактные имена существительные, обозначающие качества или действия, могут занимать позиции предметных имён, только если они в свёрнутом виде выражают другой процесс. Ср.: *Il n'est pas content de Paul* и *Il n'est pas content du départ de Paul* (= de ce que Paul part).

Литература к модулю

Основная

Гак В.Г. Введение во французскую филологию: учебное пособие для вузов / В.Г. Гак. – М.: Просвещение, 1986. – С. 167-170.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис: учебник для вузов / В.Г. Гак. – М.: Высшая школа, 1986.

Дополнительная

Будагов Р.А. Введение в науку о языке: учебное пособие для вузов / Р.А. Будагов. – 2-е изд., перераб. и доп – М.: Просвещение, 1965. – С. 330-364.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка: учебник для вузов / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – С. 461-785.

Краткая русская грамматика / Российская Академия наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова; Коллектив ав-

торов: В.Н. Белоусов, И.И. Ковтунова, И.Н. Кручинина и др.; под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. – 2-е изд., стереотип. – М., 2002. – С. 8, 392-705.

Реформатский А.А. Введение в языковедение: учебник для вузов / А.А. Реформатский; под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 324-364.

Тарасова А.Н. Французская грамматика для всех в 2-х частях: Часть 2. Синтаксис. Простое и сложное предложение: систематический курс нормативной грамматики французского языка / А.Н. Тарасова. – М.: Просвещение, 1999.

Модуль 7

Лексика современного французского языка

§ 7.1 Лексика французского языка. Способы обогащения лексического состава языка

Существуют четыре способа обогащения лексического состава языка, расширения его номинативных возможностей: 1) внутренние ресурсы словообразования (словопроизводство, словосложение), 2) переосмысление слов, 3) заимствование, 4) создание словосочетаний. В ходе эволюции французского языка, активно использовались все эти способы, причём нередко они сочетались между собой: аффиксы, унаследованные от латыни, переосмыслились; заимствовались не только отдельные слова, но и способы словообразования; заимствованные слова подвергались переосмыслению.

Основное ядро французской лексики составляют слова, непосредственно пришедшие из народной латыни⁸⁰. Исследователи французского языка нередко говорят о «сравнительной бедности» старофранцузского словаря, о неопределённости значений слов в нём. Это неверно. Старофранцузский язык вполне обеспечивал потребности общества своего времени. Разумеется, это общество было менее дифференцированным профессионально, чем современное, людям того времени приходилось иметь дело с меньшим числом разнообразных орудий и технических приспособлений, были ограничены их знания о внешнем мире, они не разрабатывали теорий на французском языке (это делалось на латинском языке). Таким образом, «бедность» языка отнюдь не означает его неадекватности потребностям человеческого общения.

По мере того как в обществе возникают новые проблемы и

⁸⁰ См. *Гурычева М.С.* Народная латынь: учебное пособие для вузов / М.С. Гурычева; предисловие и послесловие Л.Г. Ведениной. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

задачи, в языке образуются соответствующие слова для их обсуждения и решения. Более того, в определённых сферах, отражающих особенности средневековой жизни, старофранцузский язык был богаче современного. Приведём пример. Исследователи современного языка отмечают обилие новых слов с компонентами *télé-* и *radio-*. Словарь неологизмов французского языка П. Жильбера (1980) и русский словарь «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения»⁸¹ (1998) приводят по несколько десятков неологизмов с этими компонентами (в значении «телевидение» и «радиовещание»). И это понятно: радио и телевидение являются основными средствами передачи информации на расстояние в наше время.

В Средние века основным средством передачи сообщений на расстояние в Европе был рожок, горн. Вспомним, что, когда Роланд вынужден был сообщить о трудностях своего отряда Карлу, ушедшему с войсками вперёд, он пытался затрубить в свой рог Олифант (современный командир использовал бы радиацию)⁸².

В словаре старофранцузского языка Греймаса (1968) мы находим целый ряд слов и значений слов от корня *cor(n)-* ‘рог’, которых нет в современном языке: *cornet* ‘рожок’ (пастуший) устарело в этом значении; *cornon* ‘рог’; *corneis*, *cornement*, *cornepure* ‘звук рога’; *corniart* ‘род трубы’; *cornetier* ‘мастер, изготавливающий охотничьи рога’; *cornison* ‘звук трубы’; *cornear*, *cornier* ‘трубач’; *cornée* ‘расстояние, на котором слышен звук рога’. В современном языке слова *cor*, *corne* сохранились в прямых значениях, их производные – преимущественно в переносных *cornet* ‘кулёк’, *cornier* ‘угловой’, *cornement* ‘звон в ушах’, *cornée* ‘роговица глаза’ и т.п. Слова и значения, связанные с рогом, как средством общения на расстояние, исчезли: в наши дни нет необходимости в существовании мастеров по изготовлению сигнальных рогов; расстояние, на которое разносится звук рога,

⁸¹ При создании Словаря использована Лексикографическая информационная система созданная при поддержке РГНФ (проект № 96-04-12074).

⁸² *Песнь о Роланде*. Старофранцузский героический эпос / Изд-е подготовили И.Н. Голенищев-Кутузов, Ю.В. Корнеев, А.А. Смирнов и др. – М.-Л.: Наука, 1964 (Серия «Литературные памятники»).

стало неактуальным.

§ 7.2 Словообразовательные средства современного французского языка

Старофранцузский язык обладал значительными **словообразовательными средствами**. Тем не менее, он усвоил ряд аффиксов из других языков: **-and, -ard** из франкского, **-ade** из провансальского, **-esque** из итальянского. Но наиболее существенными были заимствования из латинского языка. Латинизация и релатинизация французского словаря сильно изменили систему французского словообразования. Были заимствованы суффиксы **-aire, -at, -(a)teur, -(a)trice, -(a)ture, -al, -ique, -isme, -iste, -ité, -(a)toire**. Они стали употребляться как варианты или синонимы суффиксов народного происхождения; ср. **-ateur** и **-eur**; **-ature** и **-ure**, а в ряде случаев вытеснили их; так, **-ation, -ition** вытеснило народный суффикс **-aison, -ison** (*comparaison, trahison*), происходивший тоже от латинского **-tio(nem)**.

В результате латинских заимствований и использования латинско-греческих основ французская лексика приобрела ту пестроту, о которой говорилось выше: слова, относящиеся к одной семье, по форме значительно различаются; ср. *fait* ‘факт’ и *facteur* ‘фактор’; *bouillir* ‘кипеть’ и *ébullition* ‘кипение’; *écrire* ‘писать’ и *inscription* ‘надпись’ и т.п.

Особенно много было заимствовано из латинского языка слов, показывающих отвлечённые («вторичные») понятия: отглагольные и абстрактные существительные, относительные прилагательные, в связи с чем и вошли в язык суффиксы типа **-aire, -ation** и т.п.

Под влиянием латинского языка появились и новые формы словосложения с соединительным гласным звуком (*politico-économique, afro-asiatique*), тогда как исконно французскому словосложению свойствен синтаксический способ – соположение основ: *maintenir, cheflieu, casse-tête*. Заимствование аффиксов имеет место и в современном языке. Так, вместе с английскими заимствованными словами во французский язык пришёл суффикс **-ing**, обозначающий действие, место действия, который

стал образовывать слова уже на французской почве, независимо от английского языка: *saravaning* и др.

Повторные заимствования из латинского языка основ, суффиксов, слов, но в уже ином фонетическом виде привели к образованию в нём дублетных форм («народной» и «учёной»), целых слов, основ, суффиксов.

Латинское слово	Исконно-французское слово	Заимствованное из латыни слово
oculus ‘глаз’	œil	oculaire ‘глазной’
calvus ‘лысый’	chauve	calvitie ‘лысина’
lege(m) ‘закон’	loi	légal ‘законный’
mobile	meuble	mobile
advocatus	avoué	avocat
liberare	livrer	libérer
causa	chose	cause
pac-	paix	pacifique
	paisible	pactiser
locum	lieu	loc(al)
-(a)tio(n)	-aison	-(a)tion
-(a)tor	-eur	-(a)teur

Таким образом, с точки зрения фонетического облика в современном французском языке различаются два типа слов:

1) *слова «народного» происхождения*, которые были усвоены ещё галло-римлянами, и подпали под действие фонетических процессов старофранцузского языка⁸³;

2) *слова «учёного» происхождения*, заимствованные в разное время из латыни, когда эти процессы уже перестали действовать.

Этим объясняется значительное расхождение в фонетическом облике французских слов, принадлежащих к одному гнезду. В русском языке легко устанавливается связь между словами

⁸³ К таким процессам относят: дифтонгизацию гласных звуков, различные чередования звуков (*clair / clarté, je dois / nous devons* и т.д.), стяжение дифтонгов в простые звуки; упрощение групп согласных и отпадение конечных согласных и многие другие. Почти все эти процессы перестали действовать к концу среднефранцузского периода и не распространялись на новые заимствованные слова.

глаз – глазной, лысый – лысина, закон – законный, во французском она не так очевидна, потому что первое слово пары – «народное», оно подверглось сильному фонетическому изменению, второе – «учёное» и взято в форме, близкой к латыни. В парах слов *oculus > œil* и *lege(m) > loi* представлено выпадение интервокальных *-c-* и *-g-*; превращение *o > œ*; переход *ca > cha*; *e > oi*; вокализация *l* перед согласной *al > au*.

Эти соответствия между современным французским и латинским языками помогают понять словообразовательные связи в языке, а также ряд явлений современной французской орфографии. При этом во многих случаях нет необходимости обращаться к латинскому первоисточнику: латинская форма основы представлена в заимствованных словах из латинского, итальянского и даже английского языков.

§ 7.3 Переосмысление значений слов и формирование словосочетаний различной степени устойчивости

Переосмысление значений слов играло большую роль в развитии номинативных возможностей французского словаря. Семантическую структуру слов представляют в виде единства трёх сторон: формы слова, его содержания (т.е. выражаемого им понятия) и соотносённости с предметом, который оно обозначает. В любом из этих аспектов могут произойти изменения, но только изменение в содержании слова, в его значении, является семантическим, отражает его переосмысление.

В истории французского языка глагол *occire* был вытеснен глаголом *tuer*, глагол *choir* – глаголом *tomber*, но это не семантические изменения, а изменения обозначения одного и того же понятия. Если изменяется предмет, охватываемый данным понятием, то это тоже необязательно ведёт к переосмыслению слова. Современный дом по устройству отличается от средневекового, но в слове *maison* не произошло семантического сдвига: оно продолжает выражать понятие «жилое здание». Правда, иной раз нелегко определить, что перед нами: изменение предмета или изменение значения слова. Сто лет назад *monter dans sa*

voiture значило ‘сесть в карету’ и ‘взяться за вожжи’, теперь же – ‘сесть в автомобиль’ и ‘взяться за руль’⁸⁴. Если считать, что слово *voiture* обозначает весь экипаж вообще, то семантического изменения тут нет. Если же полагать, что оно постоянно может указывать на определённую разновидность экипажа – «автомобиль», то речь уже будет идти о семантическом процессе сужения значения слова *voiture*.

Семантические процессы, как и любые процессы, характеризуются со стороны причины (факторов), форм и результатов. Причины изменения значений слов могут быть историко-культурными, психологическими и внутриязыковыми.

К **историко-культурным факторам** относится появление нового предмета, который нужно обозначить, и часто с этой целью используется существующее слово, которое, следовательно, переосмысливается. Например, чтобы обозначить прибор, производящий сложные операции в ЭВМ, использовали слова *cerveau électronique*. Слово *cerveau* ‘мозг’ подверглось метафорическому переносу.

К **психологическим факторам** относятся табу и эвфемизмы (стремление избежать определённых слов), тенденция к гиперболизации, аффективности, ироническому способу выражения. Используемые при этом слова также могут переосмысливаться. Тенденция к экономии усилий приводит к эллипсисам⁸⁵, образуется более компактное обозначение, но оставшееся слово переосмысливается. Например, вместо *voiture automobile* говорят *voiture* или *automobile*.

К **внутриязыковым факторам** относятся особенности слов (отдельных лексем) и связи между ними. В истории французского языка некоторые слова подверглись фонетическому стиранию, их заменили более длинные синонимы, которые при этом изменили своё значение. Например, вместо *ouïr* ‘слышать’ (< *lat. audire*) стал употребляться глагол *entendre*, первоначально значивший ‘иметь в виду’.

⁸⁴ *Mitterand H. Les mots français / H. Mitterand. – Paris, 1963, p. 87.*

⁸⁵ **Эллипсис** [*др.-греч. ellipsis* ‘пропуск’] – пропуск в речи слов, которые легко подразумеваются или восстанавливаются из контекста, в определённой речевой ситуации.

Слово в языке живёт не изолированно, но образует различные группировки с другими словами. Объединяемые по общности значения слова формируют семантическое поле, внутри которого постоянно происходят изменения: слово может расширить объём значения за счёт соседа. Например, слово *testa* (> *tête*) первоначально значило ‘черепок’ и метафорически стало обозначать ‘голову’. С течением времени *tête* утратило экспрессивный оттенок, его значение расширилось, оно стало вытеснять синоним *chef* (< *лат. caput*) из ряда его употреблений, в силу чего изменилась семантика обоих членов микросистемы *chef – tête*.

Формы семантических изменений определяются логическими отношениями между понятиями. Таких отношений в логике отмечается пять; из них для семантической эволюции слов особое значение имеют три: отношения включения, исключения и перекрещивания.

Отношение включения объединяет родовое (широкое) понятие и видовое (узкое). Переход от широкого понятия к узкому называется *сужением* (импликацией), а обратный процесс – *расширением* значения слова (экспликацией). Если в значение слова включать его стилистическую характеристику и экспрессивно-эмоциональный компонент, то расширение и сужение могут быть *идеографическими* (понятийными), *стилистическими* (нейтрализация или специализация значения), *экспрессивными* (облагораживание или ухудшение значения). Примеры идеографического сужения: *лат. labogare* ‘трудиться’ > *франц. labourer* ‘пахать’ (определённый вид трудовой деятельности); расширения: *лат. stationem* ‘время посева’ > *франц. saison* ‘время года’ (любое); облагораживание смысла (положительная коннотация): *tête разг.* ‘котелок’ > ‘голова вообще’; ухудшение смысла (отрицательная коннотация): *imbécile* ‘слабый’ > ‘глупый’.

Отношение исключения объединяет два соподчинённых видовых понятия; переход от одного из них к другому называется смещением: *лат. bucca* ‘щека’ > *франц. bouche* ‘рот’ (оба слова обозначают части тела).

Отношение пересечения понятий лежит в основе метафоры (перенос по сходству) и метонимии (перенос по смежности). Примеры метафоры приводились выше: *tête* (голова срав-

нивалась с черепком), *cerveau électronique* (устройство сравнивается с мозгом). Особенно разнообразны метонимические переносы; это может быть качество и его носитель: *jeunesse* ‘молодость’ и ‘молодёжь’; материал и предмет: *caoutchouc* ‘каучук’ и ‘галоша’ и т.п.

В результате семантических сдвигов изменяется соотношение между формой и содержанием: слово приобретает либо утрачивает многозначность, образуются и дифференцируются синонимы, формируются омонимы, антонимические пары. Всякое семантическое изменение ведёт к перестройке системных связей в сфере лексики.

В течение всей истории французского языка формировались словосочетания разной степени устойчивости – свободные словосочетания и устойчивые словесные комплексы (УСК). Они позволяют компенсировать недостаток средств словообразования; ср. *attrister* ‘опечалить’, но *rendre heureux* ‘осчастливить’, а также выразить бесконечное разнообразие оттенков, поскольку словосочетание вообще является наиболее гибким способом обозначения.

Особенно характерны для французского языка сочетания с каузативными глаголами (типа *faire sauter* ‘взорвать’, *laisser passer* ‘пропустить’), глагольно-именные сочетания без артикля (*avoir peur* ‘бояться’), с артиклем или предлогами. Прислуженные глаголы в них позволяют выразить залоговые и иные значения, например: *être en forme* – *mettre en forme* – *tenir en forme*, *avoir pitié de* – *prendre pitié de* – *faire pitié*.

В широком использовании словосочетаний видят проявление аналитических тенденций французского языка в сфере лексики.

§ 7.4 Заимствование французским языком слов из других языков

В своей истории французский народ общался с другими народами, что проявилось в заимствованиях французским языком слов из других языков и в заимствованиях из французского языка в другие. Проанализировав словари П Гиро⁸⁶ насчитал во французском языке 2 886 заимствованных слов, кроме заимствований из латинского и древнегреческого. Не учитываются также заимствования из языков национальных меньшинств Франции: бретонского, баскского, окситанского и др.

Заимствованные слова можно описывать исходя из трёх критериев: хронологического, географического и тематического.

Рассмотрим тематические группы заимствований. По числу слов, заимствованных из них французским языком, языки, по данным П. Гиро, образуют такую последовательность: итальянский (824), английский (694)⁸⁷, испанский (302), арабский (269), нидерландский (214), немецкий (167), индейские языки Латинской Америки (89), португальский (56), скандинавские (46), турецкий (45), славянские (38), малайский (25) и другие, давшие каждый менее 25 слов.

По векам заимствования распределяются следующим образом: XII век – 87, XIII век – 84, XIV век – 143, XV век – 151, XVI век – 595, XVII век – 549, XVIII век – 443, XIX век – 630, XX век – 101. Эти данные показывают, что было два периода максимального притока заимствований во французский язык: первый в XVI веке, второй – в XIX-XX веках. Первый период был связан со становлением французского национального языка, с расширением его номинативных возможностей. Затем произошёл некоторый спад, так как в классический период старались не расширять словарный состав языка. В XIX веке начался новый приток заимствованных слов в связи с изменениями в общественной жизни, развитием различных отраслей науки и тех-

⁸⁶ *Guiraud P. Les mots étrangers / P. Guiraud. – Paris, 1965.*

⁸⁷ Явно преуменьшенные данные: число англицизмов за последние 20 лет значительно возросло. См.: *Rey-Debove J., Gagnon G. Le dictionnaire des anglicismes / J. Rey-Debove, G. Gagnon. – Paris, 1980.*

ники, более близким знакомством с жизнью других континентов. Изменялись и источники заимствований. В XII-XIII веках наибольшее число заимствованных слов поступало из арабского и нидерландского языков, в XVI-XVII веках – из итальянского и испанского, начиная с XVIII века больше всего слов даёт английский язык.

В заимствовании слов отражаются прежде всего торговые отношения между народами. В XII-XIII веках торговые термины, в частности названия товаров, заимствовались из арабского языка (*coton, safran, sucre, ambre*), позднее из итальянского (*banque, douane, tarif, avarie*), причём некоторые термины попали в итальянский из арабского, начиная с XVIII века – из английского, особенно их много в наши дни (*slogan, marketing, Internet, web of science, etc.*).

Противоположная форма контактов между народами – война – также стимулирует заимствование слов. В XVI-XVII веках термины военного дела шли во французский язык из итальянского языка (*canon, citadelle, soldat, calibre*) в связи с войнами, которые велись в Италии, затем из испанского, во время войн с Испанией в XVII веке. В XVII-XVIII веках стали проникать немецкие слова (*cible, halte, bivouac, arquebuse*) и через посредство немецкого – чешские и венгерские (*obus, sabre, hussard*). Много слов, относящихся к морскому делу, пришло из нидерландского и скандинавских языков.

Термины, относящиеся к науке, заимствовались в Средние века из арабского языка (*élixir, alambic*), позднее – из итальянского, начиная с XIX века – из английского и немецкого. Немецкого происхождения французские названия ряда металлов и минералов: *zinc, nickel, quartz, bismuth*. П. Гиро объясняет это тем, что в Германии было развито горнорудное дело и Франциск I приглашал мастеров из Гарца для организации рудников во Франции.

Слова, относящиеся к политической деятельности, заимствовались в XVI веке из итальянского языка, начиная с XVIII века – из английского. Также из английского языка взята большая часть заимствованной спортивной лексики.

Многие слова, относящиеся к искусству, архитектуре, быту, итальянского происхождения (*appartement, grotte, piédestal,*

violon, bronze, cadre, contraste, lustre, masque, veste).

Многие заимствованные слова обозначают реалии соответствующих стран, особенности их быта, географии, животного мира и др. Таковы испанские слова *matador*, *boléro*, скандинавские *fjord*, *geyser*, *slalom*, немецкие *aurochs*, *élan*, *hamster*, *choucroute*. Через испанский язык пришли обозначения реалий Нового Света (*créole*, *vanille*).

Нередко заимствованные слова несут стилистическую окраску: они являются более «престижными» или «модными» обозначениями объектов, чем «своё» слово, либо, напротив, приобретают разговорный или пренебрежительный оттенок. Например, *hâbler* ‘болтать попусту’ (*исп. hablar* ‘говорить’), *palabres* ‘пустые слова’ (*исп. palabras* ‘слова’), взятые из арабского слова *smalah*, *maboul*, *kif-kif*, *barda*, *toubib*.

Изучение иностранных заимствований в историческом аспекте ставит теоретическую проблему, касающуюся определения источника, что не всегда легко установить. Так, слово *douane* пришло во французский язык из итальянского, но в него оно проникло из арабского. Должны ли мы считать это слово итальянским или арабским по происхождению?

Другая проблема, связанная с заимствованными словами, – вопрос их ассимиляции. Ассимиляция может быть морфологической, фонетической, орфографической. Французский язык слабее адаптирует заимствованные слова, чем многие другие, например, испанский. В нём сохраняются формы множественного числа иностранного языка: *ср. sanatorium pl. sanatoriums*, но можно и *sanatoria*, по латинскому образцу. Он стремится сохранить произношение, максимально приближенное к подлиннику, и даже восстановить его, если оно в своё время не закрепилось. Так английское слово *club* в эпоху Французской революции произносилось [klyb], откуда *clubiste* ‘член клуба’; теперь общепринятое произношение – [klœb]. Что касается орфографии, то здесь наблюдается большой разницей: *caracul* и *karakul*, *hachiche* и *haschisch*, *goulache* и *goulasch* и т.д. Причём последние словари, даже популярный *Petit Larousse illustré*, вводят различные знаки для показа специфики произношения иностранных слов, особенно из восточных языков: *инд. sāṅī*, *араб. chi'ite* и т.п.

§ 7.5 Заимствования из французского языка в другие языки

В течение всей своей истории французский язык заимствовал много слов из других языков. Но, с другой стороны, ни один другой западноевропейский язык не может сравниться пока с французским языком по количеству слов, заимствованных из него. В разных языках – английском и немецком, испанском и итальянском, польском и русском – мы найдём больше всего заимствований из французского. Это объясняется историей Франции и французского языка, игравших важную роль в жизни Европы. Но это объясняется также и латинскими корнями французского языка.

Современная европейская научная терминология⁸⁸ в значительной мере создаётся из латино-греческого материала. Заимствуемые из французского языка слова легко ассимилировались, попадая в близкое латино-греческое окружение.

Согласно «Этимологическому словарю русского языка» под ред. Н.М. Шанского (М., 1963-1968Б вып. 1-3) в литерях А-В среди заимствованных слов взяты из французского языка 40%, из немецкого – 20%, далее следуют поступления из латинского, польского, старославянского и тюркских языков. В течение всего XIX века французский язык был основным источником заимствований для русского языка.

Английский словарь испытал – после нормандского завоевания – огромное влияние французского языка. Английский романст Дж. Орр назвал английский язык «палеонтологическим музеем» французского языка. В нём сохранились формы слов, которые французские слова имели в Средневековье. Например, *англ.* chief точно воспроизводит написание французского слова chef до XIV века, да и по произношению оно ближе к ста-

⁸⁸ См.: *Суперанская А.В. и др.* Общая терминология. Терминологическая деятельность: монография / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – 3-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008; *Гринёв-Гриневич С.В.* Терминоведение: учебное пособие для вузов / С.В. Гринёв-Гриневич. – М.: Академия, 2008; *Гринёв-Гриневич С.В.* Введение в терминографию. Как просто и легко составить словарь / С.В. Гринёв-Гриневич. – 3-е изд., доп. – М.: Либроком, 2009.

рофранцузскому: в нём звучит аффриката tʃ: [tʃi:f], которая превратилась во французском языке в [ʃ]: [ʃef]. Народно-латинское *e* в открытом слоге под ударением дало дифтонг *ei*, который далее превратился в [oi], стал произноситься [wɛ] и наконец [wa]. Французская орфография *oi* отражает произношение примерно XII века, но английская – ещё более раннее – XI век. Ср.: *je reçois* и англ. *to receive* ‘получать’.

Обращение к английскому языку помогает разъяснить ряд проблем истории французского языка. Английский язык всегда был и становится, особенно сейчас, источником заимствований для других языков. Но многие заимствованные из него слова французского происхождения или же содержат латинские (романские) корни. Например, взятые из английского языка слова «ростбиф» и «бифшекс» исторически содержат французский корень *boeuf* ‘говядина’. В слове «чайнворд» ‘цепочка из слов’ (*англ.* *chainword*) мы узнаём французский корень *chaîne* ‘цепь’; «чемпион» происходит от *франц.* *champion* ‘боец на поле боя’ (*champ* ‘поле’); слово «чек» восходит в конечном счёте к *франц.* *éches*, «спорт» к старофранцузскому глаголу *esporter* ‘развлекаться’; «теннис» к старофранцузскому междометию *tenez!* ‘держите!’ (возглас при бросании мяча); «флирт» происходит от французского существительного *fleurette* ‘цветочек’: *conter fleurette* означало когда-то ‘ухаживать за девушкой’.

Казалось бы, «кетч» – вид вольной борьбы – чисто английский спортивный термин, но происходит он от английского выражения *catch as can* ‘хватать как можешь’, глагол *to catch* ‘хватать’ восходит к англо-норманнскому *cachier* (произносился звук [ч]), диалектному варианту старофранцузского *chacier*, то есть *chasser* ‘охотиться’ (а *chasser*, в свою очередь, происходит от народно-латинского *captiare* ‘хватать; ловить’). Один из учёных-романистов был, может быть, прав, говоря, что, распространяя свой язык по всему миру, англо-американцы в значительной степени распространяют французско-латинские корни.

§ 7.6 Проблема мотивированности слова

Значение слова считается мотивированным, если его можно вывести из значения составляющих частей. Например, слова *maisonnette* и *домик* мотивированны, так как их значение вытекает непосредственно из значения основ и уменьшительного суффикса. Переносное значение слова также является мотивированным, если ясна его связь с исходным значением слова. Например, слово *cornet* ‘кулёк’ мотивированно, так как *corn* ‘рог’, *-et* – уменьшительный суффикс, а предмет по форме напоминает маленький рожок.

Исследователи французского языка обычно подчёркивают в нём относительно слабую мотивированность слова: слова, связанные по значению, при этом не объединены по форме, или же эта связь неочевидна. Сравним русские и французские пары слов: *слепой* / *aveugle* – *слепота* / *cécité*; *неделя* / *semaine* – *недельный* / *hebdomadaire*; *ребёнок* / *enfant* – *ребяческий* / *puérole*. Русские слова в каждой паре происходят от одного корня, второе слово (прилагательное, отвлечённое существительное) образовано от первого, и его значение легко выводится из значения первого слова. Во французском языке звуковой связи между вторым и первым словом в парах нет, их значения произвольны, не мотивированы взаимно.

Нередко в словах одного гнезда представлены разные формы корня: исконная («народная») и заимствованная из латыни («учёная»). Например: *nuit* ‘ночь’ – *nocturne* ‘ночной’; *mois* ‘месяц’ – *mensuel* ‘месячный’; *éteindre* ‘гасить’ – *extinction* ‘угасание’; *mûr* ‘зрелый’ – *maturité* ‘зрелость’; *lieu* ‘место’ – *local* ‘местный’. Иногда это различие менее существенно: *sourd* ‘глухой’ – *surdité* ‘глухота’; *courir* ‘бежать’ – *incursion* ‘набег’.

Массовые заимствования из латинского языка вытеснили многие исконные производные слова, многие заимствованные формы основ приобрели в словообразовании большую продуктивность, чем исконная основа, особенно в сфере научной технической терминологии, при выражении отвлечённых качеств, понятий. Так, основа *mois* не имеет производных слов; все производные образованы от *лат. mens-, mestr-: mensuel, mensualité, bimensuel, trimestre, semestre*. В этой группе слов основы *mens-*

или *mestr-* также являются носителями значения ‘месяц’, только они, в отличие от *mois*, не употребляются отдельно, это связанные основы.

В грамматике мы встречались с явлением *супплетивизма* – использованием разных форм основы: *j’allais, je vais, j’irai*. Приведённые случаи из области лексики можно трактовать как супплетивизм в сфере словообразования: в пределах одной семантической группы слов используются различные основы, восходящие к одному или даже к разным источникам. Эта разнородность в строении гнезд слов наблюдается во всех языках, но для французского она особенно характерна.

Одно и то же понятие выражается разными основами: собственно французскими с историческими чередованиями и латинской. Например, понятие «место» выражают три основы: 1) *франц.* ударная *lieu*: *lieu, milieu, lieutenant* ‘заместитель’; 2) *франц.* безударная: *louer* ‘сдавать помещение’; *loyer* ‘плата за найм помещения’; 3) *лат.* *loc-*: *local, localiser, location, disloquer, locomotive, etc.*

Понятие «вода» выражено в основах: 1) *франц.* *eau*: *eau-forte*; 2) *лат.* или *итал.* *aqua-*: *aquatique, aqueux, aqueduc, aquarium, aquarelle, etc.* В обоих случаях исконно французская основа образует только сложные слова, тогда как производные образуются от заимствованной. Понятие «птица» отражено в двух основах: 1) *франц.* *oiseau* (слово восходит к *лат.* *avis*): *oisillon* *птенец*, *oiseler* *ловить птиц*, *oisellerie* *торговля птицами* и т.д.; 2) *лат.* *avis*: *aviculture* *птицеводство*, *aviaire* *птичий*, *avifuge* *отгоняющий птиц* и т.п.

Для овладения французским языком необходимо усваивать различные формы корня, определяемые звуковыми соответствиями между французским и латинским языками: *li(s)-* и *lect-* ‘читать’; *cour-* и *curr-* ‘бежать’; *dout-* и *dubit-* (*indubitable*) ‘сомневаться’; *chau-*, *chal-* и *cal-* ‘теплота’ (*chaud, chaleur, calorie*); *œil* и *ocul-* ‘глаз’ и т.п.

Французская и латинская основы могут восходить к разным корням, к ним может добавляться и греческая, так что семантическое гнездо приобретает сложную структуру. Так, понятие «лошадь, конь» выражается в основах: *франц.* *cheval*, *лат.* (или *итал.*) *caval-*, *лат.* *equus*, *греч.* *hipp-*: *cheval* ‘лошадь,

коннь', chevalin 'лошадиный, конский', chevaucher 'ехать верхом', chevalier 'рыцарь, всадник', cavalier 'всадник', cavalerie 'конница'; équestre 'конный', équitation 'конный спорт'; hippique 'конный', hippocampe 'морской конёк', hippotechnie 'коневодство', hippophagie 'потребление в пищу конины' и т.п. Французские гнёзда слов тоже оказываются мотивированными, только они членятся между несколькими основами, большая часть которых оказывается связанными.

§ 7.7 Объём значения слова

По объёму значения в языке различаются **гиперонимы** – слова с широким значением, выражающие родовые понятия, и **гипонимы**, выражающие видовые, более узкие понятия. Объёмы значения слов в разных языках не совпадают. Русскому слову «река» во французском соответствуют два гипонима: fleuve и rivière. Но обычно отмечают, что французский язык чаще использует гиперонимы, так что при переходе от него к другим языкам приходится употреблять более конкретное слово.

Ещё Шарль Балли отмечал, что немецкий язык «проводит различие между legen 'класть', stellen 'ставить', setzen 'сажать', hängen 'вешать', там где французский язык довольствуется бесцветным глаголом mettre. Такое же различие наблюдается и при выражении состояния: по-немецки говорят stehen 'стоять', liegen 'лежать', sitzen 'сидеть', hängen 'висеть'; французы же довольствуются глаголами être или se trouver»⁸⁹.

Мы видим, что русский язык здесь ближе к немецкому, чем к французскому. Авторы сопоставительной стилистики французского и английского языков пишут: «Создаётся впечатление, что очень часто французское слово служит общим знаменателем для ряда английских синонимов, которым недостаёт родового термина»⁹⁰.

С явлением конкретизации мы нередко встречаемся и при переходе от французского языка к русскому. Это подметил ещё

⁸⁹ Балли Ш. Указ. соч., с. 378.

⁹⁰ Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais / J.-P. Vinay, J. Darbelnet. – Paris, 1958, p. 59.

сто лет тому назад. П. Хохряков, сравнивавший особенности двух языков: «Что может быть проще слова *boîte*? Оно относится к категории внешних физических предметов, и, несмотря на это, мы не имеем термина, чтобы обозначить вообще закрытое помещение для мелких предметов, и должны переводить *une boîte* на разные манеры – ‘*ящик, коробочка, табакерка, корпус* (для часов)’»⁹¹. К этому ещё можно было бы добавить: *коробок* (спичек), *коробка* (конфет), *банка* (консервная) и др. *Aiguille* – это *игла, иголка, стрелка* (магнита), *шпиль* (здания), *спица* (вязальная) и т.д.

Особенно характерна широта значения для французского глагола. Так, глаголу *couper* в русском языке соответствуют три глагола, в зависимости от орудия, с помощью которого совершается действие: *рубить* (топором), *резать* (ножом), *стричь* (ножницами). Каждый из этих глаголов «обрастает» серией префиксов, уточняющих действие, так что в контексте французскому *couper* может соответствовать множество глаголов: *рубить, отрубить, срубить, нарубить, перерубить, резать, отрезать, срезать, перерезать, стричь, подстричь* и т.д. Например: *couper les branches d'un arbre* ‘обрубить сучья на дереве’, *couper les pages d'une revue* ‘разрезать страницы журнала’, *couper les blés* ‘жать хлеб’ и т.п.

Иногда французский глагол является «общим знаменателем» для ряда русских и семантически равнозначен префиксу: *arriver* – *прибыть, прийти, приехать, прилететь* (= *при*); *défaire* – *расплести* (косу), *развязать* (узел), *распороть* (шов), *распаковать* (пакет), *растегнуть* (пряжки), *расшнуровать* (ботинки), *расстроить* (планы) и т.п. (= *раз*). Широта значения обнаруживается даже у служебных слов.

Предлог **de** является обобщённым показателем связи, ему в русском тексте могут соответствовать предлоги, уточняющие характер отношения: *son arrivée de Paris* – *его приезд из Парижа*, *son voyage de Moscou* – *его поездка в Москву*, *un livre de chimie* – *книга по химии*, *la bataille de Leipzig* – *битва под Лейпцигом*, *le passage de Bérézina* – *переход через Березину*, *l'amour*

⁹¹ Хохряков П. Язык и психология: монография / П. Хохряков. – Казань, 1889. – С. 23.

de la patrie – любовь к родине и т.д.

Различаются три типа конкретизации: идеографическая, эмоционально-экспрессивная и функционально-стилистическая. Примеры на идеографическую конкретизацию приводились выше. При экспрессивно-эмоциональной конкретизации одному французскому слову в русском языке соответствует ряд слов, выражающих разную оценку – нейтральную, положительную, отрицательную: tribunal ‘суд, судилище’; soldat ‘воин, солдат’; marcher ‘идти, шествовать’; jeter ‘бросать, швырять’; intransigence ‘непримиримость, несговорчивость’ и т.п.

При функционально-стилистической конкретизации французскому слову соответствуют в русском языке несколько, из которых одни являются общеобиходными, а другие специальными терминами; ср. chambre – ‘комната’, *tex.* ‘камера’; branche – ‘ветка’, *tex.* ‘ответвление’; poil – ‘волос’, *tex.* ‘ворс’; attaque ‘нападение’, *воен.* ‘атака’. Многие французские специальные термины созданы путём переноса значения общеупотребительных слов: arbre ‘вал, ось’; boyau ‘шланг, ход сообщения’.

Широкозначность французских слов приводит к тому, что нередко значение слова уточняется только по связи с другими словами в предложении. Русские слова *звон, стук, шарканье, гул, рёв* сами по себе указывают на характер звука, французское bruit уточняет его в словосочетании: le bruit de la cloche, le bruit des roues, le bruit des pieds, le bruit des voix, le bruit des moteurs. Получается, что в русском языке слово легче понимать, чем во французском, где для точного понимания нужен контекст.

С другой стороны, французское слово более просто в употреблении: его можно включить в более разнообразные контексты там, где по-русски нужно делать выбор между словами. Например, фраза А.П. Чехова *Слышался говор и звяканье посуды* переводится, обобщённо: On entendait un bruit d’assiettes et des conversations; с другой стороны, при переводе фразы Эмиля Золя *L’oreille emplie de bruit de ces chevaux et de ces soldats* используется конкретизация: ...оглушённый топотом коней и шагом солдат. Следовательно, французское слово относительно более самостоятельно в плане употребления и менее самостоятельно в плане понимания.

Ввиду тенденции французского языка к употреблению

слов широкого значения многие учёные называют французский язык «абстрактным». Датский ученый В. Брендаль даже издал в 1936 году книжку под названием «Le français, langue abstraite», где он отмечал, что французский язык употребляет самые абстрактные глаголы: faire, être и др., самые абстрактные местоимения: on, que и т.д.

В эти определения необходимо внести оговорки. Во-первых, далеко не всегда французский язык использует слова более широкого значения по сравнению с другими языками. Можно привести немало примеров, подобных слову *река*, например: *часы* – pendule, horloge, montre; *палец* – doigt, orteil; *рука* – main, bras. Даже в системе глаголов, благодаря образованию их от существительного, создаются во французском языке глаголы более конкретные, чем в русском, уточняющие средство или объект действия. Например, действие «покрывать, накрывать» уточняется во французском языке глаголами: bacher, banner ‘накрывать брезентом’; saragaçonner ‘покрывать попоной’, dallier ‘покрывать плитками’, cuivrer ‘покрывать медью’ и т.п.

Во-вторых, гипероним – широкозначное слово – появляется во французском тексте обычно в том случае, когда ясно, о чём идёт речь, при повторном обозначении либо в ясной ситуации. Например, Il prenait chaque matin l'omnibus pour se rendre à son bureau... Il la voyait apparaître toujours au coin de la rue; et elle se mettait à courir pour rattraper la lourde voiture (Guy de Maupassant). Во втором случае вместо гипонима omnibus использован гипероним voiture. Если ситуация ясна, французский язык употребит гипероним: En close bouche n'entre point mouche (Mérimée). В рот, закрытый глухо, не залетит муха. Глагол entrer обозначает движение внутрь в общем плане, без уточнения способа передвижения, он может быть переведён глаголами *войти, вбежать, влететь* и т.п. Ситуация здесь ясна: муха обычно передвигается летая.

При неоднозначности ситуации по-французски употребляется более конкретное слово: она не входила – она влетала, как тонкая сверкающая птица (К.Э. Паустовский) Elle ne marchait pas, elle voltigeait comme un oiseau mince, étincelant. Таким образом, употребление широкозначной лексики во фран-

цузском языке обусловлено текстуально.

Аналогично используются и грамматические средства широкого значения: местоимение *on* (вместо личных), настоящего времени (вместо других времён), союза *que* (вместо других союзов при повторении), глагола *faire* (при замещении других глаголов при повторении). Широкозначные фразеологические обороты, (типа *il en est de même*) также позволяют избежать повторов.

§ 7.8 Семантические группы слов. Теория семантических полей И. Трира

Словарный состав не представляет собой хаотической, не организованной массы лексических единиц; слова группируются в нём по сферам своего употребления, по семантическим и фонетическим связям, по структурным особенностям, причём различного рода связи между словами часто перекрещиваются.

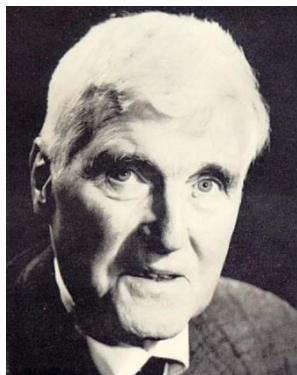
Правильно понять дифференциацию лексики на разные группы слов (в том числе и семантические группы) можно лишь при правильном общеметодологическом подходе к языку как к общественному явлению.

В лингвистике слово рассматривается как единство звучания и значения. Ни звучания без значения, ни значения без звучания в языке не существует. Звучание – это тот материальный облик, в котором слово функционирует в языке как единица, обладающая определённым значением (связанным именно с данным звучанием). Игнорирование материальной стороны слова, его звучания и рассмотрение слов лишь со стороны выражаемых ими понятий является поэтому ошибочным подходом к слову и к языку вообще.

Отражение понятия есть лишь один из компонентов значения слова, и понятие может передаваться разными словами по-разному. Такой подход, в частности, характерен для теории так называемых «семантических полей», разработанной известным немецким учёным, профессором Мюнстерского универси-

тета Иостом Триром (Jost Trier; 1894-1970; см. фото)⁹² и его последователями.

В своей основной работе, посвящённой проблеме «семантических полей», Иост Трир предлагает при исследовании лексики исходить не из слов, но из того или иного круга понятий, выражаемых соответствующей группой слов, практически применяя это положение по отношению к группе следующих лексических единиц: *intelligent* (*klug*) ‘умный’, *sage* (*weise*) ‘мудрый’, *raisonnable* (*gescheit*) ‘рассудительный, разумный’ и других слов, выражающих понятия, связанные с областью интеллекта.

Эти понятия и составляют для него единое семантическое поле, к которому в разные эпохи развития языка относятся разные слова, вследствие чего Иост Трир говорит о «перегруппировке (*Umgliederung*) членов семантического поля» в разные исторические периоды. *Семантическое поле рассматривается Иостом Триром, таким образом, как определённая языковая реальность, получающая в разные эпохи различное выражение в языке.*

Теория «семантических полей» подвергалась критике со стороны многих учёных. Так, в частности, в опубликованной в 1954 году статье В. Бетца указывается именно на то, что так называемые «семантические поля» представляют собой не реально существующие в языке объективные явления, но абстракции, носящие субъективный характер⁹³.

⁹² *Trier J.* Der Deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes / Jost Trier. – Heidelberg, 1931. Термин «семантическое поле» возник в лингвистической литературе несколько раньше; этот термин выдвинут ещё в 1924 году Гюнтером Ипсеном (*Ipsen G.* Der Alte Orient und die Indogermanen, Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft / Günter Ipsen. – Heidelberg, 1924), однако, теория **семантического поля** разработана И. Триром и его школой.

⁹³ *W. Betz.* Zur Überprüfung des Feldbegriffes // *Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiet der indogermanischen Sprachen*, Neue Folge, 1954. Bd. 71, Hefte 3/4, S. 189-198.

Несостоятельность теории «семантических полей» В. Бетц доказывает результатами проведённого им среди студентов лингвистического эксперимента, состоящего в том, что студентам (77-ми человекам) было предложено написать прилагательные, принадлежащие к области интеллекта⁹⁴. Результаты этого опыта показали, что только четыре приведённых в качестве примера слова (т.е. *klug*, *weise*, *schlau*, *gerissen*) были записаны студентами, составлявшими примерно три четверти участников данного опыта, слова: *intelligent* ‘интеллигентный, умный’ и *verständlich* ‘разумный’ были также выписаны большей частью подопытных лиц. Остальные же записали разные слова в разной повторяемости от участника к участнику (всего было выписано 334 разных слова).

Автор отмечает также, что целый ряд слов (таких, как: *gescheit* ‘рассудительный, разумный’, *geistreich* ‘остроумный’ и другие прилагательные, связанные с данной областью понятий) вообще никем отмечены не были.

На основе своего эксперимента В. Бетц подвергает сомнению объективность существования в языке «семантических полей». Он считает, что, если бы эти «поля» действительно имелись в языке как нечто цельное (положение, выдвинутое Йостом Триром), то тогда они были бы воспроизведены участниками опыта. Хотя эксперимент В. Бетца и не является вполне убедительным, – так как известно, как трудно, например, бывает перечислить те или иные (реально существующие) в языке синонимы, – однако этот эксперимент показывает критическое отношение к теории Йоста Трира среди самих немецких учёных.

В связи с критикой теории «семантических полей» необходимо заметить, что отсутствие в языке таких «полей» вовсе не означает отсутствия в нём синонимических групп слов, исследованию которых посвящён ряд очень ценных работ немецких и других зарубежных учёных (в том числе работ самого Йоста Трира и его последователей).

Теория семантических полей в современном языкознании обрела «второе дыхание». В настоящее время под **полем понии-**

⁹⁴ Wörter für positive Verstandsqualitäten wie *klug*, *weise*, *schlau*, *gerissen*, usw.

мается иерархическая структура множества (совокупности) лексических единиц, объединённых смысловой, содержательной (реже грамматической) общностью. Такие структуры отражают понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений.

Семантическое поле включает лексические единицы, имеющие общий (интегральный) семантический признак и отражающие в языке определённую понятийную сферу. Например, признак “отношение родства” объединяет такие термины родства, как *мать, отец, сын, дочь, брат, сестра, внук, внучка* и др. Семантическое поле ‘передвижение в пространстве’ включает глаголы *идти, бежать, мчаться, нестись, плыть, лететь, ехать, направляться, следовать* и др.

Термин «семантическое поле» часто употребляется в качестве синонима к терминологическим сочетаниям *лексико-семантическая группа, тематическая группа, лексико-семантическая парадигма*. Поэтому в лингвистических исследованиях зачастую выделяются семантические поля терминов и понятий медицины, названий деревьев и растений, сельскохозяйственных орудий труда, обозначений цвета, наименований музыкальных инструментов и др. Ассоциативные поля объединяют вокруг слова-стимула различные единицы, связанные с ним какими-либо ассоциациями. В морфосемантические поля включаются слова, имеющие общие семантические признаки, а также общие аффиксы или основы.

§ 7.9 Особенности словообразования в современном французском языке

Во французской филологии не раз высказывалось мнение, что словообразование во французском языке утратило продуктивность и что поэтому новые понятия обозначаются аналитическим способом или метафорически – путём переноса значения слова. Действительно, нередко отдельному русскому слову во французском соответствует словосочетание, в том числе и предложное: *une table de bois* ‘деревянный стол’; *faire peur* ‘испугать’, *faire la grève* ‘бастовать’, *un petit cheval* ‘лошадка’, *un grain*

de poussière ‘пылинка’; les années *de guerre* ‘военные годы’, un homme *sans défense* ‘беззащитный человек’ и т.п. Подобные аналитические обозначения очень распространены во французском языке, они привлекают внимание лингвистов, но при этом мешают видеть истинное положение дел во французском словообразовании.

В целом французское словообразование не менее развито, чем в других языках, но оно активно в иных сферах, языки богаты по-разному. Есть такие области, где, действительно, возможности образования новых слов во французском языке ограничены. Прежде всего, это образование глаголов с помощью приставок, уточняющих пространственную и качественно-количественную характеристику действия.

В русском языке от любого глагола мы можем образовывать целые серии таких глаголов, например, от *бегать*: *выбегать*, *перебегать*, *набегать*, *сбегать*, *вбегать*, *разбежаться*, *набежаться*, *забегать*, *прибегать*, *отбегать* и т.п. От французского *courir* можно образовать только *assourir* ‘сбежаться, набежать’, *parcourir* ‘пробежать’, устаревшее *s'encourir* (*concourir* ‘конкурировать’, *recourir* ‘использовать’ и др. отошли от понятия «бег»). Поэтому, если нужно точно передать значение, например, глагола *выбежать*, то приходится обращаться к словосочетанию: *sortir en courant*.

Во французском языке менее свободно, чем в русском, образуются прилагательные, выражающие принадлежность: *de maman* ‘мамин’, *de Jeannot* ‘Ванин’, *une taniere d'ours* ‘медвежья берлога’, *un trou de rat* ‘крысиная нора’; прилагательные, обозначающие материал, из которого сделан предмет: *une montre en or* ‘золотые часы’; назначение: *une tasse à thé* ‘чайная чашка’, *un moulin à café* ‘кофейная мельница’; сложные прилагательные: *une femme aux yeux bleus* ‘голубоглазая женщина’, *un enfant de trois ans* ‘трёхлетний ребёнок’.

Во французском языке сравнительно мало употребляются уменьшительные суффиксы, в чём видят последствия нормализации XVII-XVIII веков, когда из употребления изгонялись слишком экспрессивные средства выражения. Конечно, во французском языке такие суффиксы имеются (-et, -ette, -on, -illon, etc.), но они не так свободно используются, как в русском,

и соответствующее значение часто передаётся прилагательными *petit, raucge* и т.п., а то и остаётся без специального выражения: столик – *une petite table*, ушко – *une petite oreille*, дядюшка – *mon petit oncle*, узенький – *étroit*.

С другой стороны, во французском языке большой продуктивностью отличается суффикс *-eur*, обозначающий действующее лицо. Практически он может присоединяться при необходимости к основе любого глагола, и в русском языке ему нередко соответствуют причастия: *dormeur* ‘спящий’, *dîneur* ‘обедающий’, *promeneur* ‘гуляющий’.

Характерной особенностью французского, языка является свободное образование глаголов от существительных без помощи суффиксов. В русском языке такое явление тоже имеет место: *барабан – барабанить, гвоздь – гвоздить, змея – змеиться* и т.п., особенно при наличии префиксов: *пригвоздить, обесцветить, обветриться* и т.п. Но во французском языке этот способ образования глаголов исключительно продуктивен: при необходимости от любого существительного можно образовать глагол с помощью конверсии или конверсии с префиксацией. Например: *mur – murer* ‘замуровывать, обносить стеной’; *plume – plumer* ‘ощипывать’; *gant – ganter* ‘надевать перчатки’; *piège – piéger* ‘поймать в ловушку’ и т.п. Мы видим, что в русском языке таким глаголам могут соответствовать или глаголы от иной основы, или словосочетания.

Особенно многочисленны отыменные глаголы с префиксами *dé-, a-, en-*; например, по-русски невозможно сказать: **пристолиться* или **укроватить*; по-французски это возможно: *on s’est attablé, le docteur a alité le malade*.

Из средств словосложения в современном языке широко используется модель «основа глагола + существительное» (например, с *porte-*: *porte-clés, porte-fleurs, porte-savon, etc.*, а также сочетание «существительное + существительное», рассматриваемое или как сложное слово, или как существительное с приложением (например, с *ville-*: *ville-satellite, ville-dortoir, ville-jardin, ville-village, ville-aéroport*). При помощи таких образований можно не только уточнять устройство и назначение предмета, но и выражать оценочные значения: *ville-pieuvre, ville-fourmilière*.

Важным источником средств словообразования в современном французском языке являются латинские и греческие элементы. Мы видели, что во французском семантическом гнезде сосуществуют основы разного происхождения. Благодаря распространению образования, средствам массовой коммуникации, прессе технические, медицинские, научные термины становятся всё более знакомыми широкой публике.

Это позволяет при образовании новых слов обращаться к латинско-греческим элементам. Так, чтобы обозначить прибор, автоматически отмечающий час (например, прихода и ухода на работу, постановки автомобиля на стоянку), была использована не основа **heure**, не образующая новых слов (кроме сложных), а её латинский вариант *hor(a)-*, присутствовавший уже в слове *horaire*. Так было создано слово *horodateur*, глагол *horodater*. Чтобы обозначить средство от кашля, был взят не французский вариант основы (*toux, tousser*), а латинский (*antitussif*). Названия отраслей сельского хозяйства образуются от латинских, а не собственно французских обозначений животных: *apiculture* ‘пчеловодство’, *caniculture* ‘собаководство’, *cuniculture* ‘кролиководство’ (от *lat. cuniculus* ‘кролик’) и т.д.

В небольшом словаре неологизмов J. Cellard, M. Sommant «500 mots nouveaux définis et expliqués» (P. – Gembloux, 1979) мы обнаруживаем разнообразные по структуре неологизмы, показывающие, с какой лёгкостью французский язык образует слова для обозначения новых предметов и понятий. Вот некоторые примеры: *avionner* ‘перевозить на самолёте’ (*des médicaments avionnés*), *balconnière* ‘цветочный ящик для балкона’, *cinémathécaire* ‘работник фильмотеки’, *hivériser* ‘приготавливать к зиме’, *déverglacer* ‘удалять гололёд’, *désilage* ‘выемка силоса из хранилища’, *déneigeuse* ‘снегоочистительная машина’ (в Канаде), *accidentologie* ‘изучение несчастных случаев’ и т.д.

Современный французский язык – очень динамичный язык с разветвлённой и гибкой системой словообразования. В ежегодно переиздаваемый словарь «Малый Ларусс» каждый год включается 350-400 новых слов. Некоторые слова исключаются,

но в целом словник обновляется на 1-1,5% в год⁹⁵.

Литература к модулю

Основная

Гак В.Г. Введение во французскую филологию: учебное пособие для вузов / В.Г. Гак. – М.: Просвещение, 1986. – С. 170-177.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков): монография / В.Г. Гак. – М.: Изд-во «Международные отношения», 1977.

Дополнительная

Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии: монография / О.С. Ахманова. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957.

Будагов Р.А. Введение в науку о языке: учебное пособие для вузов / Р.А. Будагов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1965. – С. 7-155.

Кодухов В.И. Введение в языковедение: учебник для вузов / В.И. Кодухов. – М.: Просвещение, 1979. – С. 184-231.

Левит В.Н. Лексикология французского языка: учебник для вузов / В.Н. Левит. – М.: Просвещение, 1979.

Назарян А.Г. Почему так говорят по-французски. Происхождение и толкование идиоматических выражений: учебно-практическое пособие / А.Г. Назарян. – М.: Просвещение, 1968.

Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи: учебное пособие для вузов / С.И. Ожегов. – М.: Высшая школа, 1974.

Реформатский А.А. Введение в языковедение: учебник для вузов / А.А. Реформатский; под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 386-455.

⁹⁵ *Dubois J. et C.* Introduction à la lexicographie: le dictionnaire / J. et C. Dubois. – Paris, 1971, pp. 112-113.

Список рекомендуемой литературы

Классическая

Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики: монография / В.Г. Адмони; Академия наук СССР; Институт языкознания; отв. ред. В.М. Павлов. – Л.: Наука; Ленинградское отделение, 1988.

Балли Ш. Французская стилистика (Traité de stylistique française): монографический учебник для вузов / Шарль Балли; пер. с франц. К.А. Долинина под ред. Е.Г. Эткинда. – 3-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология: учебник для вузов / В.Г. Гак. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1986.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков): монография / В.Г. Гак. – М.: Изд-во «Международные отношения», 1977.

Доза А. История французского языка: монографический учебник / А. Доза; пер. с франц. Е.Н. Шор под ред. и с предисловием М.С. Гурьчевой. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1956.

Коэн М. Заметки о методе изучения истории французского языка. Notes de méthode pour l'histoire du français (на французском языке) / Марсель Коэн. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1958 (Серия «Библиотека филолога»)

Реферовская Е.А. Формирование романских литературных языков. Французский язык: монография / Е.А. Реферовская. – М.: ЛКИ, 2007. (Серия «Из лингвистического наследия»)

Щерба Л.В. Фонетика французского языка: учебное пособие для вузов / Л.В. Щерба. – М.: Высшая школа, 1963.

Основная

Александровская Е.Б. и др. Учебник французского языка. Le Français.ru A1: учебник для вузов / Е.Б. Александровская, Н.В. Лосева, Л.Л. Читахова. – 3-е изд., стереотип. – М.: ООО «Издательство “Нестор Академик”», 2012.

Александровская Е.Б. и др. Учебник французского языка. Le Français.ru A2: учебник для вузов / Е.Б. Александровская, Н.В. Лосева, Л.Л. Читахова. – 2-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство “Нестор

Академик»», 2010.

Ангелевич А.Е., Золотницкая С.П. Французский язык за два года. Le Français en deux ans: учебное пособие для учащихся 9-10 классов средней школы, не изучавших иностранный язык в восьмилетней школе / А.Е. Ангелевич, С.П. Золотницкая. – М.: Просвещение, 1976.

Китайгородская Г.А. Французский язык. Интенсивный курс обучения: учебное пособие для вузов / Г.А. Китайгородская. – 2-е изд., доп. – М.: Высшая школа, 1986.

Дополнительная

Бреннер Ж. Моя история современной французской литературы: монография / Жак Бреннер; предисловие, перевод с франц., комментарий О.В. Тимашовой. – М.: Высшая школа, 1994.

Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили: монография / Р.А. Будагов. – М.: Высшая школа, 1967.

Виллер М.А. и др. Фонетика французского языка: учебное пособие для вузов / М.А. Виллер, М.В. Гордина, Г.А. Белякова. – Л.: Просвещение, 1977.

Гак В.Г. Беседы о французском слове: учебно-практическое пособие / В.Г. Гак. – М.: Просвещение, 1966.

Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским: учебное пособие для вузов / В.Г. Гак. – 2-е изд., перерабю и доп. – М.: Русский язык, 1988.

Катагощина Н.А. О современном французском произношении: учебное пособие для вузов / Н.А. Катагощина. – М.: Просвещение, 1974.

Катагощина Н.А. и др. История французского языка: учебник для вузов / Н.А. Катагощина, М.С. Гурычева, В.А. Аллендорф. – 2-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1976.

Кузнецов П.С. О принципах изучения грамматики: монография / П.С. Кузнецов; под ред. В.А. Звегинцева. – 2-е изд., испр. – М.: Едиториал УРСС, 2003.

Левит В.Н. Лексикология французского языка: учебник для вузов / В.Н. Левит. – М.: Просвещение, 1979.

Назарян А.Г. Почему так говорят по-французски. Происхождение и толкование идиоматических выражений: учебно-практическое пособие / А.Г. Назарян. – М.: Просвещение, 1968.

Николаева Т.А. Как говорить и вести себя во Франции: учебно-практическое пособие / Т.А. Николаева. – М.: Изд-во «Э», 2016 (+ CD).

Покровская М.Е. Французский на все случаи жизни. Полезный самоучитель: учебно-практическое пособие / М.Е. Покровская, О.С. Покровская. – М.: Изд-во АСТ, 2017.

Степанов Ю.С. Французская стилистика: монографический учебник для вузов / Ю.С. Степанов. – М.: Просвещение, 1965.

Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка: монографический учебник / Н.М. Шанский; предисловие Т.А. Бобровой. – Изд-е стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2017.

Штейнберг Н.М. Грамматика французского языка (на французском языке) в 2-х частях: учебник для вузов / Н.М. Штейнберг. – Л.: Просвещение, 1972.

Щетинкин В.Е. История французского языка: учебное пособие для вузов / В.Е. Щетинкин. – М.: Высшая школа, 1984.

Энциклопедические издания, словари и справочники

Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французо-русский словарь: около 70 000 слов, 200 000 единиц перевода / Составители В.Г. Гак, К.А. Ганшина. – М.: Русский язык, 1994.

Кумлева Т.М. Самая современная фразеология французского языка. Справочник: свыше 5 000 самых употребительных французских фразеологизмов / Т.М. Кумлева. – М.: Астрель; АСТ, 2011.

Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь: 2028 словарных статей: учебно-практическое пособие / Л.Л. Нелюбин. – 6-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2009.

Переверзева Е.Ф. Русско-французский фразеологический словарь: 1 800 русских фразеологических единиц (Dictionnaire des expressions idiomatiques russe-français) / Е.Ф. Переверзева. – М.: Флинта; Наука, 2017.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения: около 5 500 слов и выражений / РАН; Ин-т лингвистических исследований; под ред. Г.Н. Складневской. – СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс», 1998.

Франция. Большой лингвострановедческий словарь: 8 000 реалий истории, экономики, культуры, природы, спорта, традиций, быта, общественной жизни / Л.Г. Веденина, И.С. Вдовина, Л.А. Гаврилов и др.; под общ. ред. Л.Г. Ведениной. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2008.

Французско-русский и русско-французский словарь: пособие для учащихся: 2 500 слов / В.Г. Гак, Е.А. Беляева, Л.С. Ковшова, В.А. Слободчиков; под ред. В.Г. Гака. – М.: Просвещение, 1992.

Научно-методическое издание

Особенности французского языка (теория французской лингвистики):
учебно-практическое пособие для учащихся 8-9 классов общеобразовательных
организаций, изучающих французский язык как второй иностранный

Les principales caractéristiques de la langue française
(Théorie de la linguistique française)

Автор-составитель О.В. Долгополов
Подготовка оригинал-макета: О.В. Долгополов